

Соколов Б. В.

Охота на Сталина.

Охота на Гитлера.

Тайная борьба спецслужб.

СОДЕРЖАНИЕ:

Охота с Востока, или Дело комиссара Люшкова	8
Немецкие Штирлицы в советских штабах	61
Обер-лейтенант Пауль Зиберт и несостоявшаяся охота на "Большую тройку" в Тегеране	167
Охота на Сталина осенью сорок четвертого: невзорвавшийся ком грязи	272
Охота на Гитлера: советские агенты и германские заговорщики	316
Тайна "Красной капеллы"	325
Избранная библиография	378

Соколов Б. В.

С 40 Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. - М.: Вече, 2000. - 384 с, илл. (16 с.) (Военные тайны XX века)

ISBN 5- 7838-0640-4

Автор книги известный историк и публицист Борис Соколов предлагает читателям заглянуть за кулисы тайной борьбы спецслужб великих держав, пытавшихся в ходе Второй мировой войны организовать покушение на руководителей противостоящих им государств. Какие покушения планировались на Гитлера и Сталина, почему они не увенчались успехом, какую роль в этом сыграли разведслужбы Германии и СССР? На эти и другие вопросы отвечает в своей новой книге автор.

Мы довольно неплохо осведомлены о советских разведчиках и агентах периода Второй мировой войны в Германии и Японии. Много книг и статей написано о так называемой "Красной капелле" - разветвленной сети советской разведки в Западной Европе, особенно в Германии, где на СССР работала большая группа офицеров и чиновников, занимавших ответственные посты в штабах и министерствах. Имена лейтенанта Харро Шульце-Бойзена, профессора Арвида Харнака и многих других участников "Красной капеллы" теперь широко известны. Интересно, что почти все они сотрудничали с советской

разведкой не из-за денег, а по идейным соображениям, будучи глубоко убеждены, что Гитлер и его режим несут страшную угрозу Германии и всему миру.

Немало написано книг и снято фильмов о разведчиках Николае Кузнецове и Рихарде Зорге, одно время ставших культовыми историческими фигурами. Такой легендарной фигурой до сих пор остается и Рудольф Абель. Вот только о его работе в Германии в военную пору обычно говорят глухо и не слишком внятно.

В последние годы списки "наших людей в Берлине" пополнились новыми именами, в частности благодаря книге Павла Судоплатова "Разведка и Кремль". В ней, например, много рассказано о прототипе лихого советского разведчика Штирлица из романа Юлиана Семенова "Семнадцать мгновений весны". Роман был экранизирован в виде телесериала режиссером Татьяной Лиозновой, и благодаря этой монументальной ленте Штирлиц стал непременным настоящим народным любимцем и персонажем анекдотов. Однако судьба прототипа была куда печальнее. Осенью 1942 года работавший на НКВД офицер гестапо Вильгельм Леман был арестован в Берлине и казнен, причем о казни не знала даже его жена (официально Леман до конца войны числился пропавшим без вести). Кстати сказать, и для этого агента материальный стимул явно не был главным в сотрудничестве с советской разведкой, и, как и большинство деятелей "Красной капеллы", он за свою смертельно опасную работу в конечном счете получил в вознаграждение смерть.

Конечно, далеко еще не обо всех выдающихся советских агентах в Германии сегодня известно совершенно все. Однако архивы свидетельствуют, что с конца 1943 года, когда в Швейцарии была арестована группа Шандора Радо, информации стратегического значения из-за линии фронта в СССР больше не поступало. Некоторые источники Радо до сих пор не раскрыты, и есть основания полагать, что ряд агентов на самом деле поставляли ему дезинформацию, подготовленную германскими спецслужбами.

Иную картину мы наблюдаем в отношении немецких агентов в Советском Союзе, действовавших в годы Великой Отечественной войны. О них в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий почти ничего не писали. До сих пор не было публикаций даже о разоблаченных немецких шпионах, занимавших более-менее заметное положение в советских учреждениях и штабах и поставлявших германскому командованию в той или иной мере ценную информацию. Обычно мемуаристы-контрразведчики и историки советской разведки и контрразведки сообщают только о захвате разведывательных или диверсионных групп вскоре после перехода ими линии фронта и успешных радиоиграх, которые вели чекисты с абвером (немецкой военной разведкой) с помощью попавших в их руки и перевербованных радистов. При этом сохраняется миф о полной недоступности советского общества для вражеской агентуры в годы войны, по крайней мере во всех значительных военно-политических и экономических сферах. Создается впечатление, что серьезных агентов у немцев в наших высших штабах (начиная от штаба армии) и граж-

данских учреждениях (наркоматы, ГКО и др.) не было. Положим, историки и мемуаристы не кривят тут душой и в 1941-1945 годах действительно не было разоблачений крупных немецких шпионов. Но если не было разоблачений, это вовсе не значит, что не было агентов. Напротив, опубликованные после войны немецкие документы свидетельствуют, что в Германию приходили важные донесения, которые отнюдь не были плодом дезинформации с советской стороны в ходе радиоигр.

По утверждению генерала Судоплатова, вплоть до 1943 года советская разведка всерьез рассматривала возможность организации покушения на Гитлера. Потом Сталин приказал прекратить эту тайную работу, опасаясь, что с преемниками фюрера западным державам легче будет договориться о сепаратном мире. Я коснусь и этой версии и попытаюсь ответить на вопрос, существовал ли у нас план устранения Гитлера в действительности.

Но германские и японские спецслужбы в СССР занимались не только разведкой. Есть сведения, что они готовили покушения на Сталина, однако, как известно, не достигли в этом успеха. Правда, никаких надежных документов на сей счет пока так и не найдено. Все версии основываются только на послевоенных воспоминаниях офицеров разведывательных органов Германии и Японии.

Давайте посмотрим, можно ли им верить. Начнем с истории покушения на советского вождя, будто бы готовившегося японской разведкой еще в 1938 году.

ОХОТА С ВОСТОКА, ИЛИ ДЕЛО КОМИССАРА ЛЮШКОВА

Ранним утром 13 июня 1938 года навстречу маньчжурским пограничникам, охранявшим границы марионеточной империи Маньчжоу-Го с Советским Союзом неподалеку отозера Хасан, направился человек лет 37-38, небольшого роста, с густой черной шевелюрой и в гимнастерке с тремя ромбами комиссара госбезопасности 3-го ранга на петлицах (в армии это соответствовало званию комкора). Его большие, кристально чистые глаза под длинными ресницами вглядывались во встречных острым внимательным взором профессионального дознавателя. Раннее брюшко выдавало человека, привыкшего к кабинетной работе.

При задержании неизвестный не оказал никакого сопротивления и сразу же заявил, что является высокопоставленным сотрудником НКВД. В доказательство он предъявил служебное удостоверение за номером 83, выписанное на имя Генриха Самойловича Люшкова, комиссара государственной безопасности 3 ранга, состоящего в должности начальника Управления НКВД Дальнего восточного края. Удостоверение подписал сам Народный комиссар внутренних дел СССР Генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов. Вернее, проставлены все его должности и звание, но сам автограф отсутствует. Выданное 1 февраля 1938-го, удостоверение было действительно до конца года. Еще задержанный имел с собой билет депутата Верховного

Совета СССР, причем избирался Генрих Самойлович от Камчатско-Колымского избирательного округа, самого для НКВД подходящего: из-за обилия лагерей. А 3500 маньчжурских юаней, как честно признался, он прихватил с собой из средств для оплаты иностранной агентуры.

Генрих Самойлович попросил, чтобы его поскорее переправили в Японию. Свой побег он объяснил страхом стать жертвой очередной кровавой чистки. Он готов был рассказать японцам все, что знает.

Через три недели, 1 июля, японские власти приняли решение обнародовать факт бегства в Страну Восходящего Солнца высокопоставленного чекиста. В газетах поместили фотографию Люшкова и фотокопию его удостоверения. Заголовки были соответствующе броские: "Жертвы чисток", "Казнен миллион советских граждан", "СССР в потоках крови". Вот что писала, например, 8 июля 1938 года газета "Хакодате симбун" в связи с делом Люшкова:

" На Дальнем Востоке создана система лагерей... для жертв террора, развязанного Сталиным внутри страны. По свидетельству Люшкова, все показательные процессы, организованные после убийства Кирова в декабре 1934 года (объединенного зиновьевско-каменевской блока, центра Сокольникова-Пятакова, маршала Тухачевского и др.), сфабрикованы с начала и до конца. Они готовились и проводились по личным указаниям Сталина... В лагерях находится около 4-5 миллионов человек. И это тот прогрессивный социальный строй, который Сталин при помощи Коминтерна старается навязать мировой цивилизации?"

В цифрах Люшков позволил себе сенсации ради преувеличения. Так, в лагерях в 1938 году было только 1 882 тысячи заключенных, а число приговоренных к смертной казни за политические преступления в 1921 - 1953 годах далеко не достигало названной Генрихом Самойловичем цифры и составляло 786 тысячи человек. Однако о фабрикации политических процессов и масштабе репрессий в стране бывший комиссар госбезопасности говорил чистую правду. В этом ведь он и сам принимал деятельное участие.

Побег Люшкова вызвал переполох в Москве на самом высоком уровне. Его дело обсуждалось на Политбюро и стало одним из поводов для смещения еще недавно всесильного Н. И. Ежова. 23 ноября 1938 года "железный нарком" обратился в Политбюро, ЦК и лично к товарищу Сталину с просьбой об отставке. Одной из причин такого шага он назвал дело Люшкова:

" Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший начальник УНКВД Дальневосточного края предатель Люшков и последнее время наркомвнудел Украинской ССР предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японию и Успенскому неизвестно куда..." (Уже при Берии чекисты выследили Александра Ивановича Успенского, и ему не удалось избежать пули в лубяном подвале. - Б. С).

В этом же письме Ежов, как положено, каялся, признавал "большие недостатки и промахи", но при этом гордо заявил. "Погромил врагов здорово".

В конце ноября 1938 года Ежов, только что лишившись поста наркома внутренних дел, но еще оставаясь на эфемерной должности наркома водного транспорта, признавался в письме Сталину: "Решающим был момент бегства Люшкова. Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского (первого заместителя наркома внутренних дел командарма 1 ранга. - Б. С.) и предложил вместе докладывать Вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: ну, теперь нас крепко накажут... Я понимал, что у Вас должно создаться настороженное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал все время".

Ежов не ошибся. Опального шефа НКВД действительно собирались "громить", точно так же, как он сам ранее "громил врагов народа". Правда, наказания пришлось ждать полтора года. Расстреляли "железного наркома" за "руководство заговорщической организацией", "шпионаж", фальсификацию уголовных дел и гомосексуализм 4 февраля 1940 года. Два первых обвинения были нелепы, фантастичны и самим Николаем Ивановичем не раз навешивались на невинных людей - фигурантов политических процессов. Два последних, напротив, были абсолютно истинны (но гомосексуализм по сегодняшнему уголовному кодексу России преступлением уже не является).

В тот же день казнили и М. П. Фриновского. Инкриминировали ему то же самое, за исключением гомосексуализма.

О судьбе руководителей НКВД стало известно много лет спустя. Однако Люшков наверняка догадался, что с Ежовым и Фриновским поступили именно так, как они собирались поступить и с ним самим. В начале июня 1938-го Генриха Самойловича отозвали из Владивостока в Москву для назначения на работу в центральный аппарат НКВД. Люшков сразу понял, что Ежов собирается расправиться с ним как с чекистом "старой гвардии" прежнего наркома Г. Г. Ягоды.

В первые же дни по прибытии в Японию бывший глава НКВД Дальнего Востока стал вести дневник, где поведал - для истории же, конечно, - почему стал перебежчиком. Отрывки из этого дневника были опубликованы в японских газетах, а в полном виде он появился в августе 1938 года в издававшемся "для служебного пользования" ежемесячном бюллетене "Гайдзи гэппо" (ежемесячник иностранного отдела полиции). Вот как звучат откровения Люшкова в обратном переводе с японского на русский, сделанном А. В. Трехсвятским:

"Почему я, человек, который занимал один из руководящих постов в органах "власти Советов", решился на такой шаг, как бегство? Прежде всего я спасался от чистки, которая вот-вот должна была меня коснуться. Накануне я получил приказ о переводе на новое место службы в Москву и директиву о немедленном отбытии туда; вместе со мной аналогичную телеграмму получил секретарь Далькрайкома Легконрахов; вызов руководящих сотрудников в Москву с последующим арестом стал в последнее время обычным. (В качестве примера можно привести: глава НКВД по Ленинградской области Заковский, глава НКВД Украины Леплевский, глава НКВД Белоруссии Берман, гла-

ва НКВД по Свердловской области Дмитриев и др.). Все они принадлежали к руководящему звену чекистов "старого призыва", к которому принадлежу и я. Я чувствовал, что в ближайшее время такая же участь постигнет и меня. Я стал готовиться к бегству, организовав командировку в район границы. Сначала я планировал переход в районе Гродеково, но в итоге перешел границу в районе Посьета (под предлогом оперативной встречи в пограничной полосе со своим агентом из Маньчжоу-Го. - Б. С).

Я много размышлял перед тем, как пойти на такое чрезвычайное дело, как бегство из СССР. Передо мной была дилемма: подобно многим членам партии и советским работникам быть оклеветанным и расстрелянным как "враг народа" или же посвятить остаток жизни борьбе со сталинской политической геноцида, которая приносит в жертву советский и другие народы. Мое бегство поставило под удар мою семью и друзей. Я сознательно пошел на эту жертву, чтобы хоть в какой-то мере послужить освобождению многострадального советского народа от террористически-диктаторского режима Сталина".

Здесь Генрих Самойлович явно лукавит. Ему пришлось бежать, спасаясь от ареста и расстрела - при чем здесь какая-то "сознательная жертва"? Выбора то все равно не было: свою шкуру спасал. Да и о семье успел позаботиться. При обыске японцы обнаружили у него телеграмму с довольно-таки странным текстом: "Шлю свои поцелуи..." Люшков объяснил им, что, приняв решение о побеге, отправил в Москву 27-летнюю жену Инну с 11-летней дочерью, а телеграмма была условным сигналом: семья выезжает на поезде через Польшу в Западную Европу, где дочери должны сделать срочную операцию. Получив такое известие, Люшков тотчас совершил переход границы. Жене Люшкова не удалось покинуть СССР. Вскоре после бегства мужа ее арестовали.

Как беженец по высоким идейным соображениям Люшков не мог вызвать доверия у японцев. Ведь он только что закончил депортацию с Дальнего Востока корейцев и китайцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию, и размах репрессий на восточной окраине России достиг пика именно при нем. Поэтому наш герой в дневнике счел необходимым покаяться:

"Велики мои преступления перед народом, так как я сам участвовал в этой страшной сталинской политике, убившей многих и многих советских людей. Нет особой надобности говорить, что сам факт моего бегства будет преподнесен как доказательство того, что я шпион, продавшийся японский наймит... Ноу меня небыло и нет иных целей бегства, кроме тех, о которых я уже говорил.

Почему я выбрал Японию? Я работал на Дальнем Востоке, т. е. важную роль сыграл географический фактор. Я благодарен стране, которая приняла меня как политического беженца и предоставила мне убежище. Не так уж редко противники политического режима, воцарившегося на их родине, вынуждены были бежать из своей страны. Руководители большевистской партии во времена борьбы с царизмом долгое время находили политическое убе-

жище в капиталистических странах и пользовались материальной помощью этих стран в борьбе за свой народ и не стыдились этого".

Генрих Самойлович намекал на немецкие деньги, полученные большевиками в годы Первой мировой войны. И патетически восклицал: "Да, я - предатель, но я предал Сталина, а не мой народ и родину, и однажды, когда деспот будет свергнут, я вернусь домой, в новую, светлую Россию".

Люшков далее утверждал, что ему раскрыли глаза события, связанные с убийством Сергея Мироновича Кирова:

"Для меня стало очевидным, что ленинизм потерял стержневую роль в политике партии. Мои сомнения начались с убийства Кирова Николаевым в 1934 году. Это убийство оказало большое влияние на партию и государство. Я не только в то время находился в Ленинграде и под руководством Ежова принимал участие не только в расследовании этого убийства, но и в последующих событиях: публичных процессах и казнях. Я имел непосредственное отношение к следующим делам:

1. Дело "Ленинградского центра" в начале 1935 года.
2. Дело "террористического центра", готовившего убийство Сталина в Кремле в 1935 году.
3. Дело "объединенного троцкистско-зиновьевского центра" в августе 1936 года.

Перед лицом мировой общественности я должен прямо заявить, что все эти "дела" являются сфабрированными. Николаев никогда не принадлежал к группе Зиновьева. Из знакомства с его дневниками видно, что это человек неуравновешенный, находящийся в плену диких фантазий, возомнивший себя вершителем судеб человечества и исторической личностью. Это хорошо видно из его дневника. Обвинения, прозвучавшие на судебном процессе в августе 1936 года (о связи с троцкистами и фашистским гестапо, об участии в заговоре Зиновьева и Каменева и их связи через Томского, Рыкова и Бухарина с правым центром), являются выдумкой. Все они были убиты, потому что, как и многие другие, выразили свое несогласие с антинародной политикой Сталина. Но их нельзя назвать выдающимися политиками, поскольку они тоже ответственны за творимое в стране".

Но Люшков категорически отвергал слухи о том, что к убийству Кирова приложил руку сам Сталин. В частности, он доказывал, что Сталин не мог организовать убийство кировского охранника Борисова, важного свидетеля по делу о покушении. Когда 2 декабря 1934 года Сталин позвонил заместителю Ягоды Я. С. Агранову и потребовал срочно доставить Борисова в Смольный на допрос, Люшков - в ту пору заместитель начальника секретно-политического отдела НКВД - присутствовал при этом разговоре. От звонка Сталина до роковой катастрофы с грузовиком, в которой погиб Борисов, прошло всего-навсего полчаса, а этого времени, утверждал Люшков как профессионал, совершенно недостаточно для организации и проведения покушения. Отвергал он и распространенную версию, будто Л. В. Николаев убил Кирова из ревности, заподозрив в нем любовника своей жены. И действительно, в

дневнике убийцы Кирова, опубликованном несколько десятилетий спустя, главной причиной, толкнувшей его на теракт, выступает совсем иное: обида на несправедливое, как он полагал, увольнение его с работы - в ленинградском Институте истории ВКП (б). В своем дневнике Николаев, человек с на редкость склочным характером, сначала писал о намерении убить директора института, потом - второго секретаря обкома и лишь в конце остановил свой мстительный выбор на Кирове как главном уже виновнике того, что жалобы его, обиженного партийца, Ленинградский обком так и не удовлетворил.

О любовных похождениях Мироныча говорил весь Ленинград, но нет ровно никаких данных, что он был в связи с Мильдой Драуле и что ее муж, Николаев, узнал об этом. Да и зачем бы Генриху Самойловичу приукрашивать моральный облик Кирова?

Но вернемся к Люшкову. Поводом к его бегству стала и подготовка советской стороной провокации в районе высоты Заозерная у озера Хасан, о чем он, начальник Дальневосточного НКВД, не мог не знать. 8 июня 1938 года Главный военный совет РККА принял постановление о создании на базе Особой Дальневосточной Краснознаменной армии Дальневосточного фронта, что ясно указывало на приближение военной грозы. Люшков через сеть осведомителей и особые отделы знал истинное состояние советских войск на Дальнем Востоке и всерьез опасался, что в случае неудачи станет одним из козлов отпущения. Здесь Генрих Самойлович, по всему, тоже не ошибался. Неудача у озера Хасан стоила командующему Дальневосточным фронтом Маршалу Советского Союза Василию Константиновичу Блюхеру не только высокого поста, но и головы.

По японской версии, изложенной в августе 1938 года в издававшемся Охранным бюро МВД Японии бюллетене "Гайдзи гэппо", события развивались следующим образом:

"Инциденту высоты Чангуфэнь (японское название Заозерной. - Б. С.) начался 12 июля 1938 года, когда несколько десятков советских солдат перешли советско-маньчжурскую границу и, противозаконно заняв высоту Чангуфэнь, начали возводить на ней укрепления. 14 июля представители властей Маньчжоу-Го, а 15 июля - правительство Японии выразили протест в связи с действиями советской стороны: в ответ на это СССР продолжал наращивать численность своего контингента в районе высоты. В результате контрмер, предпринятых императорской армией, а также переговоров между японским послом в СССР Сигэмицу и советским наркомом иностранных дел Литвиновым, проходивших 4,7 и 10 августа, было заключено соглашение о перемирии, а затем, 11 августа - соглашение о демаркации границы в этом районе, благодаря чему данный инцидент был окончательно урегулирован".

Советская версия того, из-за чего произошли бои у озера Хасан, естественно, иная. Согласно ей 15 июля 1938 года в районе Заозерной нарушил границу японский жандарм Сякуни Мацусима. Выстрелом из винтовки нарушитель был убит. В него стрелял начальник инженерной службы Посьетского отряда В. Веневитин. Японцы утверждали, что труп лежал на маньчжурской

стороне границы и, следовательно, виноваты в инциденте русские. Расследование, проведенное по приказу Блюхера, показало, что убийство действительно произошло на территории Маньчжоу-Го. А началось все несколькими днями раньше. В первых числах июля советские пограничники скрытно заняли позиции на высоте Заозерная и стали рыть там окопы и возводить проволочные заграждения. Граница же проходила по гребню этой сопки. 12 июля японцы обнаружили советские укрепления, а 15-го послали туда отряд жандармов, один из которых и был убит. В тот же день временный поверенный в делах Японии в Москве Ниси потребовал от советской стороны вернуть пограничников на прежние позиции. В ответ заместитель наркома иностранных дел Б. Стомоняков заявил, что ни один советский солдат границы не нарушал. Через четыре дня состоялся резкий обмен мнениями между послом М. Сигемицу и наркомом М. Литвиновым. По инициативе японского командования границу перешли десятки местных жителей с письмами, где просили русских уйти с маньчжурской земли.

Интересно, что советская сторона бои у озера Хасан неожиданно увязала с бегством бывшего шефа Дальневосточного НКВД. В стенгазете советского посольства в Токио в заметке с патетичным названием "Высота Заозерная - исконно русская земля", содержание которой стало известно японскому агенту, заявлялось, что пресса Японии в связи с "делом Люшкова" раздула истерическую и лживую пропагандистскую кампанию и что Советский Союз вынужден был укрепить свои дальневосточные границы. Но это была всего лишь пропагандистская уловка - не для широкой публики, а для дипломатов и военных. На самом деле, как мы помним, Дальневосточный фронт был сформирован за несколько дней до побега Люшкова и за месяц до первых выстрелов на Заозерной.

Тем временем в дело вмешался Блюхер, пославший на Заозерную свою комиссию... Позднее в секретном приказе наркома обороны Ворошилова от 31 августа 1938 года по итогам хасанских боев, в этом явном доносе на Блюхера, с возмущением говорилось:

"Руководство командующего Дальневосточным Краснознаменным фронтом маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным поражением. Все его поведение за время, предшествовавшее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации (вернее, советской. - Б. С.) и о решениях правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22 июля директиву наркома обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших

пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного совета тов. Мазепова, своего начальника штаба тов. Штерна, замнаркома обороны тов. Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел тов. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске (все они отнюдь не случайно прибыли туда еще до начала боев. - Б. С), тов. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта на озере Хасан. Ввиду этого тов. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами. Эта телеграмма была отправлена тов. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей. Даже после указания от правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома обороны тов. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам".

... 25 июля, наследующий день после прибытия блюхеровской комиссии, начальник войск Дальневосточного пограничного округа Соколов отчитал своего подчиненного, начальника Посьетского пограничного отряда Гребенника:

- Где сказано, что надо допускать на линию границы командный состав, не имеющий отношения к охране границы? Почему не выполняете приказ о недопуске на границу без разрешения?... Вы не выполняете приказ, а начальник штаба армии фиксирует один окоп за линией границы, там же проволочные заграждения. Почему расходится с вашей схемой, подписанной Алексеевым (начальник штаба Посьетского погранотряда. - Б. С)?

- Оборудование высоты проходило ночью, - неуверенно оправдывался Гребенник.

- Почему не сходятся ваши донесения со схемой - правда это или нет? - не унимался Соколов.

- После проверки прибором теодолитом оказались небольшие погрешности, - признал начальник Посьетского погранотряда. - Сейчас эта ошибка исправляется.

- А четырехметровая пограничная полоса учтена? - допытывался шеф пограничников Дальнего Востока.

- Учтена, - заверил Гребенник.

- Значит, окоп и проволока находятся за четырехметровой пограничной полосой на сопредельной стороне - уточнил Соколов.

- Окоп трудно определить, - объяснял командир погранотряда, - по приборам якобы часть окопа вышла на несколько сантиметров вперед, а проволочный спотыкач (наверное, одноименный в просторечии напиток пограничник

сильно уважал. - Б. С.) находится рядом перед окопом, на высоте травы. Повторяем, эту ошибку сейчас исправляем...

Если перевести этот уклончивый диалог на язык логики, станет ясно, что нарушение границы советскими пограничниками было, но они предпочли назвать это ошибкой, связанной с несовершенством геодезических приборов. И Кузьму Евдокимовича Гребенника вроде бы можно понять. Совсем недавно на его участке ушел в Маньчжурию Люшков, а тут еще посланная Блюхером комиссия обвиняет беднягу в "провоцировании конфликта с японцами" и сам грозный дальневосточный маршал требует его ареста. Вряд ли, конечно, командир послал бойцов на гребень Заозерной по своей инициативе. И роковой выстрел в японского жандарма, думается, был совсем не случайным. Но что именно его в случае чего сделают главным и единственным виновником инцидента - начальник Посьетского погранотряда понимал очень хорошо. А Сталин решил идти до конца и показать японцам силу Красной Армии.

Беда в том, что красноармейцы воевать не очень-то умели. В итоговом приказе Ворошилова об этом говорилось вполне откровенно:

"Виновниками в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней Дальневосточного Краснознаменного фронта и, в первую очередь, командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом маршал Блюхер. Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации вредительства и боевой подготовки Дальневосточного Краснознаменного фронта и правдиво информировать партию и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, тов. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28-31 мая 1938 года, в котором он скрыл истинное состояние войск Дальневосточного фронта и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск Дальневосточного Краснознаменного фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов тов. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставил вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещенными сотни должностей начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников неспособными к выполнению своих задач. Такое положение тов. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам Дальневосточного Краснознаменного фронта".

Насчет боевой подготовки в ворошиловском приказе все было правдой. Один из участников боев у озера Хасан С. Шаронов вспоминал:

"До хасанских событий я служил в 120-м стрелковом полку 40-й стрелковой дивизии. Боевой подготовкой занимались мало. В 1937-1938 годах многих командиров забрали. Командование дивизии обезглавили полностью: арестовали комдива Васнецова, комиссара Руденко, начштаба Шталя, начальника артиллерии, начмеда и его жену, офицера-медика. В полку - та же картина. Мы, рядовые бойцы, порой не знали, кому верить. Тянулись только к полигруппе Матвееву, настоящему большевику, еще красногвардейской закалки. Его тоже забирали, а потом вернули. Мы спрашивали у него, когда же будем боевые гранаты метать, все деревянными да деревянными? Ему такие вопросы можно было задавать, мы знали. А Матвеев отвечал: «Вам гранату метнуть, а для государства это в корову обойдется». Он задумывался и добавлял: «Да... еще повоюете...»"

Повоевать пришлось очень скоро. Репрессии, разумеется, ослабили боеготовность Дальневосточной армии. Еще за год до Хасана, когда после ареста Тухачевского и нескольких других высокопоставленных военных был созван Главный военный совет, Сталин никаких претензий к Блюхеру как будто не имел. Выступая с большой речью 2 июня 1937 года, Иосиф Виссарионович даже защищал его от обвинений, высказываемых "заговорщиками":

"...Они сообщают (своим немецким хозяевам, по Сталину. - Б. С), что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты - я, Тухачевский, а он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют - а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же? Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну сегодня не понимает - завтра поймет, опыт старого бойца не пропадет. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путьна бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем - в чем тут дело? Даем ему произнести речь - великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается... Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют - нехорошо".

Василий Константинович Блюхер на том заседании выразил готовность разобратся с вредителями у себя на Дальнем Востоке:

- Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше, и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

- То есть пересчитать, кто арестован? - иронически заметил Сталин.

- Нет, не совсем так, - смутился Блюхер.

И Иосиф Виссарионович объяснил, что именно надо рассказывать подчиненным о "заговоре Тухачевского":

- Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, недостаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Верхним сказал бы шире.

И "неплохой мужик" Блюхер вместе с Мехлисом и Фриновским так рьяно взялся искоренять "врагов народа" в Особой Дальневосточной, что к началу конфликта у озера Хасан многие командные должности оказались вакантны. Замещать же их новыми людьми маршал боялся: вдруг они завтра тоже сделаются "наемными людьми" наших врагов - японцев? Неудивительно, что исход боев у сопки Заозерная и Безымянная оказался трагически не в пользу советских войск.

Как же развивались события на советско-маньчжурской границе? 29 июля японцы атаковали высоту Безымянная на советской территории, убив пятерых пограничников. Подошедшая рота Красной Армии заставила их отступить. 31 июля японские войска заняли Заозерную, а также соседнюю сопку - Безымянную, вытеснив с них советские пограничные посты. Советские атаки на захваченные японцами высоты начались только 2 августа, когда противник уже успел окопаться и оборудовать огневые позиции. В промедлении обвинили Блюхера, все еще надеявшегося на мирное урегулирование инцидента. 1 августа 1938 года состоялся злой разговор по прямому проводу Сталина, Молотова и Ворошилова с Блюхером. Сталин возмущался:

- Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

- Докладываю, - отвечал Блюхер. - Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову (командующий ВВС Дальневосточного фронта. - Б. С.) приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталина не волновали ни возможные потери своих войск от действий собственной авиации, ни тем более жертвы среди каких-то там корейцев, которых с советской стороны границы все гот же Люшков совсем недавно как потен-

циальных японских шпионов благополучно депортировал в Среднюю Азию. И он спросил угрожающе:

- Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту; а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедля. Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население?... Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины. Жду ответа.

Блюхеру ничего не оставалось, как скрепя сердце отрапортовать:

- Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в одиннадцать двадцать - истребители. Рычагов обещает в четырнадцать часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, а если Бряндинский полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполняем их с большевистской точностью.

Черт с ним, с туманом! Нет таких крепостей, которых не смогли бы взять большевики! И не беда, что несколько самолетов могут разбиться, а бомбы лягут на позиции красноармейцев. Лишь бы выполнить сталинский приказ, иначе уж точно маршалу головы не сносить.

Начатое 2 августа советское наступление захлебнулось. Артиллерист С. Шаронов вспоминал:

"К началу боев я служил командиром орудия противотанковой батареи. Мы были приданы 7-й роте 3-го батальона 120-го стрелкового полка. Правда, пушки по прямому назначению не использовались: японцы танков не применяли. Наша дивизия наступала с юга в направлении сопки Пулеметной и Заозерной в узком коридоре (в некоторых местах ширина его не превышала 200 метров) между озером и границей. Большая сложность была в том, что стрелять через границу и переходить ее категорически запрещалось. Плотность в этом коридоре была страшной, бойцы шли вал за валом. Я это со своей позиции хорошо видел... Очень много там полегло. Из нашей роты, например, в живых осталось 17 человек..."

О том же говорит капитан Стороженко, командир батальона, атаковавшего Заозерную с юга:

"Перед нами лежало пространство в 150 метров, сплошь оплетенное проволокой и находящееся под перекрестным огнем. В таком же положении оказались наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную... Мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели окопами, обходя их по маньчжурской территории (в районе Хасана сходились границы трех стран: СССР, Маньчжурии и Кореи. - Б. С). Но наши части точно исполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории..."

Сталин и Ворошилов хотели продемонстрировать миру силу Красной Армии, рассчитывая на быструю и бескровную победу, не затевая войны с Японией. Вот и приказали за пределами Заозерной границу не переходить. Но мини-блицкриг не удался. Японцы, видя себя победителями, предложили урегулировать спор миром и вернуться к позициям, которые стороны занимали утром 11 июля - до инцидента. Эти предложения 4 августа Сигемицу передал Литвинову. Однако советский нарком заявил: "Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т. е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянная и Заозерная".

На следующий день Ворошилов направил Блюхеру и его начальнику штаба Григорию Михайловичу Штерну директиву, где разрешил при новой атаке на Заозерную использовать обход с флангов уже через линию государственной границы. Руководство операции поручалось теперь Штерну. Позднее Григорий Михайлович, чтобы оправдать большие потери, писал в "Правде": "Возможность... вообще какого бы то ни было маневра для частей Красной Армии полностью отсутствовала... Атаковать можно было только... прямо в лоб японским позициям..." О разрешении вторгнуться для обхода неприятельских позиций на маньчжурскую территорию он, естественно, умолчал: в советское время это обстоятельство составляло строжайшую государственную тайну.

Вот как характеризуется новое наступление советских войск в "Кратком описании хасанских событий", составленном штабом пограничных и внутренних войск Дальневосточного пограничного округа:

" Поскольку был положительно решен вопрос о вторжении на территорию противника, правый фланг наступающих частей 32-й стрелковой дивизии захватывал высоту Черная, а левый фланг 40-й стрелковой дивизии - Хомоку (последняя - на маньчжурской территории. - Б. С). В связи с плохой погодой вылет авиации задержался, и наступление пехоты фактически началось около 17 часов. Около полуночи подразделения 118-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии вышли на южную часть гребня высоты Заозерная и водрузили на ней красный флаг... Противнику удалось в этот день удержать за собой северную часть гребня высоты Заозерная и гребень высоты Безымянная..."

В действительности, как доказывает сохранившаяся в архиве схема, флаг был водружен не на вершине Заозерной, а на несколько десятков метров ниже, на южном склоне сопки. Ни одной из высот советским войскам до заключения перемирия взять так и не удалось, хотя атаки продолжались еще и 7-го и 8-го числа. После окончания боев лейтенант 95-го стрелкового полка Куликов сообщил комиссии Наркомата обороны: "8 августа подразделения 95 СП переходили в атаку на обороняющегося противника на высотах Черная и Безымянная, но таковые взяты нашими подразделениями не были. Высоты заняты после перемирия, т. е. 11 или 12 августа ночью. До момента перемирия высоты Черная и Безымянная были заняты японскими войсками..." И на на-

ходившихся на советской территории высотах Пулеметная и Богомольная японцы оставались вплоть до 15 августа.

А с Заозерной у военных вышел конфуз. Комиссар 118-го стрелкового полка Н. Бондаренко свидетельствовал: "Я при занятии высоты Заозерной передал радисту... чтобы он спустился вниз и передал или по радио, или же по телефонной связи в штаб 40-й дивизии, что высота Заозерная занята частями нашей дивизии. Было ли передано это радистом в штаб дивизии, я не знаю..."

Комиссар сомневался зря. Ложная информация была передана и пошла гулять по инстанциям вплоть до самой Москвы. 8 августа "Известия" опубликовали сообщение штаба 1-й (Приморской) армии: "Советские части... очистили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты". Через два дня появилось столь же фантастическое коммюнике: "9 августа японские войска вновь предприняли ряд атак на высоту Заозерную, занимаемую нашими войсками. Японские войска были отброшены с большими для них потерями..."

Но военных опровергали чекисты в секретных рапортах. 14 августа лейтенант госбезопасности Чуличков докладывал: "Фактически высота Заозерная была взята не полностью, а только юго-восточные скаты... гребень северной части высоты и северо-восточные скаты ее - находились в руках японцев... Японцы находились на северной части гребня Заозерной с 6 августа по 13 августа и занимали командные точки высоты..." А на следующий день коллега Чуличкова Альтгаузен сообщил Фриновскому: "Вчера, 14 августа, Штерну передан текст Вашей телеграммы т. Ежову по вопросу дезинформации штабкомом в занятии высот Заозерная и Безымянная. Уже в начале приема текста телеграммы Штерн вызвал меня на телеграф и обрушился на меня вплоть до оскорблений. Затем он доложил т. Ворошилову, что я все время относился недоброжелательно к действиям корпуса (атаковавшие сопки Безымянная и Заозерная 40-я и 32-я стрелковые дивизии и 2-я механизированная бригады были объединены в 39-й стрелковый корпус, в командование которым вступил Штерн. - Б. С.) и поставил вопрос об освобождении (подателя неверной телеграммы от должности. - Б. С.)..."

Выводы чекистов были полностью подтверждены совместной советско-японской комиссией, побывавшей на Заозерной утром 12-го, на следующий день после заключения перемирия. Входившие в состав комиссии военные и дипломаты констатировали, что "ввиду особого создавшегося положения в северной части гребня высоты Заозерная, которое выражается в чрезмерном сближении - до пяти метров - частей обеих сторон", необходимо прийти к следующему соглашению: "...С 20 часов 12 августа как главные силы японской армии, так и главные силы Красной Армии в северной части гребня высоты Заозерная отвести назад на расстояние не ближе 80 метров от гребня..." Фактически стороны вернулись к положению на 11 августа, оставив гребень сопки в качестве своеобразной нейтральной зоны. Японцы без всяких споров

очистили советские сопки Безымянная и Пулеметная, на удержание которых за собой и не претендовали.

Советские потери составили 792 человека убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно - 525 и 913, то есть в 2-3 раза меньше. В приказе Ворошилова по итогам хасанских боев справедливо отмечалось: "Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)... "О том же говорили и на совещании командного и политического состава Посъетского погранотряда, причем не только о пограничниках, но и о полевых войсках Красной Армии. Согласно записям присутствовавшего на совещании бригадного комиссара К. Ф. Телегина основными причинами неудач стало то, что войска "растянулись по фронту, а во время боя сгруппировались на необорудованных позициях... Связь только телефонная, после потери ее много израсходовали живой силы... Не было увязки между подразделениями, даже стреляли по своим танкам... Военком 40-й стрелковой дивизии боялся взять на себя ответственность за мобилизацию плаведилиц для подброски грузов на фронт ("а если сорву путину? ")... Округ прислал гранаты Ф-1, а пользоваться ими не могли... Вначале полевые части работали без кода... Полевые части от Новой деревни до Заозерной побросали ранцы, пулеметы... Пренебрегали штыковым боем... Боевой подготовкой не занимались, потому что превратились в хозяйственных командиров. Сено, дрова, овощи заготавливаем, строительство ведем, бельё стираем..."

Песенка Блюхера была спета. На Главном военном совете в конце августа его сняли с должности, 22 октября арестовали, а 9 ноября маршал погиб. По официальной версии - от "закупорки легочных артерий тромбом", по неофициальной и, как кажется, более близкой к истине - от жестоких побоев. Маршала обвиняли в связях с правотроцкистской организацией, то есть с Бухариным, Рыковым, Ягодой и их соратниками, осужденными и расстрелянными по ложному обвинению еще в марте 1938-го, а также в шпионаже в пользу Японии. В первой вине Василия Константиновича побоями заставили признаться, во второй - не успели: умер.

Любопытно, что хасанских событий не пережил и их формальный виновник - начальник инженерной службы Посъетского погранотряда Василий Веневитин. 8 августа 1938 года его по ошибке застрелил красноармеец-часовой из-за неразберихи с паролями: то ли Веневитин назвал старый пароль, то ли солдату забыли сообщить новый. Так ли уж случайна была эта смерть? Не постарались ли люди Фриновского убрать нежелательного свидетеля, который мог когда-нибудь рассказать о том, кто приказал ему стрелять в японских жандармов?

Можно не сомневаться, что если бы Люшков ко времени хасанских событий находился в Москве, работая в центральном аппарате НКВД, то после ареста Блюхера наверняка последовал бы за ним. Генриха Самойловича эле-

ментарно могли обвинить или в соучастии в заговоре, или в потере бдительности. Так что сбежал он очень вовремя.

Ну, а арест Блюхера, его причины Люшков, находясь в Токио, предугадал очень точно:

" Группа изменников находилась в штабе Дальневосточной армии и включала таких близких Блюхеру людей, как Ян Покус, Гулин, Васнецов, Кропачев и др. Они пытались вовлечь Блюхера в политически опасные разговоры. Блюхер без нашего разрешения показывал им признания арестованных заговорщиков. После своего ареста Гулин говорил мне, что после отзыва Покуса в Москву Блюхер, выпивая вместе с ним, Гулиным, ругал НКВД за проводимые аресты, а также ругал Ворошилова, Лазаря Кагановича и др. Блюхер признался Гулину, что до устранения Рыкова он был связан с ним и часто получал от того письма, что "правые хотят видеть его, Блюхера, во главе Красной Армии". Я считаю, что это довольно показательный факт для выяснения истинных чувств Блюхера... Вообще, Блюхер очень любит власть. Его не удовлетворяет уже та роль, которую он играет на Дальнем Востоке, он хочет большего. Он считает себя выше Ворошилова. Политически сомнительно, что он удовлетворен общей ситуацией, хотя и весьма осторожен. В армии он более популярен, чем Ворошилов. Блюхеру не нравятся военные комиссары и военные советы, которые ограничивают его право отдавать приказы".

На XVI съезде партии в марте 1939 года Сталин коснулся хасанских боев: "О чем говорят, например, события у озера Хасан, как не о том, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей является вернейшим средством их укрепления?" Тут Иосиф Виссарионович использовал старую свою формулировку с новой целью. Он-то рассчитывал, что, быстро разгромив японцев на Заозерной и Безымянной, Красная Армия продемонстрирует всему миру, что репрессии 1937-1938 годов не ослабили, а укрепили ее мощь. Получилось же все совершенно наоборот. В мире догадывались, что советские вооруженные силы совсем не так могучи и непобедимы, как это представляет советская пропаганда. Внутри страны, конечно, газеты и радио смогли представить поражение у Хасана победой, но Сталину, разумеется, пришлось умолчать на съезде о том, что после "успешного разгрома японских захватчиков" командующий Дальневосточной армией был арестован - и забит досмерти на следствии. Процесс "укрепления" Красной Армии путем репрессий продолжился вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Чем же занялся Люшков на чужбине? Прежде всего, естественно, раскрыл японцам все советские тайны, какие только знал. И не только те, что были связаны с убийством Кирова и политическими процессами и чистками 1930-х годов. Люшков записал в дневнике, какая группировка Красной Армии располагается на Дальнем Востоке:

"Авантюристическая внешняя политика Сталина оказывает влияние и на советско-японские отношения. Внутри страны ведется пропагандистская кампания, ставящая целью убедить народ в подготовке Японией нападения на СССР. Сталин оказывает Чан-Кайши военную помощь, рассчитывая по

мере увязания Японии в войне с Китаем на их взаимное истощение, чтобы потом обрушить на обе страны удар силами Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота. На Дальнем Востоке сосредоточена армия примерно в 270 тысяч человек (20 дивизий). Если к ним прибавить забайкальскую армию и войска НКВД, то к востоку от Байкала сосредоточено 400 тысяч человек и около 2 тысяч самолетов. Более 90 больших и малых подводных лодок базируются в портах Владивостока и Находки. Очевидная цель Сталина - постепенно подчинить своему влиянию слабеющий Китай... Масштабные репрессии коснулись командного состава Красной Армии. Арестовано много командармов, комкоров, комдивов и комбригов. Подобно тому как аресты среди гражданских лиц способствовали возникновению чувства психологической подавленности среди населения, аресты в армии негативно повлияли на ее моральное состояние, дисциплину и уровень боеготовности. Однако чистки для Сталина - не только средство устранения "политически неблагонадежных", но и способ создания послушной армии. А это - важное звено подготовки к войне".

Впрочем, в отношении военной мощи СССР на Дальнем Востоке японское Военное министерство рассматривало Люшкова лишь в качестве вторичного информатора. Здесь японцы больше полагались на артиллерийского майора Фронтямара Францевича, перебежавшего двумя неделями раньше Генриха Самойловича, 29 мая 1938 года, с территории Монголии. Для побега Францевич, офицер штаба 36-й мотопехотной дивизии, воспользовался автомобилем. Майор был все-таки военным специалистом и мог дать сведения о тактике, вооружении и организационной структуре Дальневосточной армии - по главным вопросам, о которых Люшков имел лишь самое общее представление.

Зато для японцев важными были данные Люшкова о работе разведки НКВД. Он утверждал:

"Разведывательную деятельность против Японии независимо друг от друга ведут НКВД, РККА, а также ВКП(б). В этих целях активно используются посольство и торгпредство СССР в Токио. Разведкой занимаются сотрудники посольства с небольшими рангами. Широко используются и граждане других стран, в частности, Германии и США, проживающие в Японии. Члены Коммунистической партии Германии охотно помогают советской разведке. Кадровые сотрудницы НКВД направляются в Японию в качестве жен дипломатов. В частности, агентом НКВД является жена советского посла в Токио Сметанина.

Основными каналами проникновения советской агентуры в Японию являются Шанхай и США, причем нередко используются документы граждан третьих стран. Как правило, разведчик перед прибытием в страну назначения несколько лет занимается коммерцией или иной деятельностью в другой стране. Связь поддерживается через курьеров или через третьи страны. Радиопередатчики предназначены в основном для использования в военное время. В Японии нет сейчас нелегальной резидентуры с передатчиком".

Методы работы советской разведки бывший комиссар госбезопасности описал вполне достоверно, со знанием дела. Сам ведь в начале 1930-х был с нелегальной миссией в Германии. А вот конкретных знаний Люшкову явно не хватало. Очевидно, в его ведении находилась лишь мелкая агентурная сошка в Маньчжоу-Го. Ей и платили малонадежными маньчжурскими юанями. Действительно серьезная агентура замыкалась на Москву. Потому-то, в частности, Генрих Самойлович ничего не знал о группе Рихарда Зорге в Токио, не только входящей в высшие японские сферы, но и располагавшей радиопередатчиком. К тому же Зорге сперва был агентом Коминтерна, а потом работал на Разведуправление Красной Армии, и офицер НКВД ранга Люшкова вряд ли мог знать о существовании этого агента. Так что насчет отсутствия в Японии нелегальной советской резидентуры Люшков невольно дезинформировал своих новых хозяев.

За столь ценного перебежчика сразу началась борьба между штабом дислоцированной в Маньчжоу-Го наиболее мощной Квантунской армии и властями в Токио. Командование Квантунской армии чувствовало себя в большой степени независимым от Военного министерства и императорского Генерального штаба. Однако центр одержал верх, и Люшков был направлен в Японию через Корею. Там его переезд обеспечивал штаб японской Корейской армии, более лояльной к Токио. Разведорганы Квантунской армии смогли лишь однажды допросить бывшего шефа Дальневосточного НКВД. На этом допросе, в день побега, Люшков, в частности, и заявил, что покинул СССР из страха погибнуть в одной из следующих "чисток". О намерении организовать покушение на советского вождя он не обмолвился ни словом. Между тем несколько десятилетий спустя Генриху Самойловичу приписали этот дерзкий замысел.

В книге японского журналиста Есиаки Хияма "Японские планы покушения на Сталина" утверждается, что после начала военного конфликта у озера Хасан из числа осевших в Маньчжурии русских белоэмигрантов японцам удалось сформировать отряд террористов, в задачу которых входило убийство Сталина. Для этого они поодиночке должны были перейти турецкую границу и добраться до Сочи, где в то время отдыхал Сталин. Там по сложной системе подземных коммуникаций боевикам предстояло проникнуть в павильон Мацесты как раз в то время, когда Иосиф Виссарионович будет принимать там грязевые ванны, и прикончить его. План будто бы разработал Люшков. Как полагал Хияма, Генрих Самойлович превосходно знал как систему охраны Сталина, так и подземные переходы комплекса Мацесты, поскольку раньше работал в центральном аппарате НКВД.

Несмотря на тщательную подготовку, операция провалилась. Все террористы были схвачены при переходе советско-турецкой границы. Москву заранее предупредил о готовящемся покушении агент Борис Бжеманский по кличке Лео, служивший в Министерстве иностранных дел Маньчжоу-Го. Он же сорвал и другой план, разработанный по наводке Люшкова. Накануне 1 мая 1939 года японские агенты должны были пронести мощную мину в Мавзолей. Ее

часовой механизм был установлен на 10 часов утра, когда на трибуне Мавзолея должно было находиться все советское руководство. Но опять террористы были перехвачены и обезврежены еще на границе.

На фантастичность всех этих нелепых прожектов указал бывший офицер охраны Сталина Алексей Рыбин:

"Была ли у террористов в Мацесте возможность расстрелять Сталина разрывными пулями? Никакой. Внутренняя охрана насчитывала около двухсот сотрудников. Внешнее кольцо в лесной местности составлял отряд пограничников... Хвостовая группа сопровождения была еще до войны вооружена автоматами...

На самой Малой Мацесте действовало более пятидесяти других сотрудников. Мы там появлялись за три часа до приезда Сталина и подвергали проверке все, вплоть до подземных коммуникаций. Почти безлюдная территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались. Как при такой плотной охране могла устроить покушение даже наша пронырливая оппозиция? А уж про японцев не стоит и говорить..." От себя добавлю, что остается совершеннейшей загадкой, отчего вдруг японским спецслужбам понадобилось так срочно устранить лидера сопредельного государства? Не все ли равно было в Токио, кто будет сидеть на царстве в Кремле: Сталин или Молотов, Каганович или Микоян? Неужели японцы были настолько наивны, что полагали, будто со смертью вождя Советский Союз войдет в полосу смуты и распадется? Ведь события, связанные с болезнью и смертью Ленина, доказали, что, несмотря на борьбу за власть между членами Политбюро, драматических перемен во внешнем положении Советов не происходило, равно как не было нестабильности и внутри страны. И зачем же надо было "светить" Люшкова, если он играл ключевую роль в столь неслыханном и, безусловно, секретном деле, как покушение на Сталина? Ведь в Москве в первые дни после исчезновения начальника Дальневосточного НКВД совсем не были уверены, что ему удалось благополучно добраться до маньчжурской или корейской границы. Между тем уже 1 июля 1938 года о побеге Люшкова сообщили японским журналистам, а 13 июля, на следующий день после того, как советские пограничники заняли сопку Заозерная, в Токио состоялась его пресс-конференция с участием иностранных журналистов. Был на этой пресс-конференции и Рихард Зорге, представлявший германскую "Франкфуртер цайтунг". Он так отозвался о мотивах побега: "Люшков перебежал не потому, что был недоволен действиями советского руководства или совершил что-то недозволенное, а потому, что опасался стать жертвой чисток, прокатившихся по ГПУ".

Все это могло только еще больше встревожить советскую сторону. А уж если бы Люшков действительно знал особенности сталинской охраны, в НКВД постарались бы тотчас внести в ее систему изменения. Да и как можно было за столь короткий срок, полтора-два месяца, успеть не только разработать план покушения, но и подобрать добровольцев-смертников (шансов уцелеть даже в случае успеха у них практически не было)? И не только подоб-

рать, но и оформить им турецкие и иные визы и через несколько границ перебросить отряд из Маньчжурии к побережью Черного моря? Главное же, Люшков никогда не работал в охране Сталина и не имел никакого представления о ее системе, равно как и о подземных коммуникациях Мацесты.

Какова же была доподлинная биография перебежчика?

Генрих Самойлович родился в 1900 году в Одессе в еврейской семье. Его отец был бедный портной. Генрих окончил 6-классное реальное училище, а потом посещал вечерние общеобразовательные курсы. Под влиянием старшего брата, связанного с большевистским подпольем, он в 1917 году участвовал в революции в рядах боевой дружины, стал членом Одесского Совета и в 1918 году сражался против австро-германских интервентов, а после оккупации Одессы войсками центральных держав остался в городском подполье. В феврале 1919 года, когда в Одессе были уже французы, Люшкова арестовали. Однако Генриху Самойловичу удалось бежать и добраться до занятого красными Екатеринослава. В марте он стал политбойцом в Крымском советском полку Красной Армии, а в апреле был направлен на Центральные курсы Наркомата по военным и морским делам Украины в Киев. Здесь в июле 19-летний курсант вступил в коммунистическую партию. После окончания курсов Генрих Самойлович сражался против отрядов Петлюры, наступавших на Киев, а потом работал помощником военного организатора Киевского губкома. В конце августа советские войска оставили Киев. Вместе с другими советскими работниками Люшков эвакуировался в Брянск, откуда был направлен на политическую работу в 1-ю отдельную стрелковую бригаду 14-й армии. Затем ему пришлось сражаться против Деникина и поляков.

Уже в 20 лет Люшков стал начальником политотдела бригады, но вскоре был направлен на иной фронт работы - в Ч К. В сентябре 1920-го Генриха Самойловича назначили уполномоченным Особого отдела 57-й стрелковой дивизии. После окончания гражданской войны он поступил в одесский Институт гуманитарных наук, но завершить образование не удалось. В ноябре 1921-го Люшкова направили на работу в Одесскую Ч К. Потом ему пришлось служить в окружных отделах Ч К Тирасполя, Вознесенска, Каменец-Подольска и Первомайска. В конце 1924 года молодому чекисту доверили возглавить Проскуровский окружной отдел ГПУ. Уже через год его перевели в Харьков, в центральный аппарат ОГПУ Украины. Здесь Люшков, имевший большой опыт работы с сексотами, или стукачами, был назначен начальником информационно-осведомительного отдела. В 1926 году он, как сказано в служебной характеристике, "нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на Председателя Всеукраинского ЦИК тов. Петровского". Так что нашему герою приходилось скорее предотвращать покушения, чем самому их организовывать.

Далее путь Люшкова лежал в Германию. Там Генрих Самойлович обнаружил превосходное знание немецкого и незаурядные качества разведчика. Его доклад об авиационных заводах "Юнкерс", представленный в 1930 году, получил одобрение самого Сталина. Возвратившись обратно на Украину, Люш-

ков, будущий борец против антинародного режима, стал начальником секретно-политического отдела украинского ГПУ, в который был преобразован прежний информационно-осведомительный отдел. В августе 1931-го Люшков перешел на следующую ступеньку служебной иерархии, став заместителем начальника секретно-политического отдела союзного ГПУ. Тут началась коллективизация. Генриху Самойловичу пришлось участвовать в ее проведении на Украине и соседнем Северном Кавказе. Позднее Люшков рассказывал японцам, как чекисты подавляли стихийные бунты голодных крестьян, пытавшихся найти в тогдашней столице Украины спасение от вызванного коллективизацией голода. Из Москвы шли директивы, требующие принять жесткие меры по отношению к бунтовщикам. Люшкову приходилось бывать в непокорных селах с карательными экспедициями. Он убедился, что отнюдь не кулаки и другие "антисоветские элементы", как утверждала советская пропаганда, подвигали крестьян на восстание. Причина была в другом: политика центра, доведенная на местах до абсурда, не оставляла крестьянам шансов на выживание. На Северном Кавказе в казачьих и горских районах дело дошло даже до полномасштабных боевых действий с применением артиллерии. Сталин же, по словам Люшкова, с присущей ему изворотливостью в статье "Головокружение от успехов" всю вину за "перегибы" - дикую бесчеловечность - переложил на местных руководителей.

Летом 1932 года Люшкова включили в состав комиссии во главе с Кагановичем, инспектировавшей сельскохозяйственные районы Северного Кавказа. Из Ростова Генрих Самойлович отправился в богатую в прошлом донскую станицу Тихорецкую. Его потрясла нищета колхозников. Толпы крестьян у железнодорожных полустанков выпрашивали кусок хлеба у пассажиров проходящих поездов. Из бесед с казаками и из докладов НКВД Люшков сделал вывод, что голод вызван не саботажем кулаков, а политикой государства, отнимающего последний хлеб в неурожайный год. Но когда он попробовал сказать об этом Кагановичу, то Лазарь Моисеевич ответил, что крестьяне сами и виноваты, а если две-три сотни их помрет, то другим это будет хорошим уроком: не выступай против колхозов. В казачьих станицах было введено чрезвычайное положение, и они оказались изолированными от остальной страны. Чекисты не успевали рыть могилы. Умерших от голода приходилось сбрасывать в старые колодцы и засыпать землей. Поскольку на карьере Люшкова события коллективизации никак не отразились, можно заключить, что его оппозиция не шла дальше робких разговоров (если вообще не была придумана задним числом). Наверняка Генрих Самойлович вместе с другими давил крестьянские восстания и устанавливал "санитарные кордоны" вокруг мятежных станиц.

В декабре 1934 года Люшков, как я уже говорил, участвовал в расследовании убийства Кирова. Однако в его функции входило изучение политической подоплеки преступления, а отнюдь не изучение системы личной охраны ленинградского партийного лидера. Сталин еще раз заметил понятливого чекиста, активно участвовавшего в "выявлении" требуемого "троцкистско-зи-

новьевского" заговора. В августе 1936-го Люшков стал начальником Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю и переехал в Ростов-на-Дону, где оставался до июля 1937 года. В это время в его подчинении действительно оказались чекисты Дона и Кубани, а следовательно, и те, кто работал в Мацесте. Но ведь совершенно невероятно, чтобы Генриху Самойловичу лично приходилось обследовать подземные коммуникации знаменитой лечебницы. Не генеральское это дело. Можно, конечно, допустить, что он уже тогда замыслил побег и на всякий случай прихватил план мацестинских подземелий: авось пригодится. Однако тогда остается загадкой, зачем Георгий Самойлович потом исправно тянул целый год лямку на Дальнем Востоке, депортировал корейцев и китайцев, уничтожал "врагов народа"? В январе 1938-го нарком Ежов ставил другим в пример "стахановца" Люшкова, репрессировавшего аж 70 тысяч "контрреволюционеров" - больше, чем в любом другом территориальном управлении НКВД. И почему бежать надо было обязательно в Маньчжурию? Если уж решился - вот она, Турция, под боком.

Кстати сказать, в сохранившейся в японских архивах описи вещей, обнаруженных у Генриха Самойловича при переходе границы, никаких планов или карт не значится. У комиссара госбезопасности было при себе лишь служебное удостоверение, два пистолета (системы "маузер" и "дерринджер"), часы "лонжин", черные очки (видно, Люшков испытывал тягу к традиционной шпионской атрибутике), русские папиросы, 4153 йены в японской, корейской и маньчжурской валюте, явно позаимствованные из агентурного фонда, 160 рублей, орден Ленина и еще две награды, фотография жены, телеграмма и несколько документов на русском языке.

Как вел себя Люшков в Ростове - об этом можно узнать из книги "Империя страха", написанной другим чекистом-перебежчиком Владимиром Петровым, в 1954 году "выбравшем свободу" в Австралии. В 1949 году один из ростовских чекистов рассказал Петрову, как Люшков ругал руководство Азовско-Черноморского НКВД, за то, что оно плохо охотится за "врагами народа". И угрожающе предупреждал: "Враги народа в этой комнате - здесь, здесь и здесь". И тут же приказал арестовать несколько человек из числа присутствовавших.

Бежать же Генриха Самойловича заставило известие об аресте в апреле 1938-го бывшего главы украинских чекистов Израиля Моисеевича Леплевского, много способствовавшего люшковской карьере. Арест же в мае внезапно вызванного в Москву одного из заместителей Люшкова М. А. Кагана подсказал Генриху Самойловичу, что время его пребывания на свободе и в этом мире истекает. Что было дальше - мы знаем.

Переводчик Люшкова в Японии рассказывал репортеру газеты "Ничи-Ничи Шимбун" в августе 1938 года:

"Это - очень пронципальный и тонкий в своих суждениях генерал, который любит свою родину и свой народ не меньше, чем мы любим свою страну. Нечего и говорить, что непосредственной причиной его бегства стало желание спастись от Сталина и отомстить ему. Но Люшков также хотел освобо-

дить свой любимый народ из рук взбесившегося тирана и избавить 180 млн. человек от кровавого ужаса и фальшивой политики. Он также хотел разрушить Коминтерн, но не народ и принести счастье людям. Я не думаю, что в ближайшем будущем у кого-нибудь из "больших шишек" будет шанс бежать в Японию. Если это все-таки случится, то таким перебежчиком станет Блюхер".

Здесь перед нами явно цитата из Люшкова. Насчет Блюхера бывший комиссар госбезопасности, как я уже упоминал, словно в воду глядел. После бесславных боев у Хасана Василия Константиновича арестовали. Но до суда он не дожил: умер от пыток на допросах 9 ноября 1938 года.

Переводчик говорил:

"Люшков, один из видных чинов ГПУ, отнявший в ходе чистки жизни у 5000 человек в течение года (в действительности, если верить Ежову, как минимум 70 тысяч человек репрессировал Генрих Самойлович; правда, вряд ли все они были расстреляны. - Б. С), встал перед неразрешимой проблемой, когда настала его очередь стать 5001-й жертвой чистки. Ведь он так твердо верил в коммунистическую теорию. «При правлении коммунистической партии политика никогда не будет направлена на достижение всеобщего счастья», - говорит теперь Люшков. Когда мы остановились в гостинице, он заметил: «Японские города чистые, пейзажи прекрасные и дорог и ровные. Почему ваши люди так богаты, что могут свободно покупать нужные им вещи. Сравнивая судьбу, выпавшую мне, и светлое здание вашей страны, я испытываю чувство, будто пробудился от 18-летнего дурного сна». В этот момент Люшков всплакнул. Я обнял его и тоже прослезился".

Сохранились описания единственной пресс-конференции, данной Люшковым 13 июля 1938 года в токийском отеле "Санно". Присутствовавшие сошлись на том, что бывший комиссар госбезопасности хорошо сыграл свою звездную роль. Одетый в только что сшитый элегантный летний серый костюм, при галстукке, гладко выбритый, очень живой, с сигаретой "Черри-брэнд" в длинном мундштукке из слоновой кости, он казался моложе своих 37 лет. Генрих Самойлович стремился выглядеть джентльменом. Только глаза смотрели на собеседников слишком уж пронзительно - так, как он привык смотреть на своих агентов, от которых выслушивал доносы и которым давал разного рода тайные задания. Говорил Люшков низким, но сильным голосом, в спокойной и довольно привлекательной манере, жестикулировал, словно произносящий речь оратор, и выглядел довольно бодрым. Погрустнел только к концу, когда речь зашла о его семье. Однако быстро взял себя в руки. После окончания пресс-конференции Люшков пожимал руки журналистам и при этом все время улыбался.

Сохранились фотографии Люшкова, сделанные в этот памятный для него день. Перед нами - симпатичный молодой человек: никак не скажешь, что ему под сорок. Человек просто источает радость жизни и напоминает героя голливудских лент, воплощение американской мечты. На лице - ни тени озабоченности, а тем более печали. И даже не подумаешь, что на совести у этого

человека - тысячи и тысячи загубленных жизней. Не испытывал, выходит, Генрих Самойлович угрызений совести. Радость переполняла его. Как же, вырвался из уже готового захлопнуться капкана, не очутился, подобно своим жертвам, у глухой стенки лубянского подвала. Воля ваша, но не думаю, что такой человек будет искать еще приключений на свою голову и влезать в авантюру с каким-то немислимым покушением на всесильного "кремлевского горца". Главное для Люшкова - спрятаться как можно надежнее, чтобы "наши меня не догнали". А если вместо Сталина придет Молотов или, не дай бог, Ежов - разве это изменит к лучшему положение комиссара-предателя?

Люшков мечтал о свободе, хотел избавиться от постоянного страха, что завтра придется разделить участь тех, кого сам казнил. Но японцы церемонно, вежливо улыбаясь, не оставляли его своим вниманием. Генрих Самойлович превратился в своего рода почетного пленника. На него не надевали наручников, а на окне номера гостиницы, где он жил, не было решетки. Да ведь языка Люшков не знал - вот и приходилось почти всегда ходить в сопровождении переводчика. Выехать же из страны ему не разрешали. Японской разведке не было резона упускать свою добычу. Люшкова засадили за писание справок о руководстве и структуре НКВД, о внешней политике СССР, о положении в высшем партийном руководстве. Но вскоре в Токио решили, что вытрясли из перебежчика все, что могли, и теперь он представляет интерес разве что для пропаганды. Впрочем, офицеры русской секции разведки императорской армии иногда консультировались у Люшкова по поводу внутреннего положения СССР и организации и вооружения Красной Армии.

Генрих Самойлович мечтал уехать в Америку. Можно предположить, что кроме немецкого он неплохо владел и английским языком. Однако в Токио отнюдь не горели желанием снабжать потенциального противника ценным источником информации.

В целом же Люшков производил на японцев довольно благоприятное впечатление. Полковник Ябе Чута в беседе с американским историком Элвином Куксом вспоминал:

"Он был очень умен и работал усердно, все время что-то читал и писал. На случай войны Люшков приготовил антисталинские речи и тексты для листовок. Нередко он трудился сутки без сна. Переводчики утомились, вынужденные иной раз переводить за Люшковым до 40 рукописных страниц в день. Других дел у перебежчика все равно не было. Вот и занялся писательством, да так, что его плодовитости позавидовали бы сегодняшние авторы детективных и женских романов. Генрих Самойлович писал и собственную биографию, и размышления о Сталине, и подробнейший критический разбор "Краткого курса истории ВКП(б)". Ему подарили новейший коротковолновый приемник, чтобы слушать московское радио, регулярно присылали советские газеты и журналы. Читал Люшков и книги по истории, а также русскую художественную литературу: Тургенева, Достоевского, Чехова. Переводчик, который переводил люшковские опусы, вспоминал: "Это был интеллектуал с широким взглядом на мир. Он много знал не только о политике, экономике и во-

енном деле, но и о музыке и литературе. Однажды мне пришлось переводить написанное им критическое эссе о русской литературе".

Посещая книжный магазин в районе Канда, Люшков особенно интересовался сочинениями Троцкого и его последователей. У работавших с комиссаром японцев создалось впечатление, что он либо раньше был троцкистом, либо теперь стал разделять идеи злейшего врага Сталина. Люшков будто бы говорил, что идеология троцкизма необходима для того, чтобы отвратить русский народ от сталинизма. Трудно себе представить, что Люшков когда-либо в прошлом принадлежал к троцкистской оппозиции. В этом случае он никак не смог бы продержаться до 1938 года на высоких постах в НКВД. Но в Японии, конечно, троцкизм вполне мог привлечь Генриха Самойловича как марксистская альтернатива сталинской идеологии. Японские офицеры, знавшие Люшкова, свидетельствуют, что он остался привержен тому, что называл "чистым ленинизмом". Он считал, что режим Сталина сам по себе не рухнет - его надо свергнуть. Генрих Самойлович по-прежнему был за коллективизацию, выступая только против насильственных методов ее проведения. В дальнейшем, под влиянием жизни в Токио, из троцкиста он превратился в "либерального коммуниста", близкого по взглядам к западноевропейским социал-демократам. С русской эмиграцией в Маньчжурии и Японии Люшков принципиально не поддерживал никаких контактов.

Конец Люшкова до сих пор покрыт мраком неизвестности. Наиболее достоверная версия основана на рассказе капитана японской разведки Такеоки Ютака, бывшего главы специального разведывательного агентства в Дайренском разведывательном отделении. Она сводится к следующему. В начале 1945 года Люшкова было решено отправить в Маньчжурию, поскольку все разведывательные данные об СССР и пропагандистские разработки на случай советско-японской войны теперь хотело сосредоточить у себя командование сильно ослабленной к тому времени Квантунской армии. Непонятно, почему туда не откомандировали другого перебежчика, Францевича, который был все-таки специалистом в военном деле и куда лучше Люшкова мог оценить данные о боевой мощи и планах Красной Армии.

Трудности в сообщении с Маньчжурией и долгая бюрократическая переписка по поводу откомандирования перебежчика привели к тому, что в Дайрен (Дальний) Люшков прилетел только 8 августа 1945 года, в день объявления Советским Союзом войны Японии и уже после американской атомной бомбардировки Хиросимы. Там его встретил Такеока. Он не без основания считал, что уже слишком поздно и никакой пользы Квантунской армии Люшков больше не принесет. На следующий день они вместе с переводчиком Какучо Такая прибыли в Порт-Артур. Красная Армия уже вторглась в Маньчжурию, и японцы вместе с Люшковым сочли за благо вернуться в Дайрен, где поселились в отеле "Ямато". 10 августа Такая предложил съездить в штаб Квантунской армии в Синкине, чтобы узнать, что делать с Люшковым дальше. Для разговора они вышли в другую комнату, поскольку Люшков уже немного понимал по-японски. Такеока резонно заметил, что в штабе сейчас

наверняка не до Люшкова. Но решил, что у Такая семья в Синкине и он просто хочет попытаться эвакуировать своих родных в Японию. Поэтому добрый капитан разрешил переводчику уехать, а сам вернулся к Люшкову и заверил его, что ситуация под контролем.

Такая Такеока встретил через 19 лет в одном токийском отеле. Переводчик повинился, что подложил такую свинью своему коллеге, заставив его возиться с незнакомым ему русским перебежчиком (по счастью, Такеока немного говорил по-русски). Бывший капитан рассказал о судьбе Люшкова. Такеока и Такая договорились встретиться еще раз, но больше им увидеть друг друга не удалось.

11 августа полковник Цутому Ямашита, исполнявший обязанности начальника специального агентства в Харбине, вызвал к себе лейтенанта Танаку, ранее работавшего с Люшковым, и сказал, что в новых условиях перебежчика необходимо убрать, иначе Советы смогут-де узнать, что японцы пользовались услугами перебежчика. И ликвидацию должен осуществить Танака. Тот испытывает нравственные мучения, поскольку считает Люшкова своим другом и учителем, который помог ему лучше узнать Советский Союз. Лейтенант делится своими сомнениями с Такая. Тогда последний соглашается принять на себя эту неприятную миссию, но выдвигает два условия. Его вместе с семьей эвакуируют в Японию и выплачивают кругленькую сумму в 30 000 йен. Такая отбывает в Дайрен, а 14 августа возвращается в Синкин (под Харбином) и рапортует о выполнении приказа, получает денежки от легкоговерного полковника и благополучно отбывает в Японию. Только в 1964 году Такая признался Такеоке, что к Люшкову он не ездил (что капитан, впрочем, и так знал), а два дня обретался в Мукдене, чтобы создать видимость выполнения задания.

Между тем после отъезда переводчика Такеока продолжал запрашивать Ямашиту и штаб Квантунской армии отом, что же все-таки делать с Люшковым. 15 августа капитан получил из Токио радиogramму о том, что Япония капитулировала. Это известие вызвало нарастающую дезорганизацию в рядах Квантунской армии. Ее командование должно было с часу на час отдать приказ сложить оружие. Поскольку штаб Квантунской армии покинул Синкин еще 12-го числа, Такеока лишился связи со своим начальством. Все эти дни ему было недосуг даже навестить Люшкова, который, никуда не уходя, сидел в отеле. Такеоке предстояло самому принять решение о судьбе перебежчика, но, по счастью, он встретил начальника Квантунского укрепленного района генерал-лейтенанта Гензо Янагида. Такеока, посетив генерала, возглавлявшего в 1941 году Харбинское специальное агентство, был очень удивлен, что Янагида ничего не знает о побеге Люшкова из СССР и саму эту фамилию слышит впервые (материалы, которые готовил Люшков для японцев, подписывались псевдонимом Манатов).

Капитан предложил на выбор пять вариантов того, как поступить с Люшковым:

- 1) отправить его обратно в Японию (Такеока знал, что это очень трудно сделать);
- 2) позволить ему бежать в Северный Китай (нелегко, но возможно);
- 3) побудить его совершить самоубийство;
- 4) предоставить ему возможность спастись самостоятельно;
- 5) передать его в руки русских.

Первая реакция генерала была: "Почему бы не отпустить его на все четыре стороны?" Однако поразмыслив, Янагида решил, что будет нехорошо, если Люшков все-таки попадет в руки Красной Армии. Тогда русским могут стать известны секретные детали того, как японский Генеральный штаб использовал перебежчика.

"Жаль Люшкова, - вздохнул самурай, - но, чтобы предотвратить возможные потом неприятности, лучше сейчас нам от него избавиться".

Такеока убийства Люшкова не хотел, и эта идея казалась ему просто отвратительной. Капитан понимал, что не так уж велики секреты, которые знал Люшков, чтобы из-за них лишать его жизни. Да и что в самом деле мог бы сообщить Генрих Самойлович. СМЕРШ? Что рассказал японцам все, что знал, и что по поручению японской разведки писал тексты пропагандистских листовок и обзоры, посвященные положению в СССР и состоянию Красной Армии? Об этом руководитель СМЕРШ Виктор Семенович Абакумов знал бы наперед, без всяких там допросов перебежчика. Да и кому это интересно сейчас, когда Квантунская армия и Японская империя доживают последние часы? А главное, Такеока, хоть и окончил разведывательную школу в Накано и уже шесть лет служил в армии, никогда еще не убивал человека. А теперь что же, придется лишать жизни ни в чем не повинного, симпатичного ему чужестранца? Да ко всему, когда войне конец... Но старший начальник, генерал Янагида, приказал капитану ликвидировать Люшкова, если тот не согласится сам покончиться собой.

Советские войска ожидалась в Дайрене с минуты на минуту, и Такеоке надо было торопиться. Он решил, что исполнит поручение Янагиды 20 августа.

Вечером этого дня Такеока впервые после долгого отсутствия навестил Люшкова в отеле. Генрих Самойлович уже знал о японской капитуляции (и, замечу в скобках, если верить Такеоке, не проявлял никакого беспокойства - даже не попытался за все эти дни найти капитана в офисе их агентства). Такеока пригласил его прийти к нему, чтобы обсудить создавшееся положение. Люшков явился. И вот через переводчика капитан в течение двух часов убеждал его добровольно уйти из жизни. Ясно, тот никак не соглашался. Люшков уверял, что еще можно уйти от неумолимо надвигающейся Красной Армии: "Я постараюсь уйти как можно дальше. Если по дороге меня схватят русские - будь что будет. Япония обязана помочь мне".

Такеока понял, что бывший комиссар госбезопасности никогда не пойдет на самоубийство. Придется действовать иначе, как распорядился генерал Янагида...

Элвину Куксу в 1991 году Такеока объяснил, почему не стал перепоручать ликвидацию Люшкова кому-либо из своих подчиненных: как командир подразделения, он осознавал, что должен принять на себя всю полноту ответственности за выполнение этого страшного для него приказа. Но решиться на убийство он все никак не мог.

Разговор с Люшковым окончился около 10 часов вечера. Такеока вышел на веранду, освещенную лунным светом, и еще раз попытался внушить самому себе, что убийство Люшкова - важное, необходимое дело. Ведь он тут не имеет ровно никакого личного интереса или выгоды - он только выполняет приказ. (Наверняка вот так убеждал себя и Люшков, когда отправлял в тюрьму или на расстрел как "врагов народа" ни в чем не повинных людей.) К тому же если смерть перебежчика хоть немного облегчит положение императорского Генерального штаба, то он, Такеока, выходит, поможет важному делу сохранения военного престижа Японии. В глубине души он, по его словам, уже чувствовал предубеждение против Люшкова - предателя своей родины.

Такеока вернулся в офис и объявил Генриху Самойловичу, что согласен с его резонами, и предложил пойти вместе к побережью искать подходящее для отплытия в Японию судно. Втроем с переводчиком-сержантом они двинулись к порту. Такеока шел впереди. Правую руку с кольцом он держал в кармане. Когда тройца спустилась с лестницы, Такеока обернулся и направил револьвер прямо в грудь Люшкову. Расстояние между ними было не больше метра. Такеока выстрелил. Люшков успел ударить его по руке, и пуля попала чуть ниже сердца. Он упал, а капитан выронил револьвер. Люшков лежал без движения, но был еще жив.

Несколько сотрудников агентства сидели в холле у входа. Один из них, гражданский служащий Казуо Аримицу, выбежал на звук выстрела.

- Куда вы ему попали? - спросил он, увидев распростертого на земле Люшкова.

- Возможно, в грудь, - ответил растерянный Такеока. - Тогда он безнадежен, - сказал Аримицу, поднял револьвер и прикончил Люшкова вторым выстрелом в голову.

Капитан приказал завернуть труп в одеяло и отнести в подвал. Своим сотрудникам он приказал забыть о происшедшем.

В полночь 20 августа Такеока доложил Янагиде, что задание выполнено. Капитан предложил кремировать тело Люшкова. Для кремации требовалось свидетельство о смерти. Генерал позвонил в военный госпиталь и попросил, чтобы Такеоке без излишних вопросов выдали свидетельство о смерти одного из его подчиненных - сотрудника специального агентства. Около 5 часов утра, когда бумага была готова, тело Люшкова положили в гроб. За час до этого одна из кухарок утверждала, что слышала человеческие стоны, доносившиеся из подвала. Такеока изумился: "Я впервые слышу, чтобы человек не умер сразу же после двух pistolетных выстрелов в упор, один из которых - в голову". К вечеру 21-го труп был кремирован. В 2 часа дня 22-го урна с

прахом была захоронена на одном из кладбищ Дайрена. А через два часа в городе высадились советские десантники.

В советском плену Такеоку допрашивали по поводу судьбы Люшкова. Капитан старался говорить поменьше, но только правду и отвечать только на те вопросы, которые ему задавали. Допрашивавшие знали, что перед ними - офицер разведки, возглавлявший специальное агентство в Дайрене. Примерно 26 ноября 1945 года Такеоку, которого к тому времени привезли в штаб Забайкальского фронта в Читу, впервые спросили о человеке по фамилии Малатов. Японский разведчик ответил, что такого не знает. Однако вскоре ему стало понятно, что смершевцам известно, что под этим псевдонимом скрывается Люшков, и что он в конце войны проживал в Дайрене в отеле "Огон" (с названием отеля, если верить Такеоке, русские ошиблись). И капитан решил расколоться, тем более что следователь точно назвал его, начальника специального агентства в Дайрене, его должность и служебные обязанности. Но для начала спросил, улыбаясь: "Если вы знаете так много, зачем вам надо меня допрашивать? Вы должны быть осведомлены о том, какая судьба постигла Люшкова. Мне нет нужды что-либо добавлять, не правда ли?" Советский офицер тоже улыбнулся: "Конечно, мы знаем все, но нам надо услышать эту историю непосредственно от вас. Расскажите нам ее без утайки".

Такеока поведал следователю о том, как ликвидировал Люшкова. Умолчал только о том, что добил его не он сам, а Аримицу. Следователь не поверил, что Такеока действительно застрелил перебежчика. Русские заподозрил и, что японская разведка помогла Генриху Самойловичу бежать. Капитана пытались подловить на деталях: просили описать мебель в резиденции Янагиды и во что был одет генерал вечером 20 августа. В конце допроса Такеоке показалось, что следователь ему поверил.

5 декабря 1945 года бывшего начальника Дайренского специального агентства доставил и в Москву. Здесь его допрашивал сам Абакумов. Он обвинил Такеоку в неискренности. Капитан спросил, что тот имеет в виду, - оказалось, что чекисты знают: добивал Люшкова кто-то другой. Выяснилось, что Аримицу тоже был допрошен и признался, что второй выстрел произвел именно он. Такеока стал оправдываться, что хотел только подчеркнуть: всю ответственность за убийство перебежчика взял на себя как старший начальник и потому не упоминал своего подчиненного. Он полагал: Москве важно знать, жив Люшков или мертв, а не то, выстрелили ли в него один или два раза. Абакумов раздраженно заметил: "Что важно, а что нет - решать Советскому правительству, а не вам".

Год Такеока провел в тюрьме на Лубянке. В августе 1946 года капитан был вызван свидетелем на процесс по делу бывшего атамана Забайкальского казачьего войска Григория Михайловича Семенова, которого судил военный трибунал. С атаманом начальник Дайренского спецслужбы работал весь последний год войны. Семенов жил на даче под Дайреном и активно сотрудничал с японской разведкой. Он, например, участвовал в создании военных

формирований белой эмиграции на случай советско-японской войны. Правда, когда война все-таки началась, эти проекты так и не были и реализованы из-за скоротечности боевых действий и явно безнадежного положения Японии.

На следующий день после скорого суда Семенова повесили.

Затем Такеока сидел два года в Лефортовской тюрьме. В июне 1948 года ему дали 25 лет тюрьмы за его профессиональную деятельность - шпионаж против Советского Союза. Такеоку перевели во Владимирскую тюрьму, где почему-то содержали отдельно от других японских пленных. Его не били, не пытали и даже, в отличие от других пленных японских офицеров, не заставляли работать. А ведь к офицерам разведки Квантунской армии в СССР относились особенно плохо. Так, лишь около 20 выпускников разведшколы в Накано, в том числе и Такеока, вернулись из советского плена, да и то в последней партии репатриированных. В феврале 1956-го, незадолго до отъезда из СССР, ему посчастливилось встретиться с полковником Асадой Сабуро, предшественником Ямашиты на посту начальника Харбинского специального агентства. Именно Асада был одним из инициаторов последней командировки Люшкова в Маньчжурию, однако еще до его прибытия был перемещен на другой пост. Теперь капитан рассказал полковнику, как ликвидировал Люшкова, и Асада одобрил его действия.

По возвращении в Японию Такеока молчал вплоть до 1979 года, когда уже после публикации книги Хиямы о несостоявшихся покушениях на Сталина поведал журналисту газеты "Сюкан асахи" Кавагати Нобокжи о том, как убил высокопоставленного советского перебежчика. Последний свою статью, основанную на беседах с Такеокой, озаглавил очень броско " Последние моменты жизни генерала Люшкова - главного героя плана убийства Сталина". Логика была проста: раз перебежчик был причастен к плану убийства Сталина - значит, был резон не допустить того, чтобы он попал в руки СМЕРШ.

Однако никто больше, кроме одного Такеоки, подробностей его версии подтвердить не мог. Нобоюки и Кукс успели побеседовать и с переводчиком Ябе Чута, и с бывшим начальником Харбинского специального агентства полковником Асадой Сабуро, и еще несколькими бывшими сотрудниками японской разведки. Но они сообщили только, что в 1945 году действительно рассматривался вопрос о переброске Люшкова в Маньчжурию. Никто из них, однако, не встречался там с Генрихом Самойловичем в августе 1945-го.

Между тем перебрасывать Люшкова в Дайрен 8 августа, когда война с Советским Союзом стала уже фактом, для японской разведки не было ни малейшего смысла. Как эксперт по Красной Армии бывший комиссар госбезопасности был явно не ко времени, да и не годился. Ведь его сведения об армии были семилетней давности. Давно уже казнили лично знакомых Люшкову руководителей советских войск на Дальнем Востоке В. М. Блюхера и Г. М. Штерна. Давно уже изменилась тактика Красной Армии, прошедшей четырехлетнюю истребительную войну с Германией. И даже Ежов, от железной хватки которого и бежал Люшков, исчез с лица земли шестью годами раньше. Единственное, чем Генрих Самойлович мог быть еще полезен японцам,

так это своими знаниями психологии советской элиты. Но тогда его присутствие было необходимо, скорее, в Токио, чтобы можно было дать консультацию правительству и императорскому Генеральному штабу, а не в далекой Маньчжурии, где тайно обреталось немало агентов Москвы. Ведь тогда, летом 1945-го, судьба Квантунской армии уже мало волновала правительство страны. Перебросить ее для защиты Японских островов от грозящего американского вторжения уже не было никакой возможности. Для этого у японцев не было уже ни судов, ни самолетов, ни горючего. К тому же в воздухе безраздельно господствовала неприятельская авиация.

Есть кое-какие детали в рассказе Такеоки, вызывающие недоверие к его рассказу. Капитан, по собственному признанию, до августа 1945-го не убил ни единого человека. Но Люшкова вот хладнокровно выстрелил в грудь, встав лицом к лицу. А ведь даже закоренелые убийцы всегда предпочитают стрелять в затылок, чтобы не видеть глаза жертвы. Думаю, что как раз в психологическом состоянии побывавшего в советском плену Такеоки и лежит объяснение, почему он, возможно, придумал рассказ о том, как собственноручно застрелил Люшкова. По самурайскому кодексу чести бусидо попасть в плен было страшным позором. Как и к другим вернувшимся из советских лагерей, отношение к Такеоке на родине было, мягко говоря, не самым сердечным. Да и офицер, которому ни разу в жизни не довелось стрелять в противника, уважения у соотечественников не вызывал. Товарищи же Такеоки по плену, зная о его особом положении в тюрьме, подозревали капитана в выдаче неприятелю секретов японской разведки. А тут из "предателя" Такеока превратился, можно сказать, в героя. Выполнил приказ начальника, не допустил того, чтобы ценный перебежчик попал в руки Советов. И необычное положение капитана в плену тоже тогда объясняется: русских он будто бы интересовал как человек, последним видевший Люшкова. Идею же убийства бывшего начальника Дальневосточного НКВД подсказало ему приведенное в книге Хиямы свидетельство: тело Люшкова якобы было обнаружено советскими солдатами в воде, японцы его задушили и сбросили с моторной лодки. Такеока же вообразил, что лучше - в своем рассказе - прикончить предателя более рыцарским образом - выстрелом в грудь, а следы замести кремированием трупа.

Лично я думаю, что никто Люшкова не душил и не стрелял. Он спокойно дождался конца войны в Токио и предложил свои услуги американским оккупационным войскам. К тому времени поведение "дядюшки Джо" - Сталина, только что заявившего, правда, без каких-либо последствий, о своем желании оккупировать Хоккайдо, внушало американцам все больше опасений. Вместе с тем они испытывали дефицит сведений о Советском Союзе, особенно о положении в высших эшелонах власти. Для Управления стратегических служб - будущего ЦРУ даже семь лет назад сбежавший высокопоставленный чекист представлял большой интерес. Как мы убедимся дальше, американская разведка в ту пору охотно взяла под свое крыло и Мишинского-Минишкия, не-

мецкого агента, в прошлом советского партийного функционера куда более низкого уровня, чем Люшков.

Генрих Самойлович мог принести американцам и некоторую практическую пользу. Со времен своей командировки в Германию в начале 1930-х годов он знал какую-то часть советской агентуры в этой стране. Наверняка Люшков охотно поделился этими знаниями с американцами, чьи войска находились на немецкой земле. А ведь кто-то из агентов мог продолжать работу и в 1940-е годы. Вероятно, Люшкова под чужим именем переправили из Японии в Соединенные Штаты, где он и окончил мирно свои дни. Хотя, может статься, жив и сейчас, но тогда ему должно быть без малого 100 лет: ведь Генрих Самойлович ровесник века.

Почему американская разведка сокрыла Люшкова - объяснить легко. В 1945-м СССР и США еще были союзниками, а соглашение, достигнутое в феврале в Ялте, предусматривало возвращение на родину всех бывших советских граждан, оказавшихся в западных зонах оккупации. Узнай Сталин, что Люшков у американцев - стал бы добиваться его выдачи, а тем он ох как был нужен...

Но почему же Генрих Самойлович не осчастливил свободный мир своими мемуарами, как это считал нравственно необходимым едва ли не каждый советский перебежчик, обладая хотя бы минимумом литературных способностей? Как показывают статьи, написанные Люшковым в Японии, способности у него были. А в 1941 году Генрих Самойлович даже вел переговоры с американским издателем о публикации в Америке своей книги. Этот план отпал из-за начавшейся войны между Японией и США.

Если уж перебежчик оказался на Американском континенте - почему он вдруг замолчал? Вот его коллега Александр Михайлович Орлов (он же - Лев Лазаревич Никольский, он же - Лейба Лазаревич Фельбинг), тоже живший в США, куда он сбежал из Испании двумя неделями позже Люшкова, после смерти Сталина выпустил в свет "Тайную историю сталинских преступлений". Однако положение двух чекистов было принципиально различно. Орлов сбежал в Соединенные Штаты самостоятельно и не был на службе у американской разведки (таковой в 1938 году просто не существовало, во всяком случае, в том виде, как в СССР и Японии). Люшков же наверняка был под полным контролем - под колпаком американских спецслужб. Кроме того, Орлов почти все время работал только в разведке и не имел никакого касательства к массовым репрессиям 1930-х годов. Люшков же был одним из ревностных проводников "ежовщины" и в Азовско-Черноморском крае, и на Дальнем Востоке. Поэтому как разоблачитель преступлений коммунистического режима Генрих Самойлович явно не подходил, поскольку у самого рыло было в пуху. ЦРУ не могло не принять этого немаловажного обстоятельства в расчет.

НЕМЕЦКИЕ ШТИРЛИЦЫ В СОВЕТСКИХ ШТАБАХ

Из архивов германских спецслужб лучше всего сохранились те, что принадлежали отделу "Иностранные армии - Восток" (в немецкой аббревиатуре - ФХО) Генерального штаба сухопутных сил Германии. И неудивительно: ведь руководитель этого отдела генерал Рейнхард Гелен предусмотрительно позаботился о сохранении наиболее важной документации, чтобы в самом конце войны сдать в плен американцам и предложить им, как говорится, товар лицом. Его отдел занимался почти исключительно Советским Союзом, и в условиях начинавшейся "холодной войны" геленовские бумаги представляли для США большую ценность. Позднее генерал возглавил разведку ФРГ, а копии его архива остались в распоряжении ЦРУ. Уже выйдя в отставку, генерал опубликовал мемуары "Служба. 1942- 1971", увидевшие свет в ФРГ и США в 1971-1972 годах. Почти одновременно с книгой Гелена в Америке вышли его биографии. Одна из них, впервые изданная в 1971 году, называется "Гелен - шпион столетия" и принадлежит перу бывшего сотрудника британской разведки и участника чешского движения Сопротивления, греку по национальности Эдварду Спиро, писавшему под псевдонимом Эдвард Кукридж (скончался он в 1980-е годы в Вене). Другая, появившаяся годом позже, написана американским журналистом Чарльзом Уайтингом и названа им "Гелен - германский мастер-шпион". Обе биографии опираются на архивы Гелена, использованные с разрешения американского ЦРУ и западногерманской Федеральной разведывательной службы (БНД), основанной самим Геленом, а также на беседы с ним самим и его сотрудниками. При этом Кукридж придерживается документального стиля изложения, неизменно делая в примечаниях ссылки на источники, тогда как Уайтинг склонен беллетризировать повествование, опираясь, однако, на воспоминания и документы. Он заставляет своего героя вести обстоятельные диалоги с подчиненными или с руководителями германской армии, передает его размышления по поводу тех или иных донесений, разведывательных операций и обстоятельств. Иногда Чарльз Уайтинг манерой письма напоминает Владимира Богомолова в его талантливом романе "В августе сорок четвертого (Момент истины)", в котором речь идет о поиске контрразведчиками из СМЕРШ немецкой разведгруппы, засланной к нам тем самым Геленом и действующей в тылах 2-го Белорусского фронта. Но мы пока обратимся к предвоенному времени.

* * *

По признанию руководителей немецких спецслужб и офицеров, имевших отношение к разведывательной деятельности на Востоке, до начала войны они не могли похвастаться сколько-нибудь крупными агентами на территории нашей страны. Сказывалась жесткая, железная закрытость советского общества. Как говорил немецкий генерал Эрнст Кестринг, работавший перед войной военным атташе в Москве, "араб в своей белой развевающейся одежде легче пройдет по Берлину никем не замеченным, чем иностранец в России". А уж кто-кто, а Кестринг, сам уроженец Тульской губернии, нашу стра-

ну знал хорошо. Он даже послужил прототипом одного персонажа известной пьесы Булгакова "Дни Турбиных". Бывший советник немецкого посольства в Москве Х. фон Херварт вспоминал:

"«Дни Турбиных» имели особое значение для одного сотрудника нашего посольства, генерала Кестринга, военного атташе. В одной из сцен пьесы требовалось эвакуировать гетмана Украины Скоропадского, чтобы он не попал в руки наступавшей Красной Армии (в действительности - петлюровцев. - Б. С). Чтобы гетмана не узнали окружающие, его переодели в немецкую форму и унесли на носилках под наблюдением немецкого майора. В то время как украинского лидера транспортировали подобным образом, немецкий майор на сцене говорил: "Чистая немецкая работа" (на самом деле эту фразу в пьесе произносит адъютант гетмана поручик Шервинский. - Б. С), все с очень сильным немецким акцентом. Так вот, именно Кестринг был тем майором, который был приставлен к Скоропадскому во время описываемых в пьесе событий. Когда он увидел спектакль, то решительно протестовал, что актер произносил эти слова с немецким акцентом, поскольку он, Кестринг, говорил по-русски совершенно свободно. Генерал обратился с жалобой в дирекцию театра. Однако, несмотря на негодование Кестринга, исполнение осталось прежним".

Интересно, что у Булгакова главную роль при эвакуации Скоропадского играет не майор фон Дуст, а генерал фон Шратт, который в основном и ведет разговоры с гетманом и Шервинским. И весь акцент у Шратта тотчас исчезает, когда гетмана уносят и ломать комедию больше незачем. И заканчивает разговор с адъютантом немецкий генерал уже на вполне чистом русском языке. Либо Херварт что-то напутал насчет реакции военного атташе, либо сам Кестринг не уловил тонкостей булгаковского замысла. Но в чем генерал был абсолютно прав, так это в том, что иностранному агенту внедриться в советское общество, с господствовавшей в нем атмосферой слежки и всеобщего доносительства, было чрезвычайно трудно. Ведь каждого иностранца в СССР рассматривали как потенциального шпиона. Неудивительно, что особыми успехами немецкая разведка до 1941 года похвастать не могла.

* * *

Положение изменилось после нападения Германии на СССР. Миллионы бойцов и командиров Красной Армии оказались в плену, десятки миллионов мирных жителей - на оккупированной территории. Среди тех и других было немало противников советской власти, к тому же пленных к сотрудничеству с разведкой противника - абвером - толкал страх перед голодной смертью в лагере. Немцы делали ставку на массовость агентуры. Через линию фронта перебрасывались сотни разведгрупп.

Но многие агенты рассматривали переброску в советский тыл как возможность вернуться к своим - и сдавались первому же патрулю. Других арестовывала советская военная контрразведка. Однако некоторым удавалось

осеть в советских штабах или гражданских учреждениях и добывать порой действительно ценную информацию. В среднем из каждой сотни агентов лишь пятнадцать удавалось благополучно вернуться обратно. Многие были перевербованы советскими органами безопасности, проводившими радиоигры с противником с помощью работавших под их контролем захваченных радистов. В свою очередь, и немецкая разведка проводила такого рода операции. Как признался позднее в своих мемуарах бывший начальник занимавшегося разведкой VI управления имперского Главного управления безопасности Вальтер Шелленберг, одно время под немецким контролем работало до шестидесяти радистов противника. И советская и германская сторона учитывали большую вероятность того, что многие агенты могли работать под контролем вражеской контрразведки, и старались выяснить, когда им поставляют дезинформацию. Нередко одна и та же радиоигра проводилась и немецкой и советской разведкой в своих целях. Например, в середине 1943 года немцы стали использовать арестованных радистов "Красной капеллы" для зондажа возможностей сепаратного мира с Советским Союзом, а для этого необходимо было дать понять советской разведке, что радиogramмы идут под германским контролем и отражают действительные намерения руководства Третьего Рейха. Вот почему был даже организован побег ранее арестованного советского резидента в Западной Европе Леопольда Треппера (разумеется, без его ведома). Гестапо арестовало почти всех участников французского движения Сопротивления, с которыми Треппер встречался после побега, не тронув, однако, самого резидента и предоставив ему возможность сообщить в Москву о провале советской агентурной сети.

И сегодня историки из разных стран и бывшие сотрудники спецслужб ведут нескончаемые споры, какие донесения немецких агентов представляли собой тщательно продуманную дезинформацию, изготовленную в советских штабах, а какие - отражали подлинные намерения советского военно-политического руководства и отправлены от сотрудников немецких разведслужб, так и не попавших в поле зрения советской контрразведки. Больше всего полемики породило одно сообщение, относящееся к июлю 1942 года и приписываемое агенту, будто бы работавшему в секретариате Государственного Комитета Обороны (ГКО).

Вот как данная история изложена у Кукриджа, единственного, кто опубликовал полный текст этого донесения, в главе под интригующим заглавием "Советский комиссар становится агентом 438":

"В Лукенвальде один из геленовских офицеров сделал великолепное приобретение. Среди подавленных и истощенных пленных он обнаружил некоего Владимира Минишкия, плененного 13 октября 1941 года группой разведотдела "Валли-1", возглавляемого майором Бауном, который занимался организацией разведки на Восточном фронте. Минишкий был одет в форму армейского капитана, и, хотя Баун решил направить его в специальный лагерь в Лукенвальде, его подлинная биография не была выявлена до прибытия туда офицера отдела "Иностранные армии - Восток". Этот 38-летний русский на

самом деле был высокопоставленным функционером советской компартии и перед войной занимал должность одного из семи подсекретарей Центрального Комитета (буквально *undersecretary*; нам так и не удалось выяснить, какую должность в советском аппарате Кукридж обозначил этим английским словом. – Б. С.). Вскоре после германского нападения на СССР, в июле 1941 года, он был назначен политическим комиссаром в Центральную армию маршала Жукова. (Трудно понять, о чем здесь идет речь. В начале войны Г. К. Жуков был начальником Генштаба и ни армией, ни фронтом не командовал. С конца июля он возглавил Резервный фронт, действовавший на московском направлении, а в октябре, после катастрофы под Вязьмой, - Западный фронт. Кроме того, в июле - августе 1941 года существовал Центральный фронт - а не армия, - которым командовал генерал М. Г. Ефремов. Позднее часть соединений этого фронта попала в окружение под Вязьмой и Брянском. - Б. С.). Он был захвачен вместе с водителем, когда объезжал передовые части во время Вяземского сражения.

После восьми месяцев пребывания в лагере военнопленных Минишкий находился в таком состоянии, которое облегчило задачу допрашивавшего его офицера ФХО. Бывший комиссар был глубоко подавлен сокрушительными германскими победами; кроме того, казалось, что он имел зуб на своих прежних политических руководителей. Короче, он созрел для измены. Как только офицер ФХО раскрыл прошлое Минишкия, его отправили в Ангенбург, где располагался штаб Гелен. В виде исключения Гелен сам провел допрос. Его тихая манера и мягкий подход, должно быть, затронули какую-то пружину нереализованного честолюбия или бессознательного отвращения к идеологии, которой русский следовал всю свою жизнь. Гелен поинтересовался семьей Минишкия и узнал, что тот оставил свою жену и двух детей в деревне к западу от Москвы, в ту пору занятую немецкими войсками. Гелен пообещал Минишкию воссоединение с семьей и сказал, что он будет щедро награжден и получит право жить в Германии как свободный человек или будет чиновником в России после германской победы. В обмен Минишкий должен стать немецким агентом.

Так началась операция "Фламинго", которую Гелен проводил в сотрудничестве с Бауном, уже имевшим в Москве радиста с псевдонимом Александр. Люди Бауна переправили Минишкия через линию фронта, и он доложил в первом же советском штабе историю своего пленения и дерзкого побега, каждая деталь которой была придумана геленовскими экспертами. Его забрали в Москву, где приветствовали как героя. Минишкий поделился с офицерами советской разведки казавшейся ценной информацией о том, что он видел во время плена. В качестве награды за мужественный поступок его назначили на должность в военно-политический секретариат ГОКО (для нас более привычна аббревиатура ГКО. - Б. С.) - верховный штаб Сталина. Минишкий вскоре установил контакт с радистом "Фламинго" и начал посылать сообщения, пользуясь детекторными кристаллами, полученными от ФХО. После нескольких первоначальных донесений поступило его первое сенсационное

сообщение 14 июля 1942 года. Гелен и Герре сидели всю ночь, составляя на его основе доклад, который Гелен лично представил начальнику Генштаба генералу Гальдеру на следующее утро. Там говорилось: "Военное совещание (или заседание Военного совета) завершилось в Москве вечером 13 июля. Присутствовали Шапошников, Ворошилов, Молотов и главы британской, американской и китайской военных миссий. Шапошников заявил, что их отступление будет до Волги, чтобы вынудить немцев зимовать в этом районе. Во время отступления должны осуществляться всеобъемлющие разрушения на оставляемой территории; вся промышленность должна быть эвакуирована на Урал и в Сибирь.

Британский представитель попросил о советской помощи в Египте, но получил ответ, что советские ресурсы мобилизованной живой силы не столь велики, как полагают союзники. Кроме того, им не хватает самолетов, танков и артиллерийских орудий, в частности потому, что часть поставок предназначенного для России вооружения, которое британцы должны были доставить через порт Басра в Персидском заливе, была перенацелена для защиты Египта. Было решено провести наступательные операции в двух секторах фронта: севернее Орла и севернее Воронежа, с использованием больших танковых сил и воздушного прикрытия. Отвлекающая атака должна быть проведена у Калинина. Необходимо, чтобы Сталинград, Новороссийск и Кавказ были удержаны".

Гелен добавил сюда свой комментарий: "Изменения в общем положении на фронте в последние несколько дней заставляют отнести к сообщению агента с полным доверием. Это подтверждается передвижениями противника на фронте наших групп армий "А" и "Б" (наступавшими соответственно на Кавказ и Сталинград. - Б. С.), его уклончивыми действиями на фронте реки Дон и его отступлением к Волге одновременно с удерживанием оборонительных линий на Северном Кавказе и на Сталинградском плацдарме; на фронте нашей группы армий "Центр" его отход к линии Тула, Москва, Калинин является еще одним подтверждением. Планирует ли противник дальнейшее широкомасштабное отступление в случае наступления наших групп армий "Север" и "Центр", в настоящее время нельзя с уверенностью определить".

Две советские атаки, у Орла и Воронежа, как и предсказывалось, были проведены в июле, с использованием большого количества танков. Позднее Гальдер отметил в своем дневнике: "Подполковник Гелен из ФХО предоставил точную информацию о силах противника, заново развернутых, начиная с 28 июня, и о предполагаемой силе этих соединений. Он также дал правильную оценку энергичных действий противника по защите Сталинграда" (эту запись начальник Генштаба сухопутных сил сделал 15 июля 1942 года, в день, когда шеф ФХО сообщил о донесении "агента 438". - Б. С.).

Конечно, Кукридж не очень хорошо знал реалии Восточного фронта и допустил немало ошибок. В частности, союзные военные миссии появились в Москве только в 1943 году. Английский историк Дэвид Кан, цитируя в своей книге фрагмент того же самого донесения от 14 июля 1942 года, дает более

правильный перевод с немецкого: не "главы британской, американской и китайской военных миссий", а "британский, американский и китайский военные атташе". Он считает, что "донесение Минишкия" было либо дезинформацией, либо фантазией отправившего его резидента и не отражало действительного положения вещей и истинных намерений советского руководства. Доказательство в пользу такой версии Кан видит в том, что о совещании, якобы состоявшемся 13 июля 1942 года, не найдено никаких донесений ни от британского, ни от американского военных атташе в Москве.

Я решил проверить сведения, сообщенные "агентом 438". Оказалось, что по всем пунктам они соответствуют действительности.

Записи в дневнике ГальдеРа за вторую половину июля 1942 года фиксируют массированные советские атаки с большим количеством танков в районе Воронежа, а также на участке группы армий "Центр" (в период с 10 по 17 июля) в районе Орла. Как вспоминал маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, еще 16 июля Ставка поручила командованию Западного и Калининского фронтов подготовить и провести Ржевско-Сычевскую наступательную операцию с целью отвлечь немецкие силы с юга. Однако операция закончилась неудачей - возможно, и по той причине, что противник был заранее осведомлен о ее проведении. Конечно, сведения о предстоящих операциях советских войск могли сознательно включить и в дезинформационное донесение, чтобы придать ему достоверность. Ведь в том, справедливо или нет сообщение о будущем наступлении Красной Армии на том или ином участке фронта, германское командование все равно сможет убедиться довольно быстро.

Но можно ли говорить о дезинформации в других сведениях, сообщенных "агентом 438"? На этот вопрос придется ответить отрицательно.

Как раз в июле 1942 года Советский Союз дал согласие на переадресовку ленд-лиза из Басры в Египет, чтобы помочь английской армии отразить новое наступление армии Роммеля. 10 июля Сталин получил от Черчилля послание, где британский премьер благодарил за "согласие на отправку нашим вооруженным силам в Египте 40 бомбардировщиков "Бостон", прибывших в Басру по пути к Вам". Верно в донесении и утверждение о возможном истощении советских ресурсов живой силы. Именно в июле 1942 года Красная Армия единственный раз за всю войну столкнулась с кризисом пополнений, вызванным огромными потерями убитыми и пленными в первый год войны. 23 июля было принято предложение заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко, внесенное в ГКО еще 6 июля, об уменьшении числа коек и сокращении штата эвакуогоспиталей, чтобы высвободить для нужд фронта и тыла дополнительно 200 тысяч человек. При этом даже не думали о том, что подобные пересмены увеличат сроки возвращения раненых в строй и, в свою очередь, уменьшат размер пополнений за счет выздоравливающих раненых: слишком велика была нужда в немедленном пополнении несших большие потери частей.

В годы Первой мировой войны кризис с людскими ресурсами в России наступил гораздо позже: на третьем году войны, осенью 1916 года, причем

тревожное положение с пополнениями для армии тщательно скрывали как от противника, так и от союзников. Теперь, в Великую Отечественную, никто не собирался скрывать наш кризис в людских ресурсах от Англии и США. Советские представители говорили об этом не только на совещании 13 июля 1942 года, о котором сообщал Миницкий, но и в столицах союзников. Опубликованные только в 1984 году британские дипломатические документы свидетельствуют, что именно 14 июля, в день, когда поступило донесение от "агента 438", посол СССР в США в беседе с государственным секретарем особо подчеркнул, что советские ресурсы живой силы не являются неистощимыми, и то же самое повторил в Лондоне другой советский посол, аккредитованный при помещавшихся в британской столице эмигрантских правительствах.

Кстати, еще тогда же, в 1942 году, немецкой разведке удалось найти косвенное подтверждение этой информации Миницкого. Как пишет в своих мемуарах Гелен, немцы смогли прочитать несколько телеграмм из американского посольства в Куйбышеве (туда был эвакуирован из Москвы дипломатический корпус) в Вашингтон, где говорилось о советских трудностях с рабочей силой в промышленности.

Наконец, даже состав участников совещания 13 июля, долгое время вызывавший недоумение историков, поскольку маршалы К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников к тому времени уже не занимали сколько-нибудь значительных постов в руководстве Красной Армии (участие В. М. Молотова, наркома иностранных дел, было естественно). Однако их присутствие на встрече с союзными военными атташе вполне объяснимо: именно Шапошникову и Ворошилову Сталин поручил работу с иностранными делегациями. Например, в августе 1942 года, в следующем месяце после совещания, описанного Миницким, Москву посетил начальник британского Генштаба фельдмаршал Алан Брук. И, как явствует из его дневника, опубликованного уже после войны, во время визита Брук из высокопоставленных советских военных встречался и даже выпивал на банкете как раз с Климентом Ефремовичем Ворошиловым и Борисом Михайловичем Шапошниковым. Очевидно, Сталин нашел достойное занятие оказавшимся не у дел маршалам: ублажать союзных визитеров, бывшим своим авторитетом и бодрым духом подкреплять их уверенность, что Советский Союз выстоит под натиском нового немецкого наступления. Отмечу также, что позднее, в конце 1943 года, Ворошилов сопровождал Сталина на переговоры с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране (Шапошников к тому времени был тяжело болен). Кроме того, в сентябре 1943 года Ворошилов стал председателем образованной при НКВД Комиссии по вопросам перемирия, в состав которой, наряду с профессиональными дипломатами, вошел и Шапошников. Так что оба маршала вполне успешно подвизались и на дипломатическом поприще, что делало естественным их присутствие на встрече Молотова с военными атташе союзников 13 июля 1942 года.

Данные о переадресовке ленд-лиза из Басры вместо СССР в Египет и о кризисе пополнений в Красной Армии, безусловно, имели стратегическое

значение. Вероятность того, что германские спецслужбы смогут получить информацию об этом из каких-либо других источников, была весьма невелика, а сообщать противнику о своей слабости в отношении людских ресурсов или о временном уменьшении поставок вооружения по ленд-лизу в тяжелейший момент отступления к Кавказу и Волге не было никакого смысла.

О дальнейшей судьбе "агента 438" Кукридж сообщает довольно скупо. По его словам, "участники операции "Фламинго" продолжали посылать донесения, однако сообщения Минишкия становились все более мрачными. В начале октября 1942 года Гелен отозвал его, устроив с помощью Бауна встречу агента с одним из передовых разведывательных подразделений "Валли", которое и переправило его через линию фронта тем же путем, каким прежде забросило в советский тыл. В дальнейшем Минишкий работал у Гелена в отделе анализа информации. Он остался в Германии и пережил войну".

О Минишкие, не называя его имени, пишет и Уайтинг. Он сообщает, что одним из наиболее доверенных агентов майора Германа Бауна, обосновавшихся в Москве, был радист по кличке Александр, в звании капитана, служивший в расквартированном в столице батальоне связи и передававший немцам "совершенно секретные директивы Красной Армии". Упоминает Уайтинг и уже известное нам донесение от 13 июля 1942 года, полученное, по его словам, "от одного из шпионов Бауна".

Наконец, об "агенте 438" рассказывает и известный британский военный историк Джон Эриксон в своей книге "Дорога на Сталинград", вышедшей в 1975 году. Он ссылается на книгу Кукриджа, однако приводит ряд подробностей, там отсутствующих. В частности, он называет агента не Минишкием, а Мишинским и сообщает, что того нашел сам Гелен в одном из лагерей, где содержались пленные, проявившие склонность к сотрудничеству с немцами. Мишинский характеризуется как "старший комиссар" и "высокопоставленный партийный чиновник (из Московской организации)" (неясно - городской или областной), взятый в плен в октябре 1941 года. По словам Эриксона, Гелен завербовал Мишинского с помощью обмана и шантажа. В это верится с трудом. Конечно, у Гелена была возможность безотказного давления на агента, если немцам действительно удалось разыскать на оккупированной территории его семью. Однако вряд ли бы за линией фронта Минишкий-Мишинский стал работать из одного страха перед новыми хозяевами. Ведь он всегда имел возможность с помощью НКВД организовать радиоигру, а уличить агента во лжи - при уникальности сообщаемой им информации - немцам было бы трудно... Все-таки для работы в советском тылу, в учреждениях уровня ГКО, с доступом к важнейшей и сугубо секретной информации требовался агент, работающий не за страх, а за совесть. Возможно, Мишинский (или Минишкий) тогда, в мае 1942-го, когда его вербовал Гелен, искренне поверил в неизбежность победы Германии и рассчитывал сделать карьеру у победителей. А может, как предполагал Кукридж, "агент 438" в глубине души почему-либо не переносил советскую систему, которой по инерции служил многие

годы, и Гелен просто дал ему возможность реализовать давнее тайное желание отомстить партийным боссам.

Еще одну версию судьбы Минишкя-Митинского изложил мне в разговоре мой друг французский историк Габор Риттершпорн. По его словам, геленовского агента звали действительно Владимир Мишинский, а не Минишкий. Во всяком случае, под фамилией Мишинский он позднее осел в США. До войны Мишинский действительно работал в Московском обкоме партии, а после войны вместе с Геленом, Бауном и другими перешел на службу к американцам. Сначала он преподавал в американской разведшколе в Южной Германии, а затем перебрался в США, поселился в штате Вирджиния, получил американское гражданство. По сведениям Риттершпорна, в Америке Мишинский женился, но впоследствии жена ушла от него, и детей от этого брака у него, видимо, не было. Умер бывший "агент 438" в 1980-е годы все в той же Вирджинии.

Думаю, что Мишинский - тоже не настоящая фамилия. Вряд ли бы человек, которого могло разыскивать НКВД, рискнул въехать в США под своим подлинным именем. Ни в секретариате ЦК, ни среди членов Московского горкома и обкома партии накануне войны мне не удалось обнаружить ни одного человека с фамилией Мишинский или Минишкий. Скорее всего, будущий геленовский агент работал где-то в аппарате Московского обкома и носил совсем другую фамилию. Возможно, когда-нибудь мы узнаем его подлинное имя. Оно должно сохраниться в архивах ЦРУ и БНД.

* * *

Мишинский, по всей видимости, был не единственным немецким шпионом в советских штабах. В своих мемуарах Гелен упоминает, что получил от майора Бауна донесение неизвестного агента абвера, датированное 13 апреля 1942 года. В нем говорилось, что в Куйбышеве член ЦК партии И. И. Носенко, после войны ставший министром судостроительной промышленности, сказал редактору газеты "Правда", что на последнем совместном заседании "президиума ЦК" (Политбюро?) и Верховного Главнокомандования было решено вырвать оперативную инициативу у немцев до того, как они начнут свое наступление, и Красная Армия должна перейти в наступление при первой возможности после Майских праздников. Последовавшая затем 12 мая атака войск Юго-Западного направления на Харьков, закончившаяся неудачей и пленением ударной группировки, была сочтена Геленом подтверждением правильности поступившей из Куйбышева информации.

Гелен цитирует еще одно важное агентурное сообщение из Москвы, полученное в первой декаде ноября 1942 года. В нем говорилось, что 4 ноября Сталин провел Главный военный совет с участием 12 маршалов и генералов. На совете решили, если позволят погодные условия, начать все запланированные наступательные операции не позднее 15 ноября. Эти операции были намечены на Северном Кавказе в направлении на Моздок, на Среднем Дону

против итальянской 8-й и румынской 3-й армий, в районе ржевского выступа, а также под Ленинградом. 7 ноября сменивший Гальдера на посту начальника Генштаба Курт Цейтцлер сообщил Гитлеру суть данного донесения, указав, что русские приняли решение еще до конца 1942 года перейти в наступление на Дону и против ржевско-вяземского плацдарма. Однако фюрер отказался отвести войска в районе Сталинграда. По мнению Гелена, последующие события доказали истинность сведений о совещании у Сталина 4 ноября 1942 года. Начальник ФХО предположил, что главный удар Красная Армия будет наносить по румынской 3-й армии, прикрывавшей с фланга сталинградскую группировку. А 18 ноября, за день до начала советского наступления, Гелен сделал правильный вывод, что советский удар последует не только с севера, из-за Дона, но и с юга, из района Бекетовки. Но было уже поздно.

В то же время Гелен предпочитает не упоминать в мемуарах о своей серьезной ошибке в оценке донесения агента резидентуры "Макс". 6 ноября 1942 года шеф отдела "Иностранные армии - Восток" доложил Цейтцлеру: "Перед германским Восточным фронтом пункт главных усилий в предстоящих операциях противника со все большей отчетливостью вырисовывается в районе группы армий «Центр»". К этому Гелен добавил, что до сих пор неясно, имеют ли русские достаточно сил, чтобы предпринять наступление и на участке группы армий "Б". Этот вывод, как показали последующие события, оказался ошибочным, но безвестный агент в этом был несколько не повинен. В его донесении ничего не говорилось, какой из предстоящих советских ударов важнее.

Командование Красной Армии в ноябре 1942 года действительно планировало два главных удара: на ржевско-вяземском направлении и по флангам немецкой 6-й армии в Сталинграде, прикрытым менее боеспособными румынскими войсками, и полагало, что сил хватит для обеих атак. Споры же, было ли цитируемое Геленом донесение хорошо продуманной дезинформацией или отражало реальные планы советского командования, продолжаются по сей день. Подозрения исследователей вызывают два обстоятельства. Во-первых, в донесении было перечислено сразу несколько возможных направлений советских атак, как основных, так и чисто вспомогательных, вроде района к югу от озера Ильмень, без конкретного указания, где будут сосредоточены основные усилия Красной Армии. Такая диспозиция могла побудить немецкое командование распылить свои резервы и облегчить советским войскам продвижение на направлениях главных ударов. Во-вторых, направление советского наступления на Дону в сообщении агента было указано западнее того, что в действительности было избрано 19 ноября, - на правое крыло Юго-Западного фронта, в район Верхнего и Нижнего Мамона, против итальянской 8-й армии. В действительности же главный удар нанесло левое крыло этого фронта - против румын. Однако в качестве дезинформации такое несколько неверное указание направления нашего удара теряло смысл, потому что все равно показывало намерение советского командования окружить ста-

линградскую группировку немцев (разница лишь в глубине охвата, тем более что такой план более глубокого охвата немцев между Волгой и Доном реально существовал в советском Генштабе). Немецкое командование и в этом случае могло вывести свою 6-ю армию из-под угрозы окружения, и сообщение о планируемом наступлении советских войск против итальянцев как раз могло подтолкнуть именно к такому решению, явно невыгодному для наступления Красной Армии.

Первоначально срок перехода наступление Юго-Западного и Донского фронтов был назначен на 15 ноября.

Маршал А. М. Василевский, координировавший действия фронтов, отмечает в мемуарах: "Сосредоточение последних войсковых соединений и всего необходимого для начала операции, по самым твердым нашим расчетам, должно было закончиться не позднее 15 ноября". Жуков в "Воспоминаниях и размышлениях" цитирует свое послание Сталину по "Бодо" от 11 ноября: "Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для "Урана" (условное название операции по окружению сталинградской группировки врага. - Б. С.) очень мало. К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г." Вероятно, первоначальный срок был еще более ранний: 12 или 13 ноября. Однако и к 15-му не удалось подвезти все требуемые запасы. Поэтому начало наступления было перенесено на 19 ноября для Юго-Западного и Донского фронтов и на 20-е - для Сталинградского.

Вполне вероятно также, что первоначальный план наступления Юго-Западного фронта отличался от того, что был осуществлен в действительности. Жуков, в частности, пишет, что "с 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта". Не исключено, что корректировка как раз и заключалась в смене направления главного удара. Точно установить это сегодня уже невозможно: командующий фронтом Н. Ф. Ватугин и его начальник штаба генерал-майор Г. Д. Стельмах погибли в войну и мемуаров не оставили.

Перечислим еще несколько правдоподобных донесений немецких агентов, возможно поступивших из высших советских штабов. Примерно за две недели до начала советского наступления на Курской дуге Гелен предсказал его время: середина июля - и направление; Орел. Как свидетельствует в своих мемуарах Н. С. Хрущев, бывший тогда членом Военного совета Воронежского фронта, еще до немецкой атаки на Курск, начавшейся 5 июля 1943 года, Ставка приняла решение начать наступление сперва на Орел, а потом на Харьков: "Сейчас уже не помню, почему наше наступление (на Харьков. - Б. С.) было назначено именно на 20 июля. Это, видимо, определялось тем, что мы могли получить все, что нам нужно было, только к названному сроку. Сталин сказал нам, что дней на шесть раньше нас проведет наступательную операцию (на Орел. - Б. С.) Центральный фронт Рокоссовского, а потом и мы начнем свою операцию". Не исключено, что какой-то из немецких агентов заранее сообщил своим о планируемом наступлении на Орел, которое вермахт

(вооруженные силы Германии), в свою очередь, упреждал наступлением на Курский выступ.

В книге Джона Эриксона "Дорога на Берлин", вышедшей в 1983 году, приведено представленное Геленом в Генштаб 3 мая 1944 года донесение неизвестного агента о том, что в советской ставке под председательством Сталина будто бы еще в конце марта обсуждались два варианта летнего советского наступления. Первый предусматривал главный удар в районе Львов, Ковель с одновременной атакой на Варшаву и польским восстанием в немецком тылу. Согласно второму варианту, который и был принят, главный удар наносился в направлении Балтики, причем в ходе его планировалось овладеть Варшавой и делался расчет на вооруженное выступление поляков. Вспомогательный же удар планировался южнее, в направлении на Львов. Нетрудно убедиться, что именно так и действовали советские войска летом 1944 года, когда основное наступление - знаменитая операция "Багратион" - привело к разгрому группы вражеских армий в Белоруссии и Литве и вывело Красную Армию к Висле у Варшавы и к Балтийскому побережью, на подступы к Восточной Пруссии. Вспомогательный же удар на Львов позволил занять часть Восточной Галиции и овладеть сандомирским плацдармом за Вислой. Гитлер мог бы предотвратить разгром своих сил в Белоруссии, если бы еще в мае, поверив агентурному донесению, отвел войска группы армий "Центр" с далеко выдававшегося на Восток так называемого "белорусского балкона". Однако отходить бы пришлось очень далеко - как минимум, к Бугу, а то и к Висле. В этом случае Красная Армия к июню оказалась бы на подступах к границам Германии. А ведь тогда Гитлер бился уже не за победу, а только за выигрыш во времени, надеясь либо на раскол противостоящей ему коалиции, либо на изобретение какого-нибудь "чудо-оружия", способного коренным образом изменить в его пользу ход войны. В отношении выигрыша во времени даже потеря значительных немецких сил в Белоруссии оправдывалась, поскольку тем самым продвижение Красной Армии к границам Рейха было задержано хотя бы на полтора-два месяца. Поэтому Гитлер запретил отход группе армий "Центр" и, несмотря на риск окружения, решил обороняться на прежних рубежах.

Был еще один случай, когда германское командование, скорее всего, получило достоверную информацию от агента, засевшего, по меньшей мере, в штабе фронта, и на ее основе приняло стратегическое решение. Это донесение до сих пор не опубликовано, однако действия немецких генералов указывают на его существование.

Как известно, 1 августа 1944 года польская Армия Крайова, подчинявшаяся не признаваемому Советским Союзом польскому эмигрантскому правительству в Лондоне, начала Варшавское восстание, широко поддержанное населением города. На польское вооруженное восстание в Варшаве ранее рассчитывало и советское военно-политическое руководство. Однако оно полагало, что во главе восставших встанет прокоммунистическая польская Армия Людова. Когда же эти расчеты не оправдались, Сталин стал всерьез опасать-

ся, что контроль над Варшавой, а затем и над всей Польшей могут установить сами поляки, связывавшие свои интересы с Лондоном, а не Москвой. К тому времени советские войска захватили мангушевский и пулавский плацдармы за Вислой в районе Варшавы и имели реальную возможность помочь восставшим.

Еще 30 июля в Москву прибыл премьер польского эмигрантского правительства Станислав Миколайчик. Во время двух бесед со Сталиным, 3 и 9 августа, ему было предложено объединиться с просоветским Польским комитетом Национального освобождения в Люблине при фактическом доминировании последнего. Миколайчик ответил отказом, и это решило судьбу восставших.

8 августа маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский предложили план операции по освобождению Варшавы, которую можно было начать 25 августа. Однако Сталин так и не отдал приказ на ее проведение. 12 августа было опубликовано заявление ТАСС, в котором советская сторона полностью снимала с себя ответственность за судьбу варшавских повстанцев. А 16 августа Сталин направил письмо Миколайчику, где охарактеризовал восстание в Варшаве как "легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения". Польские авторы указывают на существование некоего "стоп-приказа", запретившего Красной Армии в те дни наступать на Варшаву. Правда, до сих пор неизвестна ни точная дата, ни содержание этого приказа, однако то, что он существовал, сомневаться трудно. И почти наверняка о нем своевременно узнало и германское командование.

Советские историки, оправдывая действия советских войск под Варшавой, традиционно указывали, что немцы сосредоточили против плацдармов за Вислой пять танковых дивизий и мощными контрударами остановили продвижение Красной Армии. При этом почему-то забывают упомянуть, что все эти танковые дивизии уже во второй декаде августа были направлены на север для осуществления операции по восстановлению сухопутной связи между группами армий "Центр" и "Север", нарушенной советским прорывом к Балтийскому морю у Тукумса. Операция началась 16 августа, и к концу месяца немцам удалось оттеснить советские войска с Балтийского побережья и восстановить сухопутные коммуникации с группой армий "Север". Между тем если бы в это время Красная Армия предприняла наступление на Висле, немецкий контрудар на севере потерял бы всякий смысл. В этом случае у вермахта практически не было бы шансов удержать Варшаву. Отступить же пришлось бы как минимум до Одера. Удержать позиции от Прибалтики до устья Одера у немцев не было никаких шансов; для столь обширного фронта им просто не хватило бы войск. Да и линию Одера, к осени 1944 года еще не подготовленную к обороне, немецким войскам тоже было бы удержать весьма непросто, и Красная Армия могла уже реально угрожать Берлину.

На столь рискованный маневр, как переброска танковых дивизий из-под Варшавы на север, германское командование могло бы решиться только в том случае, если бы было твердо уверено, что советские войска на Висле в

ближайшие недели не сдвинутся с места. Для такой уверенности одного заявления ТАСС было, естественно, мало. По всей вероятности, какой-то надежный немецкий агент информировал своих о сталинском "стоп-приказе". Советский диктатор предпочел позволить немцам подавить вредное для его планов в Польше восстание поляков, а сам нанес главный удар в Румынии, чтобы раньше союзников установить контроль над давно вожделенным Балканским полуостровом.

Наконец, в декабре 1944 года Гелену удалось довольно точно предсказать, что Красная Армия главные удары будет наносить теперь в направлении на Берлин и в Восточной Пруссии и что наступление начнется около 12 января 1945 года. Начальник ФХО предложил даже заранее эвакуировать войска из Восточной Пруссии, чтобы сосредоточить максимум сил для обороны столицы Рейха, но и на этот раз не встретил понимания у Гитлера. Вполне возможно, что и в этом случае в своем знании Гелен опирался на донесение агента из какого-то советского штаба не ниже фронтового.

Прогнозы Гелена о том, что в январе 1945 года главный удар Красной Армии придется на Восточную Пруссию, полностью оправдались. Бывший командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский в своих мемуарах отмечал:

"На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточно-прусской группировки... а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным".

Отметим, что этот поначалу изъятый фрагмент мемуаров был восстановлен лишь в издании 1997 года.

Трудно сказать, располагал ли Гелен тогда, в конце 1944-го - начале 1945-го, надежными источниками в советских штабах или просто сделал верный стратегический вывод из анализа положения на фронте. Дело в том, что мощный удар в Восточной Пруссии был продиктован чисто политическими соображениями. Еще в конце 1943 года на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав Сталин заявил о советских претензиях на Кенигсберг и прилегающую к нему территорию Восточной Пруссии. Вот и старалась Красная Армия поскорее захватить этот район, как раз накануне следующей, Ялтинской, конференции, чтобы поставить союзников уже перед свершившимся фактом. Возможно, Сталин опасался, что после капитуляции Берлина восточнопрусская группировка врага сдастся англо-американскому десанту и добыча уйдет из рук. Не исключено, что о высказанных в Тегеране

притязаниях на Кенигсберг стало известно германской разведке. Наступление советских войск в Восточной Пруссии стоило очень больших потерь, но не привело к быстрому разгрому противника.

Кто же был тот неизвестный германский агент в Генеральном штабе Красной Армии, предупредивший о советском наступлении под Сталинградом в ноябре 1942-го и в Белоруссии весной 1944-го? Бывший полковник советской разведки Юрий Иванович Модин в своей книге "Судьбы разведчиков: мои кембриджские друзья" утверждает, что англичане опасались поставлять Советскому Союзу информацию, полученную благодаря расшифровке немецких донесений, именно из-за боязни, что в советских штабах есть германские агенты:

"Немцы пользовались очень хорошей, легкой и быстродействующей шифровальной машиной "Энигма", изобретенной сразу же после первой мировой войны... Стюарт Мензис, начальник английской разведки (МИ-6), привлек к изучению "Энигмы" талантливого математика Алана Тьюринга. Сотрудничество между Англией, Францией и Польшей (в дешифровке немецких кодов) продолжалось до начала войны в Европе... В ходе войны полякам удалось захватить в качестве трофеев несколько сильно поврежденных "Энигм". Но немцы продолжали совершенствовать свою систему. Летом 1940 года Тьюринг и его коллеги в Блечли Парке (правительственная шифровальная школа, где работал советский агент Джон Кэрнкросс. -Б. С.), используя один из самых первых компьютеров ("Колоссус"), в конце концов разгадали код "Энигмы". Важность этого успеха переоценить невозможно, потому что он давал союзникам доступ ко всем передачам, которые шли по радио между германским правительством и верховным командованием гитлеровской армии. Все подразделения немецких войск были оснащены "Энигмой".

Во время Сталинградской битвы советские войска захватили не менее двадцати шести "Энигм", но все они оказались поврежденными, ибо немецким операторам был дан строгий приказ уничтожить их в случае опасности. После того как немецкие военнопленные выдали шифр, применяемый на этих машинах, советские специалисты смогли расшифровать несколько отрывков из немецких телеграмм, но так и не нашли главного ключа к системе "Энигмы", который к тому времени уже получили эксперты Блечли Парка. Между собой английские специалисты называли перехват закодированных текстов "ультраразведкой".

Британская секретная служба, которой также были известны коды военно-морских сил и военно-воздушного флота Германии, разрешала заниматься "ультра" только немногим операторам, пользовавшимся абсолютным доверием. Расшифрованные телеграммы рассылались по строго ограниченным адресам: начальникам разведки, премьер-министру и некоторым членам правительства...

Чтобы скрыть факт расшифровки кода "Энигмы", англичане обычно говорили, что такого рода работу выполняют для них немецкие агенты в Германии или в оккупированных нацистами странах. Они делали надписи на доку-

ментах: "получено от X из Австрии" или "от У с Украины" (насчет Украины неправдоподобно: уж слишком маловероятно было присутствие там британских агентов. - Б. С). Только ограниченное число сотрудников Блечли Парка знало о действительном происхождении этих материалов. Кроме Туринга и его ассистентов в тайну были посвящены также Черчилль, один-два начальника разведки и - благодаря нашей английской агентуре - Советский Союз.

Англичане отказывались делиться с нами своей информацией не только по политическим причинам. Они были уверены, что немецкие шпионы проникли в высшие эшелоны Красной Армии. Эта уверенность имела под собой кое-какие основания. У НКВД были свои подозрения на сей счет. Во время войны двух или трех сотрудников советского Генерального штаба арестовали и расстреляли как немецких агентов; другие, возможно, избежали наказания".-

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, попались ли в руки чекистов действительно немецкие агенты или просто случайные люди из Генштаба, по той или иной причине вызвавшие подозрение: ведь тогда, если настоящих предателей поймать не удавалось, их обыкновенно выдумывали. Так случилось, например, с группой генералов-авиаторов, арестованных перед Великой Отечественной войной и в первые ее дни по обвинению в заговоре и шпионаже в пользу Германии. Настоящий же немецкий агент в нашем Генеральном штабе, вполне возможно, пережил войну. Не исключено, что он оказался среди тех нескольких десятков (если не сотен) советских офицеров-перебежчиков, перешедших в конце 1940-х - начале 1950-х годов в западные оккупационные зоны Германии и Австрии. Уцелевшего агента можно понять. Его должен был постоянно терзать страх как разоблачения своими, так и того, что наследники ведомств Канариса и Шелленберга, шантажируя его предательским прошлым, заставят возобновить опаснейшую работу на иностранные разведки. В таких условиях наилучшим выходом было "выбрать свободу": уйти на Запад "по идейным соображениям". Западные спецслужбы, понятное дело, раскрывать истинное прошлое перебежчика не стали бы,

Не исключено, что агентом Гелена, Канариса или Шелленберга в Генштабе РККА был полковник Кирилл Дмитриевич Калинов, который в 1949 году служил в аппарате советской военной администрации в Берлине и перешел в западную часть города. В следующем году он издал в ФРГ книгу "Слово имеют советские маршалы", где, основываясь на документах Генштаба, привел данные о безвозвратных потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне: 8,5 миллиона погибших на поле боя и пропавших без вести, 2,5 миллиона умерших отран и 2,6 миллиона умерших в плену. Как показали потом исследования, эти первые послевоенные подсчеты занижали истинные потери - более 26 миллионов красноармейцев - примерно вдвое.

* * *

Приведу еще одно любопытное дополнение к тем довольно скудным данным о немецкой агентуре, которая могла поставлять сведения о стратегичес-

ких замыслах советского командования. Вальтер Шелленберг в американской версии его мемуаров, вышедших посмертно в 1956 году под названием "Лабиринт", писал, что через один из центров по сбору и обработке информации по России, "о существовании которого было известно только трем лицам в Главном управлении, мы смогли вступить в непосредственный контакт с двумя офицерами из штаба маршала Рокоссовского".

" Интересно, что оба они выражали сомнение относительно преданности Рокоссовского Сталину. Рокоссовский, бывший офицер царской армии (в действительности только унтер-офицер. - Б. С), провел несколько лет в Сибири.

Позднее, когда в мое подчинение перешло ведомство военной разведки адмирала Канариса (это случилось после отставки "сухопутного адмирала" в феврале 1944 года. - Б. С), у меня прибавился еще один очень важный разведцентр. Его начальником был немецкий еврей, использовавший совершенно необычные методы работы. Его штат насчитывал только два человека; вся работа была механизирована. Его сеть охватывала несколько стран и имела разветвленную агентуру во всех слоях общества. Он ухитрялся получать наиболее точную информацию от источников, работавших в высших эшелонах русской армии, и разведывательный отдел штаба германской армии (ФХО. - Б. С.) давал им высокую оценку. Этот человек работал действительно мастерски. Он мог сообщать и о крупных стратегических планах, и о передвижениях войск, иногда даже отдельных дивизий. Его донесения поступали обычно за две-три недели до предсказываемых событий, так что наши руководители имели время подготовить соответствующие контрмеры, точнее, могли бы это сделать, если бы Гитлер обращал более серьезное внимание на подобные донесения.

Мне приходилось отчаянно бороться за то, чтобы защитить такого ценного сотрудника от Мюллера (шеф гестапо. - Б. С.), а также оградить его от зависти и интриг, бытовавших в моем управлении и в штабе люфтваффе. За спиной Кальтенбруннера и Мюллера скрывалась клика, решившая устранить "еврея". В вину ему ставилось не только еврейское происхождение. Его враги прибегали к самым коварным приемам, пытаясь доказать, что он тайно работает на русскую разведку, которая якобы через него поставляет нам пока достоверную информацию, чтобы в решающий момент ввести в заблуждение".

Отметим, что Шелленберг узнал о чудо-резиденте никак не ранее февраля 1944 года. К тому времени это "пока" длилось уже почти три года, за которые на Восточном фронте произошли крупнейшие сражения. Естественно, глава немецкой разведки справедливо возражал врагам еврея-резидента: какой еще такой "решающий момент" должен наступить, чтобы от него пришла наконец дезинформация, если поступающая все время из этого источника информация в основном подтверждалась?!

В немецком варианте шелленберговских воспоминаний уточняется, что "связь с двумя офицерами Генерального штаба, прикомандированными к штабу маршала Рокоссовского", поддерживалась через одного из "особо важ-

ных информаторов" и что после слияния ведомства Канариса с 6-м управлением Шелленберга в его "распоряжение поступил еще один очень ценный информатор, которым руководил один немецкий еврей". Об этом же резиденте упоминает и Гелен, указывая, что он имел радиопост в Софии и агентурную сеть абвера в Советах под общим наименованием "Макс". Именно от "Макса" ФХО получило, в частности, донесение о военном совете, проведенном Сталиным 4 ноября 1942 года.

Биографию руководителя "Макса" подробно излагает Дэвид Кан. Имя столь ценного руководителя немецкой разведки резидента - Фриц Каудерс. Он родился в Вене 23 июня 1903 года. Мать Фрица была еврейкой. Отец же, по словам Каудерса, был чистокровный ариец, перешедший в иудаизм, а потом вновь крестившийся, - конечно, если Каудерс не выдумал эту историю про отца-арийца, чтобы попасть в менее опасную при нацистах категорию евреев-полукровок, "мишлеинге". Сторонники окончательного решения еврейского вопроса так до конца войны и не договорились друг с другом, что же все-таки делать со злосчастными "мишлеинге". С одной стороны, не плохо бы, не ломая голову, напрямик направить их в Освенцим, да ведь тогда получится, что искоренением будет затронута и бесспорно арийская кровь. Эта "проблема" так и не была решена до бесславного конца Третьего Рейха, и поэтому "мишлеинге" не тронули. Концлагеря и газовые камеры им не грозили. Но на ответственные государственные должности лиц сомнительного происхождения официально не принимали. Чтобы обойти негласный запрет на прием "мишлеинге" на руководящие должности в вермахте, прибегали к разного рода ухищрениям. Например, один из ближайших сотрудников самого Германа Геринга фельдмаршал Эрхард Мильх, занимавший высокий пост статс-секретаря министерства авиации, был типичным "мишлеинге", поскольку его мать была еврейкой. Чтобы избежать некрасивой ситуации со своим заместителем-полукровкой, Геринг заставил мать Мильха подписать документ, где утверждалось, что Эрхард является не ее ребенком, а внебрачным сыном ее мужа. Так будущий фельдмаршал превратился в стопроцентного арийца. Возможно, подобную же аферу проделали и с отцом Каудерса, чтобы столь полезному резиденту "Максу", уже наполовину арийцу, могли доверять и руководители нацистского государства. В 24 года Каудерс из Вены перебрался в Цюрих, где некоторое время работал спортивным журналистом. Затем жил в Париже и Берлине, где продолжал заниматься журналистикой, а заодно и кое-каким бизнесом. После прихода Гитлера к власти Каудерс уехал репортером в Будапешт, где нашел себе прибыльное занятие - посредника при продаже венгерских въездных виз евреям, бегущим из Германии. Он завязал контакты с высокопоставленными венгерскими чиновниками, в том числе и из Министерства иностранных дел, а заодно познакомился с главой резидентуры абвера в Венгрии и стал работать на немецкую разведку. Здесь очень пригодилось знакомство Каудерса с американским консулом в Загребе Джоном Мейли, благодаря которому он получил доступ к американским дипломатическим документам. А знакомство с русским генералом

эмигрантом А. В. Туркулом, имевшим собственную агентурную сеть в СССР, позволило получить сведения о Красной Армии и внутреннем положении страны накануне 22 июня 1941 года.

После нападения Германии на Советский Союз Каудерсу был поручен сбор информации от основных информаторов в России, костяк которых составила туркуловская агентура. Немцы снабдили их радиостанциями и прочим снаряжением и наладили регулярное поступление нужных сведений. В конце 1941 года Каудерс переместился в столицу Болгарии Софию, где и возглавил радиопост абвера, получавший радиোগраммы от агентов в СССР. А вот кто были эти агенты, равно как и послевоенная судьба Каудерса, - не выяснено до сих пор.

* * *

Несколько иную, чем в мемуарах Шелленберга и Гелена или в работах Кукриджа и Уайтинга, картину состояния немецкой агентуры в СССР в военные годы рисует в своей книге "Разведка и Кремль" уже знакомый нам Павел Судоплатов, в военное лихолетье возглавлявший разведывательно-диверсионное Четвертое управление НКВД, а потом - НКГБ. Павел Анатольевич был причастен к организации ряда радиоигр, которые проводила советская сторона с немцами. По его утверждению, почти все донесения, которые обильно цитируют в трудах, посвященных успехам абвера и ФХО, на самом деле были дезинформацией, подготовленной в Генштабе Красной Армии и НКВД. Наиболее крупной игрой была операция "Монастырь". Чекисты имитировали существование подпольной антисоветской организации прогерманской ориентации, чтобы выявить немецкую агентуру в нашей стране.

Тут стоит дать слово Судоплатову, одному из руководителей операции "Монастырь". Давай, читатель, терпеливо выслушаем его подробный рассказ об одной из самых крупных в годы войны операций чекистов:

"... Мы решили использовать в качестве приманки некоего Глебова, бывшего предводителя дворянского собрания Нижнего Новгорода. К тому времени Глебову было уже за семьдесят. Этот человек пользовался известностью в кругах бывшей аристократии: именно он приветствовал в Костроме в 1913 году царскую семью по случаю торжественного празднования 300-летия Дома Романовых. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны. Словом, из всех оставшихся в живых представителей русской знати Глебов показался нам наилучшей кандидатурой. В июле 1941 года он, почти нищий, ютился в Новодевичьем монастыре (отсюда и название операции - "Монастырь". - Б. С.)...

Наш план состоял в том, чтобы Глебов и второй человек, также знатного рода (это был наш агент), заручились доверием немцев. Наш агент - Александр Демьянов (Гейне) и его жена, тоже агент НКВД, посетили церковь Новодевичьего монастыря под предлогом получить благословение перед отправкой Александра на фронт в кавалерийскую часть. Большинство служите-

лей монастыря были тайными осведомителями НКВД. Во время посещения церкви Демьянова познакомили с Глебовым. Между ними завязались сердечные отношения; Демьянов проявлял жадный интерес к истории России, а у Глебова была ностальгия по прошлым временам. Глебов дорожил обществом своего нового друга, а тот стал приводить на встречи с ним других людей, симпатизировавших Глебову и жаждавших с ним познакомиться. Это были либо доверенные лица НКВД, либо оперативные сотрудники...

Александр Демьянов действительно принадлежал к знатному роду: его прадед Головатый был первым атаманом кубанского казачества, а отец, офицер царской армии, пал смертью храбрых в 1915 году. Дядя Демьянова, младший брат его отца, был начальником контрразведки белогвардейцев на Северном Кавказе. Схваченный чекистами, он скончался от тифа по пути в Москву. Мать Александра, выпускница Бестужевских курсов, признанная красавица в Санкт-Петербурге, пользовалась широкой известностью в аристократических кругах бывшей столицы. Она получила и отвергла несколько приглашений эмигрировать во Францию. Ее лично знал генерал Улагай, один из лидеров белогвардейской эмиграции, активно сотрудничавший с немцами с 1941 по 1945 год. (Тут генерал-чекист несколько ошибся и в датах и в фактах. С. Г. Улагай, после того как покинул родину, служил в албанской армии и если с кем и сотрудничал, так это с итальянцами, оккупировавшими Албанию. В этой стране он тихо и мирно скончался в апреле 1944 года, не имея, разумеется, физической возможности продолжать сотрудничество с немцами до 1945 года. - Б. С.). Детство самого Александра было омрачено картинами террора - как белого, так и красного, которые ему пришлось наблюдать во время гражданской войны, когда его дядя сражался под командованием Улагая.

После того как мать отказалась эмигрировать, они возвратились в Петроград, где Демьянов работал электриком: его исключили из Политехнического, куда он поступил, умолчав освоенное прошлое (получить высшее техническое образование ему в то время было невозможно из-за непролетарского происхождения). В 1929 году ГПУ Ленинграда по доносу его друга Терновского арестовало Александра за незаконное хранение оружия и антисоветскую пропаганду. На самом деле пистолет был подброшен. В результате проведенной акции Александр был принужден к негласному сотрудничеству с ГПУ. Благодаря происхождению его нацелили на разработку связей оставшихся в СССР дворян с зарубежной белой эмиграцией и пресечение терактов. Кстати, в 1927 году Александр был свидетелем взрыва Дома политпросвещения белыми террористами в Ленинграде. Александр стал работать на нас, используя семейные связи.

Вскоре его перевели в Москву, где он получил место инженера-электрика на Мосфильме. В ту пору культурная жизнь столицы сосредоточилась вокруг киностудии. Приятная внешность и благородные манеры позволили Демьянову войти в компанию киноактеров, писателей, драматургов и поэтов. Свою комнату в коммунальной квартире в центре Москвы он делил с одним

актером МХАТ. Нам удалось устроить довольно редкую по тем временам вещь: отныне в Манеже у него была своя лошадь! Естественно, что это обстоятельство расширило его контакты с дипломатами. Александр дружил с известным советским режиссером Михаилом Роммом и другими видными деятелями культуры. НКВД позволял элитной группе художественной интеллигенции и представителям бывшей аристократии вести светский образ жизни, ни в чем их не ограничивая, но часть этих людей была завербована, а за остальными велось тщательное наблюдение, с тем чтобы использовать в будущем в случае надобности...

Появление Демьянова в обществе актеров, писателей и режиссеров было столь естественным, что ему легко удавалось заводить нужные связи. Он никогда не скрывал своего происхождения, и это можно было без труда проверить в эмигрантских кругах Парижа, Берлина и Белграда. В конце концов Демьяновым стали всерьез интересоваться сотрудники немецкого посольства и абвер.

В канун войны Александр сообщил, что сотрудник торгового представительства Германии в Москве как бы вскользь упомянул несколько фамилий людей, близких к семье Демьяновых до революции. Проинструктированный соответствующим образом... Демьянов не проявил к словам немца никакого интереса: речь шла о явной попытке начать его вербовку, а в этих случаях не следовало показывать излишнюю заинтересованность. Возможно, с этого момента он фигурировал в оперативных учетах немецкой разведки под каким-то кодовым именем. Позднее, как видно из воспоминаний Гелена, шефа разведки генштаба сухопутных войск, ему было присвоено имя Макс. (Вот тут Судоплатов либо ошибается, либо сознательно передергивает факты: ведь Гелен в своих мемуарах ясно пишет, что имя "Макс" было присвоено не какому-то конкретному агенту, а целой серии агентов - резидентуре, руководимой Каудерсом. - Б. С.).

Первый контакт с немецкой разведкой в Москве коренным образом изменил его судьбу: отныне в его агентурном деле появилась специальная пометка... Это означало, что в случае войны с немцами Демьянов мог стать одной из главных фигур, которой заинтересуются немецкие спецслужбы. К началу войны агентурный стаж Александра насчитывал почти десять лет. Причем речь шла о серьезных контрразведывательных операциях, когда ему приходилось контактировать с людьми, не думавшими скрывать своих антисоветских убеждений. В самом начале войны Александр записался добровольцем в кавалерийскую часть, но ему была уготована другая судьба: он стал одним из наиболее ценных агентов, переданных в мое распоряжение для выполнения спецзаданий. В июле 1941 года Горлинский, начальник Секретно-политического управления НКВД, и я обратились к Берии за разрешением использовать Демьянова вместе с Глебовым для проведения в тылу противника операции "Монастырь". Для придания достоверности операции "Монастырь" в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в

свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей.

... Наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую подпольную организацию "Престол", которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получат соответствующие посты в новой, антибольшевистской администрации на захваченной территории. Мы надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе. Агентурные дела "Престол" и "Монастырь" быстро разбухали, превращаясь в многотомные. Несмотря на то, что эти операции были инициированы и одобрены Берией, Меркуловым, Богданом Кобуловым и другими, впоследствии репрессированными высокопоставленными сотрудниками органов госбезопасности, они остаются классическим примером работы высокого уровня профессионализма, вошли в учебники и преподаются, разумеется, без ссылок на действительные имена задействованных в этой операции агентов и оперативных работников...

После тщательной подготовки Демьянов (Гейне) перешел в декабре 1941 года линию фронта в качестве эмиссара антисоветской и пронемецкой организации "Престол". Немецкая фронтовая группа абвера отнеслась к перебежчику с явным недоверием. Больше всего немцев интересовало, как ему удалось пройти на лыжах по заминированному полю. Сам Александр не подозревал об опасности и чудом уцелел. Его долго допрашивали, требовали сообщить о дислокации войск на линии фронта, затем инсценировали расстрел, чтобы заставить под страхом смерти признаться в сотрудничестве с советской разведкой. Ничего не добившись, Александра перевели в Смоленск. Там его допрашивали офицеры абвера из штаба "Валли". Недоверие стало постепенно рассеиваться. Демьянову поверили после того, как навели о нем справки в среде русской эмиграции и убедились, что он не вовлекался до войны в разведывательные операции, проводившиеся ОГПУ-НКВД через русских эмигрантов. Немцам было известно, что русская эмиграция нашпигована агентами НКВД, действовавшими весьма эффективно: многие эмигранты охотно сотрудничали с нами из патриотических соображений и чувства вины перед Родиной. Это позволяло сводить на нет все попытки белой эмиграции проводить теракты и организовывать диверсии. Кроме того, выяснилось, что перед войной агенты абвера вступали с ним в контакт, разрабатывали его в качестве источника и в берлинском досье он фигурировал под кодовым именем Макс. Абвер сделал ставку на Макса (повторю, что отождествление Демьянова и "Макса" - чистой воды судоплатовская ошибка или вымысел. - Б. С.).

Александр прошел курс обучения в школе абвера. Единственной трудностью для него было скрывать, что он умеет работать на рации и знает шифровальное дело. Немцы были буквально в восторге, что завербовали столь способного агента. Это облегчало и нашу работу, так как он мог быть заброшен к нам в тыл без радиста.

Теперь немцы поставили перед Демьяновым (Максом) конкретные задачи: он должен был осесть в Москве и создать, используя свою организацию и связи, агентурную сеть с целью проникновения в штабы Красной Армии. В его задачи входила также организация диверсий на железных дорогах.

В феврале 1942 года немцы забродили Макса на парашюте на нашу территорию вместе с двумя помощниками. Время для этого они выбрали неудачно: в снежном буране все трое потеряли друг друга и добирались из-под Ярославля в Москву поодиночке. Александр связался с нами и быстро освоился с обязанностями резидента немецкой разведки. Оба помощника вскоре были арестованы. Немцы начали посылать курьеров для связи с Максом. Большинство этих курьеров мы сделали двойными агентами, а некоторых арестовали. Всего мы задержали более пятидесяти агентов абвера, посланных на связь.

Александр как разведчик имел полную поддержку семьи, что было для нас большой удачей. Детали его разведывательной деятельности были известны его жене и тестю...

Его жена Татьяна Березанцева работала на Мосфильме ассистентом режиссера и пользовалась большим авторитетом среди деятелей кино и театра. Тесть, профессор Березанцев, считался в московских академических кругах медицинским богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Ему, одному из немногих специалистов такого уровня, разрешили частную практику. Березанцева хорошо знали и в дипкорпусе, что было для нас очень важно. В то время ему было за пятьдесят, высокообразованный, он прекрасно говорил на немецком (получил образование в Германии), французском и английском языках. Его квартира использовалась как явочная для подпольной организации "Престол", а позднее для контактов с немцами. НКВД понимало, что немцы легко могут проверить, кто проживает в этой квартире, и казалось естественным, что вся семья, корни которой уходили в прошлое царской России, может быть вовлечена в антисоветский заговор.

По моему предложению первая группа немецких агентов должна была оставаться на свободе в течение десяти дней, чтобы мы смогли проверить их явки и узнать, не имеют ли они связи еще с кем-то, кроме Александра (Макса). Берия и Кобулов предупредили меня, что, если в Москве эта группа устроит диверсию или теракт, мне не сносить головы.

Жена Александра растворила спецтаблетки в чае и водке, угостила немецких агентов у себя на квартире, и, пока под действием снотворного они спали, наши эксперты успели обезвредить их ручные гранаты, боеприпасы и яды. Правда, часть боеприпасов имела дистанционное управление, но специалисты считали, что, в общем, эти агенты разоружены. Подобные операции на квартире Александра были весьма рискованным делом: "гости", как правило, отличались отменными физическими данными и несколько раз, несмотря на таблетки, неожиданно просыпались раньше времени.

Некоторым немецким курьерам, особенно выходцам из Прибалтики, мы позволяли возвратиться в штаб-квартиру абвера при условии, что они доложат об успешной деятельности немецкой агентурной сети в Москве.

В соответствии с разработанной нами легендой мы устроили Демьянова на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии. По мере того как мы разрабатывали фиктивные источники информации для немцев среди бывших офицеров царской армии, служивших у маршала Шапошникова, вся операция превращалась в важный канал дезинформации. Радиоигра с абвером становилась все интенсивнее. В середине 1942 года радиотехническое обеспечение игры было поручено Фишеру-Абелю.

Демьянову между тем удалось создать впечатление, что его группа произвела диверсию на железной дороге под Горьким. Чтобы подтвердить диверсионный акт и упрочить репутацию Александра, мы организовали несколько сообщений в прессе о вредительстве на железнодорожном транспорте.

В немецких архивах операция "Монастырь" известна как "Дело агента Макса". В своих мемуарах "Служба" Гелен высоко оценивает роль агента Макса - главного источника стратегической военной информации о планах советского Верховного Командования на протяжении наиболее трудных лет войны. Он даже упрекает командование вермахта за то, что оно проигнорировало своевременные сообщения, переданные Максом по радиопередатчику из Москвы, о контрнаступлении советских войск. Надо отдать должное американским спецслужбам: они не поверили Гелену и в ряде публикаций прямо указали, что немецкая разведка попала на удочку НКВД. Гелен, однако, продолжал придерживаться своей точки зрения, согласно которой работа Макса являлась одним из наиболее впечатляющих примеров успешной деятельности абвера в годы войны.

Начальник разведки немецкой службы безопасности Вальтер Шелленберг в своих мемуарах утверждает, что ценная информация поступала от источника, близкого к Рокоссовскому. В то время Макс служил в штабе Рокоссовского офицером связи, а маршал командовал войсками Белорусского фронта. По словам Шелленберга, офицер из окружения Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 1930-х годах и сидел два года в тюрьме.

Престиж Макса в глазах руководства абвера был действительно высоким - он получил от Немцев Железный крест с мечами. Мы, в свою очередь, наградили его орденом Красной Звезды.

Жена Александра и ее отец за риск при выполнении важнейших заданий были награждены медалями "За боевые заслуги".

(Тут опять необходим комментарий. Судоплатов явно отступает от истины: ведь Гелен, Шелленберг и другие руководители немецкой разведки хвалили и ценили отнюдь не русского, дворянина и двойного агента Александра Петровича Демьянова, а своего резидента Фрица Каудерса, который собирал и обрабатывал донесения множества агентов, включая и Демьянова. - Б. С.).

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок, отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из советского Верховного Главнокомандования. Дезинформация, передаваемая Гейне - Мак-

сом, готовилась в Оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, Штеменко, затем визировалась в Разведуправлении Генштаба и передавалась в НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942-1943 годах там, где их "предсказывал" для немцев Гейне - Макс, но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года Гейне - Макс сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену: в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск.

Дезинформация Гейне - Макса, как следует из воспоминаний Гелена, способствовала также тому, что немцы неоднократно переносили сроки наступления на Курской дуге, а это было на руку Красной Армии".

Словом, по Судоплатову, выходит, что практически вся информация, поступавшая руководителям германской армии и разведки якобы из высших советских штабов, в действительности представляла собой выгодную советскому Верховному Главнокомандованию тщательно продуманную смесь правды и лжи, в приготовлении которой он, Судоплатов, принимал самое непосредственное участие.

Однако сразу возникает ряд вопросов по его рассказу - вопросов, на которые, к сожалению, недавно умерший Павел Анатольевич уже никогда не сможет ответить. Во-первых, из офиса "Макса" в Софии поступали и совершенно точные донесения вроде цитированного выше сообщения Минишкя-Мишинского, появление которых никак нельзя объяснить целями дезинформации противника. Но какое отношение имел к этому Гейне - Демьянов? Во-вторых, Судоплатов ошибается, когда считает предпринятое в конце ноября 1942 года, через несколько дней после начала ознаменовавшего перелом в войне контрнаступления под Сталинградом, наступление Красной Армии на ржевско-вяземский плацдарм отвлекающим ударом. На самом деле в этой операции, названной "Марс" (в честь римского бога войны), участвовало даже больше войск и боевой техники, чем в сталинградском контрнаступлении, названном "Уран" (в честь древнегреческого бога неба). Тут еще большой вопрос, какая из операций в действительности носила отвлекающий характер. Думаю, что, скорее, на эту роль подходит не "Марс", а "Уран", начатый на несколько дней раньше и действительно приковавший внимание немецкого командования к району Сталинграда, так что после начала советских атак

на Ржев и Вязьму руководство вермахта не имело никакой возможности перебросить какие-либо подкрепления для борьбы с наступающими армиями Жукова. И цели у операции "Марс" были столь же, если не более, решительными, чем у операции "Уран": разгром группы армий "Центр" и последующее широкомасштабное наступление к побережью Балтики и границам Восточной Пруссии. Сталин и другие руководители Красной Армии все еще мечтали о сокрушении противника по всему фронту и быстрому продвижению к границам Рейха. Но наступление на Ржев и Вязьму окончилось неудачей. Советские ударные группировки сами попали в окружение и только с большими потерями, лишившись почти всего тяжелого вооружения, пробивались к своим. От полного разгрома их спасла нехватка сил у немцев.

Причины неудачного наступления Западного и Калининского фронтов во многом связаны с недостатком полководческих способностей у маршала Г. К. Жукова. Его слава полководца - миф, опровергаемый неудачей ряда операций, проведенных под его руководством. Ведь провалом закончилось, например, не только это наступление "Марс", но и два других на тот же ржевско-вяземский плацдарм, весной и летом 1942 года. Неудача постигла Жукова еще и потому, что здесь ему противостояли боеспособные и успевшие построить долговременную оборону немецкие войска, тогда как в сталинградском контрнаступлении главный успех был достигнут на фронте румынских армий, куда менее боеспособных и не успевших еще как следует закрепиться на недавно занятой территории.

Надо сказать, что маршал Георгий Константинович Жуков в годы Великой Отечественной войны, будучи заместителем Верховного Главнокомандующего в советской военной иерархии занимал второе место после Сталина. Вполне закономерно поэтому, что рано или поздно его имя должно было занять то места, которое прежде занимало в советской мифологии войны имя Сталина. Правда, до того как это случилось, прошло несколько десятилетий. Потребовалось сначала развенчать сталинский "культ личности", а затем вернуть Жукова из постигшей его при Хрущеве опалы. Но мифологичное сознание советского народа настойчиво требовало какого-то одного, главного свершителя Великой Победы. И в начале горбачевской перестройки срочно превращенный в "народного маршала" Жуков посмертно принял на себя роль первого полководца Великой Отечественной. Вот только если и любили его фронтовики, то главным образом из тех, кто служил в высоких штабах. Но мало кому из рядовых солдат довелось выразить свою пламенную любовь Георгию Константиновичу, ибо губил он их бессмысленно и бессчетно в плохо подготовленных лобовых атаках. В своем стихотворении "На смерть Жукова" Нобелевский лауреат Иосиф Бродский очень точно сказал об этом:

*Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской*

Области с ними? "Я воевал".

Сразу скажу, что с точки зрения военного искусства воевал Жуков плохо. Да и не мог он воевать хорошо. Тут не только недостаток военного образования сказался (академий будущий маршал не кончал) - в условиях советской системы люди считались всего лишь легко заменяемыми винтиками огромной государственной машины, а полководцы больше боялись тирана Сталина, чем очень сильного, жестокого противника. У того же Бродского читаем об этом: "... смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою". Жизни солдат, которых и воевать-то толком не учили, не стоили и медного гроша. При советском режиме невозможно было воевать не числом, а умением. Воевали именно числом, буквально заваливая врага трупам собственннх солдат. Жуков здесь если и отличался от остальных, то именно в этом худшем смысле. Можно полностью согласиться с мнением другого маршала, А. И. Еременко, еще в феврале 1943-го записавшего в своем дневнике: "Следует сказать, что жуковское оперативное искусство - это превосходство в силах в 5-6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру".

А главнокомандующий союзными армиями в Европе американский генерал Дуайт Эйзенхауэр, симпатизировавший Жукову и до конца жизни считавший его своим другом, был немало потрясен жуковскими откровениями, о чем и поведал в мемуарах:

" Меня в высшей степени поразило описание русского метода преодоления минных полей... Маршал Жуков рассказал мне о своей практике, которая, грубо говоря, сводилась к следующему: «Есть два вида мин: противопехотные и противотанковые. Когда мы подходим к минному полю, наша пехота производит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые наносят нам при этом противопехотные мины, мы считаем лишь равными тем, которые мы бы понесли от артиллерийского и пулеметного огня в том случае, если бы немцы прикрыли данный район не минными полями, а значительным количеством войск. Атакующая пехота не подрывает противотанковые мины, поэтому когда пехотинцы достигают дальнего края поля, по проложенному ими проходу идут саперы и делают в свою очередь проходы для техники, снимая противотанковые мины»".

Я живо вообразил себе, что случилось, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики, и еще более живо я представил себе, что сказали бы люди в любой из наших дивизий, попытайся мы сделать такую практику частью нашей военной доктрины. Американцы измеряют цену войны в человеческих жизнях, русские - во всеобщем очищении нации. Русские ясно понимают цену морального духа, но для его развития и сохранения им необходимо достигать глобальных успехов и поддерживать патриотизм и даже фанатизм.

Насколько я мог убедиться, Жуков уделял мало внимания методам, которые мы считали жизненно важными для поддержания морального духа в американских войсках: систематическая смена частей и создание им условий для

отдыха, предоставление отпусков и прежде всего развитие техники, чтобы не подвергать людей ненужному риску на поле боя, т. е. все то, что было обычным делом в американской армии, но, казалось, было неведомо в подчиненной Жукову советской армии".

Подавляющее большинство жуковских побед на поверку оказываются либо сильно раздутыми, либо вовсе мнимыми. Так, знаменитый доклад "Характер современной наступательной операции", сделанный Жуковым на совещании высшего комсостава в конце 1940 года, как известно, открыл ему дорогу к посту начальника Генштаба. Однако этот доклад был написан жуковскими подчиненными, будущим маршалом, а тогда полковником И. Х. Баграмяном и подполковником Г. В. Ивановым. Об этом Иван Христофорович честно сообщает в своих мемуарах.

Неумно также снимать с Жукова ответственность за плохую подготовку к войне и за неудачи 1941 года, перекладывая их на одного Сталина. Первая успешная жуковская операция - взятие Ельни в сентябре 1941 года - принесла, наверное, больше вреда, чем пользы. В то время главный удар немцы наносили не на Москву, а на Киев, и силы, взятые Жуковым для контрудара, целесообразнее бы было использовать для отражения немецкого наступления в южном направлении и предотвращения окружения войск советского Юго-Западного фронта. В Ленинград же Георгий Константинович прибыл уже после того, как Гитлер отдал директивы не брать город, ограничившись блокадой, так что спасителем северной столицы Жуков в действительности не был. Три его наступления на ржевско-вяземский плацдарм в 1942 году, как уже говорилось, закончились полными провалами и стоили больших жертв. После одного из них, окончившегося гибелью в окружении ударной группировки во главе с генералом М. Г. Ефремовым, специальный доклад Генерального штаба констатировал, что неудача произошла всецело по вине командующего Западным фронтом Жукова:

"Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой, ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западного фронта, передавалась в войска и приносила большой вред делу. Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск, части вводились в бой пачками, по частям, срывали всякую внезапность, лишь бы скорей начать операцию, без анализа дальнейшей ее судьбы".

Какое уж тут военное искусство!

Даже последнюю операцию войны, Берлинскую, когда советское превосходство в людях и технике было подавляющим, Жуков провел удивительно бездарно, положив массу солдат в лобовом штурме укрепленных позиций врага на Зееловских высотах. Причем штурм этот был, по сути, бесполезен,

поскольку южнее оборона противника уже была прорвана и немцы вскоре все равно сами ушли бы с Зееловских высот. Ну а идея Жукова во время ночного наступления ослепить противника светом мощных прожекторов принесла один только вред. Ослепления защитников Зееловских высот не получилось, зато противнику оказались прекрасно видны боевые порядки наступающих, что лишь увеличило советские потери.

Но вернемся к книге Судоплатова, к его рассказу о постоянных удачах советской контрразведки в годы войны. Павел Анатольевич ошибается, когда пишет, что агентурное сообщение о решениях, принятых на совещании у Сталина, помогло немцам отразить ноябрьское наступление на Ржев. Не только никаких подкреплений не было переброшено немецким командованием на это направление в течение ноября, но, более того, в самый момент атаки здесь происходила плановая перегруппировка немецких войск, что затруднило в первый момент отражение советского удара. Гелен справедливо сетовал в мемуарах, что, правильно определяя стратегические планы советского командования, немецкая разведка редко могла точно установить время и направление атаки.

Судоплатов не упоминает также, что на совещании у Сталина, по утверждению агента, речь шла о наступлении не только на Северном Кавказе и у Ржева, но и на Среднем Дону, то есть в конечном счете и против сталинградской группировки врага.

Ошибается Судоплатов и насчет Курской битвы. В воспоминаниях Гелена приведены лишь агентурные донесения, свидетельствующие, что уже в конце апреля 1943-го командование Красной Армии ожидало немецкое наступление в районе Курского выступа. Шеф ФХО цитирует также свой доклад от 3 июля 1943 года, где указывает на возможность советского наступления на Орел и к нижнему течению Днепра. Ничего о том, что сообщаемые агентами сведения привели к отсрочке начала операции "Цитадель" - немецкого наступления на Курск, Гелен не пишет. Да и постоянный перенос сроков германской атаки никаких ощутимых выгод советской стороне принести не мог. В районе Курской дуги Красная Армия еще с апреля обладала значительным перевесом сил и средств, но медлила, по решению руководства призванная сначала отразить ожидаемое немецкое наступление. То, что это наступление вермахта все время откладывалось, на практике оставляло советскому командованию все меньше летнего времени, благоприятного для наступательных действий. Немецкий удар на Курской дуге фактически стал упреждающим, привел к большим потерям советских войск и принудил их затем начать свое наступление в невыгодных группировках, сложившихся в ходе оборонительного сражения.

Очевидно, что Судоплатов сильно преувеличивает стратегическое значение дезинформации, переданных через Гейне (Демьянова), и к тому же, по всей вероятности, относит к их числу и ряд опубликованных уже после войны донесений, которые к операции "Монастырь" никакого отношения не имели и составленной в советских штабах дезинформацией не являлись.

Подчеркну, что многое из рассказанного в книге "Разведка и Кремль" выглядит вполне правдоподобным. Например, сообщение Судоплатова о том, что будто по возвращении в Москву Демьянов был назначен офицером связи в Генштаб Красной Армии. Этот факт сразу хочется сопоставить с рассказом Уайтинга об агенте майора Бауна по кличке Александр, в том же 1942 году служившем в Москве в батальоне связи в чине капитана. Однако в этом случае странен псевдоним агента. Не могли же в абвере в качестве кодового имени использовать подлинное имя агента (если предположить, что Демьянов и был тем агентом Александром). Столь же убедительным на первый взгляд кажется и отождествление Гейне с офицером штаба Рокоссовского, упоминаемым в мемуарах Шелленберга в качестве германского агента. Однако тут же приходится оговориться, что автор "Лабиринта" говорит не об одном, а о двух штабных офицерах, служивших у будущего "маршала Польши". К тому же, скорее всего, именно из этого источника поступило приведенное выше донесение от 3 мая 1944 года, совершенно верно излагавшее замысел советского наступления на предстоящую летнюю кампанию. Если безымянным офицером-шпионом в штабе 1-го Белорусского фронта в действительности был сотрудник НКВД Демьянов, то почему же он передал абсолютно достоверную информацию о планах советского Верховного Главнокомандования? И почему Судоплатов приписывает Шелленбергу утверждение, будто агент из штаба Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина, поскольку несколько лет провел в заключении в Сибири, тогда как все эти качества бывший шеф всей германской разведки приписывает отнюдь не агенту, а, со слов последнего, самому К. К. Рокоссовскому?

Огрехи в судоплатовских мемуарах усугубляются рядом очевидных несопадений с фактами, сообщаемыми другими авторами, также писавшими о А. П. Демьянове и операции "Монастырь" на основании документов и воспоминаний ее участников. Например, журналистка Людмила Овчинникова, ознакомившаяся, в частности, с записками жены Демьянова Татьяны Борисовны Березанцевой, в своей публикации "Железный крест и Красную Звезду он получил за одну операцию", появившейся в "Комсомольской правде" 13 августа 1996 года, уже после выхода мемуаров Судоплатова, приводит несколько иную версию военной биографии агента Гейне. По словам Овчинниковой, перед тем как в декабре 1941 года перейти линию фронта, Александр Петрович числился работником Главкинопроката (по крайней мере, так он представился допрашивавшим его немцам). По возвращении же в Москву уже в качестве агента абвера Демьянов первоначально вернулся на прежнее место работы, а вскоре сообщил своим новым хозяевам, что перешел в Наркомат путей сообщения (оттуда было удобно поставлять дезинформацию под видом графиков военных перевозок). И действительно, придумывать для двойного агента легенду, по которой он будто бы стал офицером связи советского Генштаба, было нецелесообразно. Во-первых, для оправдания такой должности Демьянову в любом случае потребовалось бы, по крайней мере в адресованных немцам радиogramмах, сообщить об окончании соответствующего учи-

лица. А на это даже в условиях военного времени требовалось никак не менее полугода, когда Гейне трудно было бы передавать какую-либо правдоподобную дезинформацию. Во-вторых, офицер связи в Генштабе обладает очень большим объемом разнообразной информации и, кроме того имеет возможность передавать значительную ее часть сравнительно безопасно, - со штатной штабной радиостанции, которую, естественно, никому в голову не придет пеленговать. А быстро подготовить столь огромный объем дезинформации, хорошо продуманной и согласованной с действительными намерениями советского командования, боюсь, было не под силу не только такому грамотному генералу-генштабисту, как С. М. Штеменко, но и всему составу Разведывательного и Оперативного управлений Генштаба. Поэтому вряд ли руководители НКВД могли выбрать для Демьянова столь беспокоящую должность. В этом случае вполне естественным для немцев было то, что агент поставляет лишь отрывочные сведения, так или иначе ставшие ему известными. Подготовить подобную дезинформацию было несравненно легче.

По утверждению Овчинниковой, только в июле 1944 года Демьянов передал немцам, что его "забирают в армию" и направляют в часть, расположенную под Минском. Следовательно, лишь с этого времени он мог играть роль офицера штаба маршала Рокоссовского. Однако Шелленберг ясно указывает в своих мемуарах на то, что об агентах из окружения Рокоссовского ему стало известно значительно раньше июля 1944 года, еще до того как шеф 6-го управления имперского Главного управления безопасности "по совместительству" возглавил абвер. Да и донесение о советских планах на летнюю кампанию 1944 года, исходившее, очевидно, из того же источника, поступило, как мы помним, до 3 мая 1944 года и, следовательно, не могло принадлежать Гейне - Демьянову.

* * *

Операции "Монастырь" посвящена также статья полковника в отставке В. В. Коровина "Поединок с абвером", опубликованная в 1-м номере "Военно-исторического журнала" за 1995 год. Ее автор, бывший "боец невидимого фронта", утверждает, что после поражения немецких войск под Москвой, "чтобы ввести в заблуждение фашистскую разведку, органы государственной безопасности решили легендировать наличие в Москве антисоветский церковно-монархической организации во главе с поэтом Седовым (фамилия изменена. Седов - выходец из дворян-помещиков, его жена - одна из бывших фрейлин императрицы. - Примечание В. В. Коровина)..."

Являясь монархистами по убеждению, Седов и его жена в кругу своих близких знакомых проводил и антисоветскую пораженческую агитацию. Наблюдение за Седовым осуществлял агент Старый, бывший дворянин, которому он полностью доверял. На одной из встреч Седов обратился к агенту с просьбой установить связь с немцами, на что последний (по указанию оперативного работника) дал согласие. После получения от Седова задания -

подбирать лиц для антисоветской работы в Москве - через агента Старого под видом участника его группы был представлен проверенный агент Гейне - также выходец из дворян (благодаря Судоплатову и Овчинниковой мы уже твердо знаем, что под псевдонимом Гейне работал А. П. Демьянов. - Б. С.). Он хорошо знал подрывное дело, электро- и радиотехнику. Встретившись с ним несколько раз, Седов поручил ему перейти линию фронта, сообщить немцам о существовании в Москве церковно-монархической организации и получить задание для дальнейшей работы.

В феврале 1942 года Гейне переброшили через линию фронта. Действуя в соответствии с выработанной легендой, агент подробно рассказал немцам, кто и с какой целью его направил к ним, сообщил об организации, ее руководителях и проводимой ею антисоветской деятельности. Как курьер организации, Гейне просил указаний для дальнейшей работы.

Допрашивавшие агента фашистские разведчики не сразу поверили ему, пытались найти противоречия в легенде и даже инсценировали расстрел. Однако выдержка Гейне и убедительность легенды в конце концов заставили их поверить в то, что они имеют дело с действительным врагом Советского государства. В течение месяца агента обучали радиоделу и методам шифрованной переписки, после чего воздушным путем переброшили в советский тыл. Гейне получил задание собирать и передавать в фашистский разведывательный центр сведения о положении в Москве, продовольственном снабжении населения столицы, о работе ряда военных заводов, дислокации и численности войск, их переброске через московский железнодорожный узел и другую шпионскую информацию. В целом же перед монархической организацией фашисты поставили следующие задачи: активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, развернуть диверсионную и саботажническую деятельность, создавать подпольные антисоветские ячейки монархической организации в крупных промышленных городах.

По возвращении из тыла противника Гейне подробно доложил руководителю легендируемой организации Седову о результатах пребывания у немцев и полученном задании. Вскоре гитлеровцам начали поступать радиogramмы о "месте дислокации" некоторых частей Красной Армии. Чтобы укрепить положение Гейне у противника, органы контрразведки в течение четырех месяцев сознательно воздерживались от каких бы то ни было просьб к немцам и даже отклонили их предложение о направлении в Москву курьера, мотивируя это опасностью провала".

Как сообщает Коровин, просьбу о направлении курьера с новым передатчиком вместо пришедшего в негодность старого Гейне направил только в начале августа 1942 года. Из этого можно сделать вывод, что в Москву он прибыл в начале апреля, если буквально понимать слова о четырех месяцах, когда советские контрразведчики не разрешали Демьянову обращаться к абверу за помощью. Здесь бросается в глаза разнобой в хронологии у Судоплатова и Овчинниковой, с одной стороны, и у Коровина - с другой. Первые двое временем перехода Гейне-Демьянова к немцам называют декабрь 1941 года, а

возвращение агента в Москву Судоплатов относит к февралю 1942-го. Коровин же передвигает сроки на два-три месяца вперед. Я склонен здесь больше доверять Судоплатову, у которого проверка Гейне у немцев вместе с обучением радиodelу, искусству шифровки и другим азам разведывательной работы заняла около трех месяцев, тогда как автор статьи в " Военно-историческом журнале" отводит на все про все месяц с небольшим. Но вот насчет сути полученных Демьяновым у немцев заданий более правдоподобен рассказ Коровина, пусть отставной полковник по части стиля сильно уступает генералуписателю и профессиональной журналистке. Язык Коровина очень близок к языку документов военного времени, но это-то и придает сообщаемому им достоверность. Абвер давал задания Гейне, явно исходя из того, что он останется на какой-то гражданской работе в Москве, то ли благодаря броне, то ли из-за негодности к армейской службе по состоянию здоровья. Очевидно, немцы надеялись, что агент сможет получить интересующие их сведения из бесед с москвичами и с прибывающими в город военнослужащими, а также от своих знакомых и других членов церковно-монархической организации. Никаких сенсационных сообщений немецкая разведка от Гейне и не ждала, а советская сторона, надо думать, и не собиралась посылать, понимая, как трудно легендировать квалифицированную дезинформацию от агента, работающего на ответственной должности в высокопоставленном штабе. По Коровину, главной целью операции "Монастырь" и продолживших ее операций "Курьеры" и "Березино" был захват курьеров и агентов абвера, и в этом с ним согласны и Судоплатов с Овчинниковой. Вот только насчет числа задержанных при содействии Гейне авторы расходятся. Судоплатов говорит примерно о 50 арестованных агентах и курьерах, Коровин - о 23 агентах, курьерах и "пособниках", а Овчинникова утверждает, что "до конца 1944 года Демьянов помог захватить пришедших на явку 15 немецких разведчиков", а также узнал адреса "нескольких вражеских агентов, действовавших в Москве". Правда, встает вопрос: доверяли ли немцы Демьянову и не вели ли они, в свою очередь, с ним какую-то игру, жертвуя агентами из бывших пленных, которые для абвера не представляли ценности?

Последняя операция, связанная с Гейне, была названа "Березино". Ее ход три наших автора описывают почти идентично, расходясь лишь в некоторых деталях. Наиболее подробно о ней говорит один из основных ее разработчиков - Судоплатов. Ему и слово:

"Накануне летнего наступления Красной Армии в Белоруссии Сталин вызвал начальника Разведупра Кузнецова, начальника военной контрразведки СМЕРШ Абакумова, наркома госбезопасности Меркулова и меня... Сталин принял нас весьма холодно. Он упрекнул за непонимание реальностей войны и спросил, как, на наш взгляд, можно использовать "Монастырь" и другие радиоигры для оказания помощи нашей армии в наступательных операциях, и предложил расширить рамки радиоигр, отметив, что старые приемы не подходят к новой обстановке. Кузнецов предложил подбросить новую информацию через Гейне-Макса о якобы планировавшемся наступлении на Украине.

Я не был готов к такому повороту разговора и абсолютно ничего не знал о планах советского Верховного Главнокомандования. К тому же я помнил совет маршала Шапошникова, никогда не вступать в дела, находящиеся за пределами твоей компетенции".

Прервем пока судоплатовский рассказ, чтобы обратить внимание читателей на следующее обстоятельство. Павел Анатольевич невольно сам рушит только что возведенную им конструкцию грандиозных стратегических дезинформаций, якобы постоянно передававшихся немецкой стороне через Гейне-Демьянова. Вдруг летом 1944 года, накануне наступления Красной Армии в Белоруссии, обнаруживается, что Сталин недоволен как раз тем, что через Гейне практически не идет сфальсифицированных данных, которые могут помочь проведению советских наступательных операций. Однако, как можно понять из мемуаров Судоплатова, предложение направить от имени Демьянова дезинформацию о будто бы готовящемся ударе на Украине, одобрения не встретило. Вместо этого, как вспоминает бывший шеф разведывательно-диверсионного управления НКВД, Верховный Главнокомандующий отдал совсем неожиданный приказ:

"Сталин вызвал генерала Штеменко, начальника оперативного управления Генштаба, и тот зачитал приказ, подготовленный еще до нашего разговора. В соответствии с приказом мы должны были ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков немецких войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления. Замысел Сталина заключался в том, чтобы обманым путем заставить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и "помочь" им сделать серьезную попытку прорвать окружение. Размах и смелость предполагавшейся операции произвели на нас большое впечатление..."

19 августа 1944 года генеральный штаб немецких сухопутных войск получил посланное абвером сообщение Макса (Гейне. - Б. С.) о том, что соединение под командованием подполковника Шерхорна численностью в 2500 человек блокировано Красной Армией в районе реки Березины. Так началась операция "Березино" - продолжение операции "Монастырь".

Операцию "Березино" разработал начальник 3-го отдела 4-го управления полковник И. В. Маклярский (как и Судоплатов, не чуждый изящной словесности, он написал сценарий всенародно любимого фильма "Подвиг разведчика". - Б. С.), я поддержал идею операции. Планировалась заманчивая радиоигра с немецким верховным командованием. О ее замысле во исполнение указания Ставки было доложено лично Сталину, Молотову, Берии. Санкция на проведение операции была получена.

Для непосредственного руководства этой операцией на место событий в Белоруссию выехали Эйтингон (организатор убийства Л. Д. Троцкого. - Б. С.), мой заместитель Маклярский, Фишер (впоследствии советский резидент в Америке Рудольф Абель. - Б. С.), Серебрянский и Мордвинов.

В действительности группы Шерхорна в тылу Красной Армии не существовало. Немецкое соединение под командованием этого офицера численно-

тью в 1500 человек, защищавшее переправу на реке Березине, было нами разгромлено и взято в плен. Эйтингон, Маклярский, Фишер, Мордвинов, Гудимович и Т. Иванова при активном участии Гейне-Макса перевербовали Шерхорна и его радистов (прямо оторопь берет: столько матерых чекистов на одного Генриха Шерхорна - ну как тут устоишь! - Б. С.). В Белоруссию были отправлены бойцы и офицеры бригады особого назначения. Вместе с ними прибыли немецкие антифашисты-коминтерновцы. В игре также участвовали немецкие военнопленные, завербованные советской разведкой. Таким образом, было создано впечатление о наличии реальной немецкой группировки в тылу Красной Армии. Так, с 19 августа 1944 года по 8 мая 1945 года мы провели самую, пожалуй, успешную радиоигру с немецким верховным командованием. Однако оперативные работники, участвовавшие в операции "Березино", не были награждены ни тогда, ни в последующие годы, ни к 50-летию Победы, хотя представлялись к награждению.

Немецкая служба безопасности и генеральный штаб германских сухопутных войск всерьез замыслили нарушить тыловые коммуникации Красной Армии, используя соединение Шерхорна. С этой целью Шерхорну в ответ на его просьбы о помощи были посланы специалисты по диверсиям и техника. При этом нам удалось захватить направленную на связь с Шерхорном группу боевиков-эсэсовцев.

Шерхорн посылал в Берлин отчеты о диверсиях в тылу Красной Армии, написанные Эйтингоном, Маклярским и Мордвиновым. Макс получил приказ из Берлина проверить достоверность сообщений Шерхорна о действиях в тылу Красной Армии - он их полностью подтвердил. Гитлер произвел Шерхорна в полковники и наградил Рыцарским крестом, а Гудериан отправил ему личное поздравление. Шерхорну приказали прорваться через линию фронта и продвигаться в Польшу, а затем в Восточную Пруссию. Шерхорн потребовал, чтобы ему для обеспечения этой операции парашютом были сброшены польские проводники, сотрудничавшие с немцами, Берлин согласился, и в результате мы захватили польских агентов немецкой разведки. Гитлер, со своей стороны, планировал послать начальника службы спецопераций и диверсий Скорцени и его группу, но от этого плана немцам пришлось отказаться из-за ухудшения в апреле 1945 года военной ситуации на советско-германском фронте.

5 мая 1945 года, незадолго до завершения войны, командование вермахта и абвер в своей последней телеграмме рекомендовало Шерхорну действовать по обстоятельствам. Максиму было приказано законсервировать источники информации и порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами-окруженцами, которым грозило пленение, вернуться в Москву, затаиться и постараться сохранить свои связи. Шерхорна и его группу мы интернировали под Москвой, где они находились до тех пор, пока не были освобождены в начале 50-х годов.

Примечательно, что Гелен, возглавлявший после Канариса немецкую военную разведку, стремясь завоевать доверие американцев, предлагал Макса как

надежного источника после войны. Однако разведка США отнеслась с недоверием к предложению Гелена".

В очерке Овчинниковой призыв Гейне (Демьянова) в армию в июле 1944 года прямо связывается с началом операции "Березино", что очень похоже на правду. Согласно легенде в поселке Березино под Минском он допрашивал пленного немецкого офицера, который сообщил, что в лесах скрывается подполковник Шерхорн с двумя тысячами солдат и офицеров. Об этом Гейне, на этот раз игравший роль офицера-переводчика, в середине августа радировал немцам. Овчинникова приводит также данные, что германское командование выделило для отряда Шерхорна в общей сложности 255 контейнеров с оружием, обмундированием и продовольствием и около 2 миллионов рублей советских денег. Чекистам удалось захватить 42 вражеских агентов, посланных на связь с Шерхорном.

Судоплатов утверждает, что замысел создания ложных групп немецких окруженцев в тылу Красной Армии исходил от Сталина и уже в рамках этого замысла его подчиненный И. Маклярский разработал, а он, Судоплатов, одобрил план операции "Березино". Однако очень сомнительно, что инициатива здесь исходила от Верховного Главнокомандующего. Ведь кроме группы Шерхорна, никаких других создано не было (во всяком случае, упоминаний о них нет ни в советских, ни в немецких публикациях). Неужели сталинский приказ о создании у немцев впечатления, что в советском тылу активно действует много отрядов из героев-окруженцев, породил всего-навсего один мнимый "полк Шерхорна"? Почему придуманные НКВД "партизаны фюрера" не росли, как грибы после июльского дождя? И отчего же столь успешно исполнившие приказ Верховного Судоплатов и его сотоварищи наград так и не получили?

Ответ на все эти вопросы, как мне кажется, один: на самом деле замысел операции "Березино" целиком принадлежал судоплатовскому управлению - никакого сталинского приказа не существовало. Вероятно, Ставка и Генштаб с идеей согласились, решив посмотреть, что же выйдет из нее, так сказать, на практике. Вышло же не очень здорово. Для того чтобы имитировать существование отряда Шерхорна численностью около полка, в лесах под Минском пришлось держать отборную бригаду особого назначения НКВД, да еще ряд старших офицеров разведки и немцев-антифашистов из распущенного к тому времени Коминтерна. Толку же от Шерхорна был мизер. Никакой дезинформации от имени партизанящего подполковника передавать было нельзя. Ведь по легенде, отряд прятался по лесам, имел дело только с тыловыми советскими частями и войсками НКВД и никакого представления о группировке Красной Армии на фронте иметь не мог. Получить какие-либо ценные сведения от немцев Шерхорну и стоявшим за ними чекистам тоже было затруднительно. Германское командование могло сообщать окруженцам только о том, где в данный момент проходит линия фронта, но об этом советская Ставка знала не хуже, чем руководство вермахта. Конечно, немецкое вооружение и особенно продовольствие было ценным подарком для участников операции

"Березино", которые, по всей вероятности, снабжались почти целиком за счет вермахта (хорошо, если что-то перепало и задействованным в операции немецким военнопленным). Однако не могли же Сталин или Судоплатов всерьез рассчитывать, что снабжение по воздуху в течение 8 месяцев одного полка существенно ослабит вермахт!

Поимка четырех десятков разведчиков и диверсантов (их число, возможно, преувеличено) - это, несомненно, серьезный успех, но совершенно не относящийся к разряду стратегических, тем более если учесть, что германская разведка ежемесячно засылала сотни агентов в тыл Красной Армии.

Судоплатов заблуждается и тогда, когда думает, что германское командование планировало с помощью группы Шерхорна нарушить коммуникации советских войск. Немецкие генералы не были столь наивны и прекрасно понимали, что одним полком, к тому же испытывающим острую нехватку всего необходимого, нечего и думать нарушить линии снабжения Красной Армии. Из мемуаров Гелена и посвященной ему книги Уайтинга ясно одно: единственной целью немцев было попытаться вывести окруженцев Шерхорна в Восточную Пруссию, к своим, что, разумеется, не имело никакого стратегического и тактического значения, а только гуманитарное.

Судоплатовской фантазией является и утверждение, что Гелен до самых последних дней доверял Гейне-Демьянову и даже рекомендовал его американцам как ценного агента. В действительности, как сообщает Уайтинг, начальник ФХО с самого начала очень скептически относился к существованию "полка Шерхорна". Когда же посланные для его поиска специальные разведывательные группы либо погибли, либо вернулись обратно, не найдя никаких следов мифического подполковника, Гелен пришел к твердому убеждению, что все это - игра советской разведки. А поскольку первое сообщение о Шерхорне пришло от Гейне, доверие к этому агенту, если оно и существовало ранее у начальника отдела "Иностранные армии - Восток" (что, кстати, далеко не факт), оказалось окончательно подорванным. Именно из-за скептического отношения Гелена к истории с Шерхорном руководство операции по снабжению мнимых окруженных специальным распоряжением Гимmlера было передано от руководителя ФХО любимцу Гитлера, самому знаменитому террористу и диверсанту Третьего Рейха Отто Скорцени, прославившемуся освобождением из заключения Бенито Муссолини. Посланная Скорцени группа наконец-то установила связь с неуловимым подполковником (только в этот раз чекистам удалось склонить к сотрудничеству радиста).

Вот если бы удалось захватить самого Отто Скорцени, это, возможно, и оправдало бы все затраты, связанные с операцией "Березино". Но освободитель Муссолини в чекистский капкан не полез. В мемуарах, писавшихся уже в 1948 году, по горячим следам событий, сам Скорцени подробно описал историю с Шерхорном:

"Вскоре после чувствительного поражения в июньской камлании 1944 года на центральном участке Восточного фронта дал о себе знать "резервный

агент", иначе говоря, сотрудник одного из подразделений контрразведки, какие существуют во всякой армии, еще в начале войны внедрившийся в тыл русских (несомненно, здесь речь идет о Гейне- Демьянове. - Б. С.).

Солдаты, неделями скитавшиеся по лесам на занятых русскими территориях и сумевшие пробиться к своим, сообщали о целых отрядах, находившихся в окружении. Тогда наш связной перешел линию фронта и передал разведчику приказ о "расконсервации" и само задание. И вот наконец радиограмма: "В лесной массив к северу от Минска стекаются группы уцелевших немецких солдат".

Около двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна находились в районе, указанном весьма неопределенно. Разведчику сразу же приказали наладить радиосвязь с затаившимся отрядом, сообщили соответствующие частоты и код, но до сих пор все попытки оставались тщетными. По-видимому, у Шерхорна не было передатчика. Главнокомандующий уже посчитал невозможным найти и вернуть отряд. Ему посоветовали обратиться за помощью к моим "специальным частям".

" В состоянии ли вы выполнить подобное задание?" - спросили встречавшие меня в ставке фюрера офицеры.

Я с достаточным основанием дал утвердительный ответ и знал, что эти офицеры и их коллеги были бы счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами. В тот же вечер я вернулся на самолете в Фриденталь (где располагались подчиненные Скорцени части особого назначения. - Б. С.), и мы принялись за дело. В считанные дни мы разработали план под кодовым названием "Браконьер" и взялись за решение бесчисленных технических проблем... Наш проект предусматривал создание четырех групп, каждая из которых состояла из двух немцев и трех русских. Людей вооружили русскими пистолетами и снабдили запасом продовольствия на четыре недели. Кроме того, каждая группа брала с собой палатку и портативную радиостанцию. На всякий случай их переодели в русскую военную форму, обеспечили удостоверениями и пропусками и т. д. Их приучили к русским сигаретам, у каждого в вещмешке имелось несколько ломтиков черного хлеба и советские консервы. Все прошли через руки парикмахера, который остриг их почти наголо в соответствии с военной модой русских, а в последние дни перед вылетом им пришлось расстаться со всеми предметами гигиены, включая даже бритвы.

Двум группам предстояло прыгнуть с самолетов восточнее Минска, почти точно посередине между городами Борисов и Червень, продвинуться на запад и обследовать бескрайние леса в этом районе. Если не удастся обнаружить отряд Шерхорна, надлежало самостоятельно добираться к линии фронта. По замыслу две другие группы должны были десантироваться между Дзержинском и Витеей, приблизиться к Минску и обшарить обширный сектор вплоть до самого города. Если поиски окажутся бесплодными, им тоже следовало пробираться к линии фронта.

Мы отдавали себе отчет, что сей план является лишь теоретическим руководством, и предоставили всем группам достаточную свободу действий; изначальная неопределенность не позволяла предусмотреть все детали операции и потому им было дано право действовать по собственному разумению, в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Нам же оставалось уповать на радиосвязь, которая позволяла в случае необходимости передать новые указания. После обнаружения отряда Шерхорна следовало соорудить в занятом им лесу взлетно-посадочную полосу. Тогда можно было бы постепенно эвакуировать солдат на самолетах.

В конце августа первая группа под руководством П. поднялась в воздух на "Хейнкеле-111" из состава 200-й эскадрильи. С лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения самолета: ведь предстояло пролететь более 500 километров над вражеской территорией (к тому времени линия фронта проходила у Вислы). Поскольку подобный полет мог состояться только ночью, истребители не могли сопровождать транспортный самолет. В ту же ночь состоялся сеанс радиосвязи между разведчиком (то есть советским агентом Демьяновым. - Б. С.) и группой П.

"Скверная высадка, - докладывали наши парашютисты. - Попробуем разделиться. Находимся под пулеметным огнем".

Сообщение на этом закончилось. Возможно, пришлось отступить, бросив передатчик. Ночи проходили одна за другой, а из радиоприемника доносился лишь негромкий треск атмосферных помех. Ничего больше, никаких новостей от группы П. Скверное начало! (Группу П., несомненно, погубило то, что она вступила в радиокontakt с Гейне и тут же была засечена чекистами. - Б. С.)

В начале сентября отправилась в полет вторая группа, под командованием аспиранта С. По возвращении пилот доложил, что парашютисты прыгнули точно в указанном месте и достигли земли без происшествий. Однако следующие четыре дня и ночи радио молчало. Оставалось единственное объяснение: еще один провал, еще одна катастрофа. Но на пятую ночь наше радио, от которого все неутомимо ждали проявления хоть каких-нибудь признаков жизни, уловило ответ. Сначала пошел настроенный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (не лишняя предосторожность: отсутствие такого сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти насвязь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует и аспиранту С. удалось его обнаружить! На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги! (Эту "награду" Скорцени и его люди получили только благодаря тому, что С. оказался покладистее П., согласившись вступить в радиоигру и дав возможность Судоплатову продолжить операцию "Березино". - Б. С.)

Через сутки после группы С. вылетела третья пятерка, с унтер-офицером М. во главе. Мы так никогда и не узнали, что с ними случилось. Раз за разом

наши радисты настраивались на их волну, повторяли позывные... Долгие, томительные недели... Ответа так и не последовало. Группа М. исчезла в бескрайних русских просторах.

Ровно через двадцать четыре часа вслед за группой М. на задание отправилась и четвертая группа, которой командовал Р. Четыре дня они регулярно выходили на связь. После приземления двинулись к Минску, но не могли строго держаться этого направления, поскольку то и дело натыкались на русские военные патрули. Иногда встречали дезертиров, которые принимали их за товарищей по несчастью. В целом же большая часть населения в этой части Белоруссии была настроена к нам довольно дружелюбно. На пятый же день сеанс связи неожиданно прервался. Мы даже не успели сообщить им координаты отряда Шерхорна (это вот и спасло группу Р.! - Б. С.). Вновь потянулось тревожное, нестерпимо долгое ожидание. Каждое утро Фолькерсам (начальник штаба Скорцени. - Б. С.) грустно объявлял: "Никаких вестей от групп Р., М. и П.". Наконец через три недели мы получили телефонограмму откуда-то из района литовской границы: "Группа Р. перешла линию фронта без потерь". Как и следовало ожидать, отчет Р. чрезвычайно заинтересовал разведывательные службы. Ведь случаи возвращения германских солдат с занятых русскими территорий были крайне редки. Р. особенно подчеркивал беспощадность, с которой советские командиры претворяли в жизнь принцип тотальной войны, мобилизуя все силы, а в случае необходимости используя даже женщин и детей. Если не имелось свободных транспортных средств, местному гражданскому населению приходилось за многие километры катить бочки с горючим, порой почти до линии огня, или по цепочке передавать снаряды прямо на артиллерийские позиции. Бесспорно, нам было чему поучиться у русских.

Переодетому лейтенантом Красной Армии Р. достало смелости проникнуть в офицерскую столовую и получить обед. Благодаря безукоризненному знанию русского языка он оказался вне подозрений. Несколькими днями позже Р. добрался до наших передовых частей, полностью сохранив свою группу.

Теперь нам предстояло удовлетворить наиболее насущные нужды отряда Шерхорна, более трех месяцев находившегося в полной изоляции и лишённого буквально всего. Шерхорн просил прежде всего побольше медицинских препаратов, перевязочных средств и врача. Первый прыгнувший с парашютом врач при приземлении в темноте разбился, сломал обе ноги и через несколько дней скончался (эта уловка потребовалась, чтобы выманить у немцев еще одного доктора. - Б. С.). Следующему повезло, и он приземлился целым и невредимым. Потом мы стали сбрасывать маленькой армии продовольствие и одежду. Из донесения врача следовало, что состояние раненых плачевно, и Шерхорну было приказано немедленно приступить к подготовке эвакуации.

В течение двух-трех ночей 200-я эскадрилья высылала по несколько самолетов для снабжения затерянного в лесу лагеря. К сожалению, ночная выброс-

ка материалов не могла быть точной: зачастую спускаемые на парашютах контейнеры опускались в недоступных местах или оставались ненайденными в лесных зарослях, хотя солдаты Шерхорна вели непрерывные поиски. Тем временем совместно со специалистами эскадрильи мы подготовили план эвакуации, решив использовать в качестве аэродрома обширную лесную поляну, обнаруженную невдалеке от лагеря Шерхорна. Операцию решили проводить в октябре, в период наиболее темных, безлунных ночей, наметив в первую очередь вывезти на самолетах раненых и больных, а уж затем здоровых.

К Шерхорну направили специалиста по быстрому развертыванию взлетно-посадочных полос в полевых условиях. Но едва начались подготовительные работы, как русские мощным ударом с воздуха сделали выбранное место непригодным (ибо отряда Шерхорна в природе не существовало, и некого было чекистам эвакуировать - не отправлять же в Германию, под видом шерхорновцев, бойцов ОМСБОН и немцев-антифашистов, предварительно изранив их, чтобы обмануть людей Скорцени? - Б. С.). Пришлось изыскивать другой способ. После переговоров с Шерхорном решили, что отряду следует покинуть обнаруженный лагерь и совершить 250-километровый переход на север. Там, в окрестностях Дюнабурга (Даугавпилс), что возле прежней русско-латвийской границы, находилось несколько озер, которые замерзали в начале декабря. Когда лед достаточно окрепнет, озера превратятся в подходящие аэродромы для транспортных самолетов.

Проделать столь долгий путь в тылу врага - дело непростое. Шерхорн предложил разделить отряд на две маршевые колонны. Первой, под командованием моего аспиранта С., надлежало идти прямо на север, выполняя роль разведывательного авангарда. Вторая, под командованием Шерхорна, должна была идти параллельным курсом, но немного сзади. Следовало снабдить людей теплой одеждой и прочими необходимыми материалами. Для двух тысяч человек такая операция требовала огромного количества вылетов. Мы послали им девять передатчиков, чтобы при вынужденном дроблении отряда каждая часть имела связь с другими и с нами.

Поздней осенью 1944 года колонны медленно потянулись на север. Русских телег было мало, на них с трудом уместили больных и раненых. Кто мог, шел пешком. Переход оказался намного более длительным, чем мы предполагали. В среднем за день преодолевали 8-12 километров. Шерхорн был вынужден то и дело останавливать отряд для отдыха на день-другой, и тогда за неделю не удавалось пройти и сорока километров. С другой стороны, не обходилось без кровопролитных схваток с русскими военными патрулями, число погибших и раненых росло с каждым днем, и темп продвижения естественно, снижался. Мало-помалу все мы, успевшие хорошо узнать русских, теряли последние надежды. Шансы Шерхорна на возвращение в Германию были до ужаса малы.

По мере продвижения отряда к линии фронта маршрут самолетов снабжения укорачивался, но определить место выброски становилось труднее. По радио мы старались уточнить их координаты на карте, испещренной разными

значками. Несмотря на предосторожности, несметное число тюков и контейнеров попало в руки русской милиции, которая, надо отдать ей должное, справлялась со своей задачей (можно сказать, отбивая хлеб и тушенку у людей Судоплатова, задействованных в операции "Березино". - Б. С.). Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего, выделенного 200-й эскадрилье, неизменно сокращалось, тогда как наши потребности в нем отнюдь не уменьшались. Время от времени мне удавалось в виде исключения урвать дополнительные 45 тонн, но каждая новая просьба наталкивалась на все большие трудности. Несмотря на отчаянные мольбы Шерхорна, пришлось сократить число вылетов самолетов снабжения. Думаю, ни Шерхорн, ни его солдаты, в невероятно сложных условиях пробиравшиеся через русские леса, не в состоянии были понять наши проблемы (чекисты их совсем не понимали. - Б. С.). Чтобы поддержать их дух, их веру в наше стремление помочь всеми имеющимися у нас средствами, я на каждом радиосеансе старался выказать неизменный оптимизм.

В феврале 1945 года мне самому пришлось командовать дивизией на Восточном фронте. Отбивая яростные атаки врага, я не упускаю из вида наши "особые миссии". Сообщения, все еще регулярно приходившие от Шерхорна, были полны отчаяния: "Высылайте самолеты... Помогите нам... Не забывайте нас..." (Я не знаю, кто составлял тексты радиogramм от имени Шерхорна - сам Судоплатов, его подчиненные Маклярский и Эйтингон или кто-то другой, но можно с уверенностью сказать: в авторе этих страстных призывов погиб настоящий драматург; впрочем, Маклярский после войны стал киносценаристом. - Б. С.) Единственная хорошая весть: Шерхорн встретил группу П., первую из четырех заброшенных групп, которую считали бесследно сгинувшей в августе 1944 года. В дальнейшем содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой. Мы уже не в состоянии были посылать более одного самолета в неделю. Перелет туда-обратно превышал 800 километров. Да и количество отправляемых грузов таяло на глазах. День и ночь я ломал голову, изыскивая возможности помочь людям, которые не сломались, не сложили оружия. Но что было делать?

К концу февраля нам перестали выделять горючее. При одной лишь мысли об огромных его запасах, захваченных противником в ходе наступления, меня охватывало бешенство. На каждом из аэродромов Вартегау (территория Польши в районе реки Варты, присоединенная к Рейху. - Б. С.), занятых русскими, имелось по несколько сот тонн авиационного горючего!

Двадцать седьмого февраля аспирант С. прислал нам следующее сообщение: "Отряд прибыл в намеченный район возле озер. Без немедленной поддержки умрем от голода. Можете ли вы нас забрать?" (Очевидно, руководители операции "Березино" уже собирались ее свернуть, но рассчитывали под занавес разжиться парой-тройкой немецких транспортных самолетов, однако острая нехватка топлива у люфтваффе помешала им осуществить этот план. - Б. С.)

По мере расходования элементов питания передатчика призывы о помощи становились все более настойчивыми, а мы уже не в силах были помочь. В конце С. просил доставить хотя бы батареи для передатчика (чтобы не расходовать на радиоигру советские элементы питания, которые у наших были в дефиците. - Б. С.): "Мы больше ничего не просим... только говорить с вами... только слышать вас".

Крах и невероятный хаос, поразивший многие службы, окончательно добились нас. Не могло быть и речи о вылете самолета с помощью для несчастных, тем более об их эвакуации.

И все равно наши радисты ночи напролет не снимали наушников. Порой им удавалось засечь переговоры групп Шерхорна между собой, порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто долее не нарушало молчание в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция "Браконьер" окончилась безрезультатно".

Конечно, если бы операция "Березино" привела к захвату Отто Скорцени, Судоплатов мог бы рассчитывать на Золотую Звезду Героя, а остальные ее участники - смело готовить дырочки на мундирах для новых орденов. Однако сам Скорцени в мемуарах ничего не говорит о своем намерении побывать у Шерхорна. Да и что ему там было делать? Ведь Скорцени не был ни врачом, ни специалистом по обустройству полевых аэродромов, а убивать или похищать кого-либо из врагов на этот раз не требовалось.

Снабжение "отряда Шерхорна" в необходимом объеме наладить не удалось, потому что к концу 1944 года англо-американская авиация практически полностью уничтожила немецкие заводы по производству синтетического бензина, и самолеты люфтваффе оказались прикованными к земле. Когда после февраля 1945-го связь с Шерхорном прервалась, Скорцени обещал Рыцарский крест тому из своих людей, кто ее восстановит. И один из его агентов незадолго до конца войны прислал радиogramму от Шерхорна (вернее, из советского лагеря для военнопленных), заслужив тем самым высшую награду Рейха перед самой капитуляцией вермахта.

Скорцени, Гудериан и прочие руководители германской армии видели в случае с Шерхорном сильное средство укрепить моральный дух войск. По большому счету им было не так уж важно, существует ли отряд Генриха Шерхорна в действительности или во всем с самого начала выдуман чекистами. В любом случае полковник-герой выполнял отведенную ему роль в поддержании надежды на лучший исход войны у генералов, офицеров и солдат вермахта.

Ну а советское Верховное Командование в конце концов поняло, что овчинка выделки не стоит: повторять опыт с "партизанами фюрера" сложно, накладно и бессмысленно, поскольку советская сторона в лучшем случае остается, как говорится, "при своих" и, что уже нехорошо, способствует укреплению боевого духа противника. Так что награждать Судоплатова, Маклярского, Эйтингона и прочих было действительно не за что. И зря Павел Анатольевич обижался.

История с Шерхорном имела неожиданный эпилог. Вот что рассказывает Судоплатов:

"У меня созрел план использовать Шерхорна для вербовки немецкого адмирала Редера, командующего военно-морскими силами, отстраненного Гитлером от исполнения своих обязанностей в 1943 году. Будучи в плену, Редер находился в Москве. Позднее, по его просьбе, в Москву приехала его жена. Казалось, он настроен на сотрудничество с нами - в обмен на обещание не предъявлять ему обвинения как военному преступнику на Нюрнбергском процессе, хотя британская сторона и настаивала на привлечении его к суду за операции немецких подводных лодок против Британского флота и безоружных торговых судов.

Я поселил его с женой у себя на даче, но вскоре убедился, что мой план воздействия на адмирала через Шерхорна нереален, поскольку они оказались несовместимы друг с другом. Более благоприятно действовал на адмирала Серебрянский (сотрудник Судоплатова. - Б. С.), который был на моей даче под домашним арестом как "военнопленный" (он играл роль немецкого бизнесмена). Серебрянскому удалось убедить адмирала, чтобы он возобновил в Германии свои знакомства и связи. Редеру, "помнится, очень нравились прогулки вдоль Москвы-реки на трофейном лимузине "хорьх" - именно такой был у него в Германии.

В конце 1945 года мы отправили Редера в Германию. Британская сторона продолжала настаивать на предании его суду как военного преступника. Насколько я помню, мы достигли соглашения с англичанами и американцами по этому вопросу. Редер, несколько других высших офицеров немецких ВМС и еще группа офицеров были переданы союзникам в обмен на бывшего царского генерала Краснова, командовавшего в гражданскую войну казачьим войском, а во вторую мировую служившего в штабе вермахта, и советских офицеров, сражавшихся в армии Власова. Шерхорн был также возвращен в Германию, и мои связи с этими людьми прервались".

Насчет Шерхорна Павел Анатольевич абсолютно точен. Имя полковника есть в списке офицеров, досрочно репатриированных в Восточную Германию в конце 1940-х годов для работы в "народной полиции". А вот с Редером Судоплатов что-то путает. Краснова, Шкуро и других генералов-эмигрантов, равно как и Власова и значительную часть власовцев, союзники передали Сталину еще в мае 1945-го. Редера же отправили в Нюрнберг только в конце 1945 года. На обмен это как-то непохоже. Скорее, Судоплатов и другие руководители госбезопасности сообразили, что удержать Редера за собой все равно не получится. На Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками о нем неизбежно пойдет речь, и гросс-адмирала потребуют предать суду, тем более что его преемник Карл Дениц уже находился в руках западных союзников. Скрывать у себя человека, обвиняемого на таком процессе, Москва не могла.

* * *

Александр Петрович Демьянов ныне благодаря многочисленным публикациям известен всей стране и далеко за ее пределами. После войны, как пишет Судоплатов, его пытались использовать для внедрения в среду русской эмиграции, однако эмигранты в Париже не пошли с ним на контакт, возможно уже догадываясь о его связях с органами госбезопасности. Умер Демьянов в Москве в 1975 году в возрасте 64 лет от инфаркта. А вот насчет судьбы и подлинных имен других участников созданной НКВД организации "Престол" чекисты до недавнего времени молчали. Только 7 сентября 1999 года в демонстрировавшемся на ОРТ документальном фильме "Поводок для абвера. Дело 1944 года" со ссылкой на архивы Лубянки было подтверждено, что в Новодевичьем монастыре Гейне-Демьянов встречался с "неким Борисом Садовским". Не исключено, что у Судоплатова он фигурирует под псевдонимом Глебов, а у Коровина - как поэт Седов. Однако был ли Садовский на самом деле руководителем "Престола"? Здесь я хочу изложить одну гипотезу относительно того, кем же в действительности был человек, волею органов записанный в руководители "церковно-монархической организации".

Сразу возникает соблазн отождествить его со стариком Глебовым, о котором говорится у Судоплатова. Однако автор книги "Разведка и Кремль" нигде не говорит, что бывший предводитель нижегородского дворянства - поэт. Молчит об этом и Овчинникова. Среди членов организации Судоплатов, правда, называет одного поэта - Садовского, но совсем не как руководителя. Между тем если верно сообщение Коровина, что руководитель созданной с благословения чекистов "церковно-монархической организации" Седов был поэтом, то на эту роль в Москве 1941 года можно было найти - без ведома кандидата - вполне подходящую кандидатуру. Это - сын знаменитого писателя поэт Даниил Леонидович Андреев, замечательный человек, автор опубликованного уже в наши дни философского, мистического трактата "Роза Мира", снискавшего теперь большую популярность в России. В предвоенные и военные годы он действительно был главой религиозно-философского кружка, участники которого отличались приверженностью монархии и прогерманскими настроениями.

Отец Даниила писатель Леонид Андреев - внебрачный сын орловского помещика Карпова и дворовой девушки Глафиры. Поэтому род автора "Русских богов", "Железной мистерии" и "Розы Мира" действительно можно возводить к дворянину-помещику, как и род Седова у Коровина.

Правда, с женой Даниила Андреева явная неувязка: она никогда не была фрейлиной. Но вспомним, что жена Глебова, как свидетельствует Судоплатов, "была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны". А может быть, "фрейлина императрицы" - это чекистская выдумка для придания солидности версии с операцией "Монастырь" в глазах журналистов и читателей?

Кстати сказать, судя по фотографиям, Даниил Андреев рано поседел, что, возможно, и навело чекистов на мысль присвоить ему соответствующий псевдоним.

О своем кружке Андреев рассказал в незаконченном романе "Странники ночи", изъятом при аресте в 1947 году как "вещественное доказательство" и бесследно исчезнувшем в недрах Лубянки (впрочем, как знать, может, еще отыщется, сказано ведь: "рукописи не горят"). Само название романа символизировало ночь, опустившуюся над Россией, и русских людей, бредущих в этой ночи на свет далекой звезды. Вдова поэта, Алла Александровна, так передает содержание "Странников ночи": "В застывшей от ужаса Москве, под неусыпным взором всех окон Лубянки, ярко освещенных всю ночь, небольшая группа друзей готовится к тому времени, когда рухнет давящая всех тирания и народу, изголодавшемуся в бескрылой и страшной эпохе, нужнее всего будет пища духовная. Каждый из этих мечтателей готовится к предстоящему по-своему. Молодой архитектор, Женя Моргенштерн, приносит чертежи храма Солнца Мира, который должен быть выстроен на Воробьевых горах. (Кстати, на том самом месте, где выстроен новый университет.) Этот храм становится как бы символом всей группы. Венчает его крест и присуща ему еще одна эмблема: крылатое сердце в крылатом солнце.

Руководитель, индолог Леонид Федорович Глинский (дань страстной любви Даниила к Индии), был автором интересной теории чередования красных и синих эпох в истории России. Цвета - красный и синий - условны, но условность эта понятна: синий как главенство духовного, мистического начала, красный - давление материального (позднее эта теория воплотилась в «Розе Мира»)".

Но не только в прозе Даниила Андреева прорисовываются его душевные настроения, надежды и чаяния. Конечно, чужая душа - потемки. Но настойчивое обращение Андреева к одной и той же теме в стихах довоенных и военных лет позволяет предположить, что для будущего автора "Розы Мира" один из важнейших - вопрос о том, как избавиться от "давящей тирании" в войне с другой, не менее ужасной, но "чужой" тиранией - тиранией Гитлера. Вот что, например, писал Даниил Андреев еще до начала Великой Отечественной войны в стихотворении 1941 года, озаглавленном "Враг за врагом", о роли Германии и Гитлера в тех катаклизмах истории, современником которых оказывается поэт:

*Враг за врагом.
На мутном Западе
За Рону, Буг, Дунай и Неман
Другой, страшнейший смотрит демон -
Стоногий спрут вечерних стран:
Он утвердил себя как заповедь,
Он чертит план, сдвигает сроки,
А в тех, кто зван как лжепророки -
Вдвигает углем свой коран.*

*Он правит бранными тайфунами,
Велит громам... Он здесь, у двери, -
Народ-таран чужих империй,
Он непреклонен, груб и горд...
Он пьян победами, триумфами,
Он воеет гимн, взвивает флаги,
И в цитадель священной Праги
Вступает поступью когорт.*

Срок настал, и народ-таран попытался вдвинуть углем пожаращ свой ко-ран в империю лжепророка Сталина. Даниил Андреев откликнулся на германское вторжение стихотворением "Шквал":

*Одно громоносное слово
Рокочет от Реймса до Львова;
Зазубренны, дряхлы и ржавы,
Колеблются замки Варшавы.
Как робот, как рок неуклонны,
Колонны, колонны, колонны
Ширяют, послушны зароку,
К востоку, к востоку, к востоку.*

*Провидец? Пророк? Узурпатор?
Игрок, исчисляющий ходы?
Иль впрямь - мировой император,
Вместилище Духа народа?
Как призрак, по горизонту
От фронта несетя он к фронту,
Он с гением расы воочью
Беседует бешеной ночью.*

*Но странным и чуждым простором
Ложатся поля снеговые,
И смотрят загадочным взором
И Ангел, и Демон России.
И движутся легионеры
В пучину без края и меры,
В поля, неоглядные оку, -
К востоку, к востоку, к востоку.*

Здесь поэт размышляет, действительно ли Гитлер "вместилище Духа народа" или обыкновенный азартный игрок - узурпатор? Суждено ли его легионам одержать победу или они бесславно сгинут в пучине русских полей "без края и меры"? А вот в следующем стихотворении, "Беженцы", Андреев дает развернутую панораму драматических событий, последовавших за германс-

ким вторжением в Россию. И эта панорама укрупняется на наших глазах, высвечивается символическими отсветами:

*Киев пал. Все ближе знамя Одина.
На восток спасаться, на восток!
Там тюрьма. Но в тюрьмах дремлет Родина,
Пряха-мать всех судеб и дорог.
Гул разгрома катится в лесах.
Троп не видно вдымной пелене...
Вездесущий рокот в небесах
Как ознобом хлещет по спине.*

*Не хоронят. Некогда. И некому.
На восток, за Волгу, за Урал!
Там Россию за родными реками
Пять столетий враг не попирал!...
Клячи. Люди. Танк. Грузовики.
Стоголосый гомон над шоссе...
Волочить ребят, узлы, мешки,
Спать на вытоптанной полосе.*

*Лето меркнет. Черная распутица
Хлюпает под тысячами ног.
Крутится метелица да крутится,
Заметает тракты на восток.
Пламенеет небо назади,
Кровянит на жниве кромку льда,
Точно пурпур грозного судьи,
Точно трубы Страшного Суда.
По больницам, на перронах, палубах,
Среди улиц и в снегах дорог
Вечный сон, гасящий стон и жалобы,
Им готовит нищенский Восток.
Слишком жизнь звериная скудна!
Слишком сердце тупо и мертво.
Каждый пьет свою судьбу до дна,
Ни в кого не веря, ни в кого.*

*Шевельнулись затхлые губернии,
Заметались города в тылу.
В уцелевших храмах за вечернями
Плачут ниц на стершемся полу:
О погибших в битвах за Восток,
Об ушедших в дальние снега
И о том, что родина-острог*

Отмыкается рукой врага.

Поэт бесконечно любит Россию, и связанный с германским вторжением исход беженцев на восток видит как преддверие Страшного Суда. Но каков этот Страшный Суд в судьбе Родины? Неужто "чужой тиран" будет властителем России? Так что же, оставаться в бездействии, примириться с тем, что "родина-острог отмыкается рукой врага"? Какая сложная и, в сущности, безысходная коллизия: ведь на смену одной тюрьме, сталинской, придет другая, гитлеровская. Даниил Андреев понимал, что Гитлер тоже несет не свободу, а рабство - оттого так трагичны, мрачны, хотя и величавы, андреевские стихи военной поры.

После того как поэту пришлось до дна испить чашу судьбы в виде многолетнего лагерного срока, после того как история доказала нежизнеспособность государства, построенного на людоедской расовой теории, и Третий Рейх исчез с лица земли, в "Розе Мира" характеристика "мирового императора" уже иная: империя Гитлера для Андреева стала теперь "тиранией демона великодержавия", где Соборная Душа оказалась погребена под глыбами государственности. Однако и в этой книге Андреев неизменно оценивает личность Гитлера выше, чем личность Сталина. Он, в частности, утверждает: "Даже Гитлер и Муссолини не были лишены личной храбрости. Они появлялись на парадах и праздниках в открытых машинах, они во время войны не раз показывались на передовой, и однажды Гитлер на русском фронте, застигнутый, внезапным появлением танковой колонны врага, едва избежал пленения. Сталин за все время своего правления ни разу не проявил ни проблеска личной храбрости. Напротив, он вечно трясся за свое физическое существование, воздвигнув до самых небес вокруг себя непроницаемую стену". Наверняка подобные оценки Гитлера бытовали в андреевском кружке в предвоенные и военные годы.

Трудно представить, что Андреевым и его товарищами не интересовались компетентные органы и не озаботились подослать к ним своих осведомителей. А последние уж точно не могли не слышать ведущиеся в кружке разговоры антисоветскими и прогерманскими и не доложить об этом куда следует. Подобная информация могла подсказать Судоплатову и его коллегам идею легендирования сочувствующей Германии подпольной организации "Престол".

Надо сказать, в своих мемуарах чекисты подробно говорят только о Гейне-Демьянове, крайне скупое и противоречиво характеризуют других участников организации - как своих секретных агентов, так и настоящих, убежденных противников советской власти. По всей видимости, в дальнейшем некоторые из осведомителей, нужда в которых уже отпала, были арестованы как излишние свидетели вместе с другими участниками андреевского кружка и получили лагерные сроки, о чем ни Судоплатов, ни Коровин вспоминать, понятно, не горели желанием. Вполне вероятным кажется предположение, что агентом НКВД по кличке Старый в действительности был... Глебов, которому к началу войны перевалило за семьдесят. Не исключено также, что Судоплатов назвал членов организации "Престол" не подлинными именами, а теми псевдо-

ними, под которыми они фигурировали в документах НКВД. Если это так, то есть возможность сопоставить названных Судоплатовым лиц с конкретными членами андреевского кружка. Например, поэт Садовский, хорошо знавший Александра Блока, мог в действительности стать близким другом Даниила Андреева через входящего в андреевский кружок троюродного брата Блока, поэта Александра Викторовича Коваленского. А Блок, кстати, был одним из любимых поэтов Даниила Леонидовича.

Наше предположение о знакомстве Садовского с Андреевым может подкрепить версию о том, что чекисты "включили" обоих в состав одной и той же легендируемой организации. К сожалению, жизнь и творчество как Даниила Андреева, так и Бориса Садовского изучены еще недостаточно. В частности, не выявлены их основные знакомства (в советский период этим, естественно, никто из исследователей не занимался). Быть может, в будущем связи двух поэтов прояснятся. Пока же и здесь - туман неведения.

Имя поэта Садовского не может не остановить нашего внимания. Это, без преувеличения, личность легендарная. И вполне возможно, что Судоплатов наделил главу мифической антисоветской и пронемецкой организации, именованного им Глебовым, чертами реального и очень известного в свое время человека, оставив, однако, его самого в легенде среди рядовых членов "Престола". Садовский - это его подлинная фамилия, а как поэт и прозаик он выступал под псевдонимом Садовский.

Борис Александрович Садовский действительно был родом из нижегородского города Ардатова, из столбовых дворян. А перед войной он жил в келье Новодевичьего монастыря, маленьком полуподвальном помещении. Только вот к 1941 году Садовскому было только 60 лет, а не больше 70, как пишет Судоплатов о Глебове. Родился Борис Александрович 10 (22) февраля 1881 года, а умер ровно за год до смерти Сталина, 5 марта 1952 года, все в той же монастырской келье. На роль руководителя антисоветской организации в "империи зла" Садовский явно не подходил. Дело в том, что он, известный до революции поэт, близкий А. Блоку и А. Белому, сам себя называвший не без гордости "последним символистом", был парализован еще с начала 1920-х годов. Страшная болезнь - сухотка - то отпускала его, то усиливалась. В 1930-е годы он уже не вставал с инвалидной коляски. На этой коляске Садовский совершал прогулки по аллеям Новодевичьего, но ни разу не покинул стен монастыря.

О недуге Бориса Александровича было хорошо известно и эмиграции и, разумеется, властям. За границей даже распространился слух о смерти Садовского, и близко знавший его поэт Владислав Ходасевич почтил коллегу весьма сочувственным некрологом, вышедшим в парижских "Последних новостях" 3 мая 1925 года (их переписка 1912-1920 годов была издана 63 года спустя в Америке). В некрологе В. Ходасевича, в частности, говорилось, что "очень важной причиной его (Садовского) неладов с литераторами (еще в до-революционной России. - Б. С.) были политические тяготения Садовского. Я нарочно говорю - тяготения, а не взгляды, потому что взглядов, т. е. убежде-

ний, основанных на теории, настроено обдуманном историческом изучении, у него, пожалуй, и не было. Однако же любил он подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность".

Действительно, идеям революции - и Февральской, и Октябрьской - Борис Александрович несколько не сочувствовал. В 1921 году он написал небольшое оригинальное сочинение "Святая реакция (опыт кристаллизации сознания)", представляющее собой поток афоризмов. По убеждению Садовского, "аристократия кристаллизуется на почве церковно-государственной монархии. Здесь и только здесь ее могущество и цельность. Вне этих начал она разлагается и быстро гибнет". Напротив, "демократический строй безусловно враждебен кристаллизации. Он призывает не к общему, а к всеобщему счастью, недоступному для жителей Земли. Оттого всегда во всех республиках - прогрессивный хаос, брожение и распад. А под эгидой монархической власти сословия образуют ряды кристаллов, возникших по законам органического развития".

Борис Александрович искренне верил в то, что "Россия исконно была оплотом святой реакции. Вот почему к ней так слабо прививается прогресс". Он считал, что "любовь к царю - чисто русское стихийное чувство. Объяснить его нельзя, оправдывать не надо". Главную причину гибели страны в результате революции он видел в давнем нарушении органической связи между православной церковью и самодержавным государством: "Россия погибла не оттого, что церковь была частью государства; она погибла бы и в том случае, если бы государство сделалось частью церкви. Необходимо, чтобы церковь и государство, подобно душе и телу, слились в единый кристалл".

Ясно, что Садовский к прогрессу относился очень настороженно, если не вовсе его отрицал, а реакцию рассматривал как некое положительное состояние. Несмотря на близость к символистам, он сохранил внутреннее тяготение к традиционным культурным ценностям. Его книга стихов "Самовары", например, содержала оды этому предмету русского быта - символу самобытности Руси. Многие произведения Садовского были посвящены русской истории, в том числе и пьеса об убийстве (так считал Борис Александрович) царевича Дмитрия в Угличе. А вот о германофильстве Садовского никаких сведений нет. Правда, его последний опубликованный в СССР в 1928 году историко-фантастический роман "Приключения Карла Вебера" рассказывал о легендарном немецком великане, служившем сперва в армии Петра I, а потом - в армии Фридриха Великого, но оснований для заключения об особых симпатиях Садовского к Германии и немцам этот роман не дает.

Судя по всему, Садовский хотя внутренне и не примирился с существованием советской власти, но, естественно, никак не боролся с ней. В январе 1941 года он писал Корнею Чуковскому: "Знаете, что сказали одному поэту, предложившему мне переводы Мицкевича: "Садовский - слишком одиозное имя: нельзя". Кланяюсь благодарному потомству. Заслужил. А ведь я "последний символист", со мной умрут все предания, сплетни и тайны, известные только мне..." Борис Александрович ощущал себя хранителем прежней, до-

революционной культуры, но едва ли имел в мыслях насильственную смену существующего в стране строя, тем более с помощью германских штыков.

В оценке его личности и судьбы удивительно сходились и советские и зарубежные литературоведы. С. Шумихин в 1990 году в послесловии к одному томику Садовского "Лебединые клики" писал: "Житие свое... прожил он достойно, мудро и мужественно". А автор послесловия к изданию переписки Ходасевича и Садовского и Андреева семью годами раньше констатировала: "Борис Садовский был человек чистой души, на редкость цельным, никогда не приспособившимся к власти. и судьба его сложилась трагически, хотя он не сидел в лагерях, а дотянул до старости в Новодевичьем монастыре".

Не мог человек "чистой души" и помышлять о сотрудничестве с бесчеловечным, антихристианским режимом нацистов даже ради свержения большевиков, коли думал вот так:

" Поход свой на Церковь антихрист начинает под разнообразными личинами лжевозрождения. Выводит Лютера и утверждает протестантскую ересь. По его же наущению Сервантес осмелял благочестивое крестоносное рыцарство. Первые ростки рационализма пустил Шекспир, подменив незаметно Бога роком. В философии зарождаются попытки обнять необъятное. И художники кощунствуют над Мадонной... Прогресс обольщает исканием, сулит новизну. И личность, покидая себя, рассыпается тучей праха. Ей в голову не приходит, что все уже найдено, что Царство Божие в сердце".

Вождь Третьего Рейха должен был казаться Садовскому новым антихристом, поднявшимся из германской "протестантской ереси", подменяя Бога провидением и обратя в прах "химеру, именуемую совестью".

Да и убежать из советской страны Садовский особо не стремился. В 1921 году, когда ему удалось подняться после четырехлетнего паралича, он начал хлопотать о выезде за границу - на лечение. В 1922 году эти хлопоты окончились неудачей, и более Садовский попыток эмигрировать не предпринимал. А загадка, почему столь одиозную фигуру чекисты не тронули ни в 1937-м, ни во время послевоенных арестов, возможно, имеет неожиданное, но очень простое объяснение. Стихи Садовского нравились... Сталину. Сам Борис Александрович не раз рассказывал, как однажды, прогуливаясь по аллеям Новодевичьего кладбища, встретил Иосифа Виссарионовича, пришедшего на могилу жены Надежды Аллилуевой, покончившей с собой в ноябре 1932 года. Узнав, что перед ним поэт Садовский, Сталин вспомнил, что когда-то читал его стихотворение в сборнике "Чтец-декламатор" и высоко оценил его. Всесильный диктатор, в молодости сам писавший стихи - одно еще до революции попало даже в популярную хрестоматию "Сборник лучших образцов грузинской словесности", - поинтересовался, не нуждается ли в чем Садовский, но Борис Александрович с достоинством ответил: "Благодарю вас, у меня есть все, что мне нужно". Тем не менее Сталин распорядился провести в его келью-подвал радио, чтобы парализованный поэт мог следить за происходящими в мире событиями.

Конечно, Садовский мог эту историю встречи со Сталиным просто выдумать, потому как вообще был склонен к мистификациям. Он не без успеха подделывал стихотворения Блока и публиковал мнимые письма Есенина, Некрасова и даже убийцы генерала Мезенцева Степняка-Кравчинского. Это был один из немногих источников его заработка: ведь после 1928 года оригинальные тексты Садовского почти не появлялись в печати. Подделки оказались столь удачны, что и десятилетия спустя после смерти Бориса Александровича публиковались как подлинные тексты тех, кого он имитировал. Только вот дочь Сталина Светлана Аллилуева утверждала, будто ее отец на могилу матери никогда не ездил (проверить это утверждение невозможно). Однако достоверно установлено, что в 1935 году в подвале Садовского была оборудована радиоточка - вполне возможно, по распоряжению Сталина. Если встреча всемогущего вождя и опального поэта произошла на самом деле, то это многое объясняет в судьбе Садовского. Теперь его нельзя было арестовать без санкции самого Сталина. Столь же спасительно Иосиф Виссарионович беседовал (правда, только по телефону) с Михаилом Булгаковым и Борисом Пастернаком, выдав им тем самым своего рода охранную грамоту (булгаковские "Дни Турбиных" он точно любил, а о том, как относился к пастернаковскому творчеству, - неизвестно). Выходит, чекисты вряд ли напрямую рискнули бы действительно вовлечь Бориса Александровича в вымышленную ими монархическую организацию прогерманского толка. Даже по легенде "руководить" ею парализованный Садовский никак не мог (немцы никогда бы этому не поверили). Несомненно, поэт и не подозревал, что зачислен чекистами в подпольщики. На роль одного из рядовых членов "Престола" он подходил, тем более что никогда не покидал пределов Новодевичьего монастыря, куда немецкие агенты уж точно бы не проникли, и насчет него Гейне-Демьянов мог фантазировать сколько угодно.

Не исключено, что Судоплатов наделил руководителя "Престола" чертами биографии Садовского, чтобы отвести внимание исследователей и читателей от реальной фигуры того человека, которого В. В. Коровин знает под псевдонимом Седов. Да и сам псевдоним явно не подходит к совершенно лысому к тому времени Борису Александровичу, хотя и имеет некое созвучие с его фамилией.

И Даниила Андреева, и Бориса Садовского НКВД в своей игре с германской разведкой использовало "втемную". Если Андреев своим творчеством и убеждениями давал хоть какие-то основания для того, чтобы заочно "назначить" его лидером прогерманской монархической организации, то Садовский, похоже, привлек чекистов только своей богатой родословной. Если первый, как мы уже видели, сопоставляя Гитлера со Сталиным (в отношении их личной храбрости), был невысокого мнения об Иосифе Виссарионовиче, то второй, удостоенный знаком внимания самого диктатора, думается, особой ненависти к Иосифу Виссарионовичу не питал, да и политикой всерьез не интересовался.

Скорее всего, Садовский вообще не участвовал ни в каких кружках, тогда как Андреев мог, по крайней мере с друзьями, вести "антисоветские" разговоры. Кстати, его рассуждение о трусости Сталина и храбрости Гитлера вряд ли основательно. Все-таки у Сталина был жестокий опыт гибели Кирова, после которой он и отгородился от внешнего мира плотной стеной охраны. Гитлер же подобное потрясение испытал гораздо позднее, лишь 20 июля 1944 года, и после покушения Штауффенберга столь же жестко усилил охрану и ограничил контакты с внешним миром (так, стали обыскивать всех офицеров, прибывающих в гитлеровскую ставку). Покушение на Гитлера, как мы знаем, едва не удалось. Судьба отвернулась от Клауса Штауффенберга: цепь случайностей привела к провалу заговора. Не отставь один из офицеров портфель с бомбой подальше от Гитлера, фюрер вряд ли бы уцелел. А вот со Сталиным ничего подобного не могло произойти в принципе, какие бы неблагоприятные случайности ни вмешивались в ход событий: слишком надежна была система его охраны.

Называемый Овчинниковой среди членов "Престола" некий известный профессор-искусствовед - это, возможно, проходивший по одному делу с Даниилом Андреевым и освободившийся раньше других искусствовед Владимир Александрович Александров. А упоминаемый Судоплатовым скульптор Сидоров вполне мог быть вторым Витбергом (Женя Моргенштерн в "Странниках ночи"), которому и принадлежал проект нового храма Христа Спасителя (храма Тела, Души и Духа) на Воробьевых горах (в романе Андреева - храм Солнца Мира, как его предпочитал называть сам автор). Не исключено также, что Даниил Андреев знал и Гейне-Демьянова, - только совсем необязательно под его подлинной фамилией. Сохранилась книга, написанная Даниилом Леонидовичем в соавторстве с географом С. Н. Матвеевым - "Замечательные исследователи горной Средней Азии", с дарственной надписью от 16 декабря 1946 года некоему Александру Петровичу Брудесу(?). Как знать, не скрывался ли под этой с трудом и предположительно читаемой фамилией хорошо известный нам Александр Петрович Демьянов?

Подавляющее большинство участников андреевского кружка (кроме, конечно, сексотов) даже не подозревали, что "состоят" членами мощной конспиративной организации, и дальше антисоветских разговоров никогда не шли. Немецких заданий по установлению разветвленной подпольной сети по всей стране Гейне, вне всякого сомнения, доводить до их сведения не стал. Думается, далеко не случайно Даниила Андреева мобилизовали в Красную Армию именно во второй половине 1942 года, когда операция "Монастырь" вошла в свою активную фазу и в Москве появились курьеры абвера. Очевидно, чекисты опасались, что немцы могут направить своего агента по неизвестным НКВД каналам прямо к "руководителю" несуществующей организации, и не подозревавшему о возложенной на него роли, и раскрыть обман. Вернулся же из армии в Москву Даниил Леонидович только осенью 1944 года, когда Гейне-Демьянов давно уже был в Белоруссии, куда и была перенесена операция "Монастырь", но под другим названием - "Березино".

Вероятно, после войны руководство госбезопасности все еще питало надежду, что преемники абвера вновь выйдут на связь с Гейне и тогда организация "Престол" еще пригодится. Не исключено также, что Демьянов продолжал поддерживать знакомство с Андреевым (если именно ему была подарена книжка в конце 1946 года). Однако контроль над оставшейся в СССР немецкой агентурой оказался в руках Гелена, справедливо считавшего Гейне двойным агентом и информировавшего об этом американскую разведку, с которой тесно сотрудничал в первые послевоенные годы. Очевидно, неудачная миссия Демьянова в Париже подтолкнула Судоплатова и других руководителей советской разведки к выводу, что "Престол" никакой пользы более не принесет. И тогда была дана санкция на арест Даниила Андреева и членов его кружка. Это произошло в апреле 1947 года. Недавно опубликованные материалы следственного дела Андреева доказывают, что его обвиняли в прогерманских симпатиях. Решением Особого совещания Андреев и некоторые другие из его знакомых получили по 25 лет - высшая в ту пору мера наказания, поскольку смертная казнь была на короткое время отменена. Отбывать срок Даниилу Андрееву пришлось не в лагере, а во Владимирской тюрьме, где содержали самых опасных государственных преступников. По иронии судьбы сюда позднее угодил и генерал Судоплатов, несправедливо осужденный по сфальсифицированному делу о заговоре Берии.

К сожалению, о немецких шпионах в годы Великой Отечественной войны опубликованы пока документы и материалы столь противоречивые, что дают основание для взаимоисключающих версий. Я сознательно не пытаюсь сгладить эти противоречия. Тут уж, читатель, ничего не поделаешь. Свидетели событий более чем полувековой давности почти все уже умерли. Документы частью уничтожены, частью хранятся в недоступных для простых смертных архивах спецслужб, которые не спешат делиться ими с широкой общественностью. Наводит на размышления, например, тот факт, что ни одна публикация как в нашей стране, так и на Западе не является публикацией документов в строгом смысле слова. Донесения и протоколы допросов приводятся, как правило, без ссылок на архивы, где они хранятся. Только в книге Кукриджа есть точные указания на архивные единицы хранения. Однако здесь все цитаты приведены в переводе на английский, и нам трудно судить, в чем именно при переводе мог быть искажен смысл подлинника. Кроме того, западные авторы, подобно советским, вполне могли присочинить какие-либо подробности или вообще дать ложную картину событий, особенно если это диктовалось интересами спецслужб, с которыми многие из них, вроде Кукриджа, были связаны в течение долгого времени.

Поэтому, дорогой читатель, я вынужден давать тебе не строго выверенную и ясную картину немецкого шпионажа в СССР в военные годы, а привожу хотя и обработанный, пропущенный через сито исторической критики, но все же только материал, из которого ты сам волен отбирать то, что покажется тебе более правдоподобным и заслуживающим доверия, и отбрасывать факты, на твой взгляд, фантастические и не имеющие никакого касательства к исти-

не. Только помни при этом, что правда подчас оказывается фантастичнее любого самого смелого вымысла.

В целом создается стойкое впечатление, что в своих воспоминаниях чекисты сильно преувеличивают масштабы своих успехов в деле дезинформации противника с помощью радиоигр и двойных агентов, равно как и число таких шпионов. Несомненно, абверу и другим разведслужбам Германии, по крайней мере, несколько раз во время войны удавалось получить достоверную информацию от своих источников в высших советских штабах. Но вот кто именно были эти агенты - нам и сегодня остается только гадать. Что ж, ни одна разведка в мире не любит раскрывать биографии "своих людей". Пока что мы имеем очень отрывочные и противоречивые сведения только о жизненном пути "агента 438" (он же Владимир Миницкий или Мишинский). О неизвестном информаторе из штаба Рокоссовского радисте Александре, как и о многих других, нельзя вообще сказать ничего определенного, кроме того, что ряд приписываемых им сообщений оказался вполне достоверным.

Часто в поддержку тезиса, что почти все агенты, работавшие на абвер в Москве, в действительности были завербованными НКВД двойными агентами, выдвигают следующий аргумент. Не могли агенты такого уровня и связанные с ними радисты работать в высших советских штабах и учреждениях в течение многих месяцев и даже лет: их очень быстро разоблачили бы. Ведь обычно их раскрывают в течение нескольких недель, реже - месяцев, как только обнаруживается утечка информации или пеленгуется активно работающий радиопередатчик. На это можно возразить: НКВД, по крайней мере, в первые годы войны, не располагало хорошими пеленгаторами К тому же некоторые радисты, вроде упомянутого Александра, могли работать на штатных армейских радиостанциях и таким образом вообще оказаться вне поля зрения радио-пеленгационных подразделений контрразведки. Мы также не знаем, в течение какого времени работали те или иные агенты и принадлежит ли информация, содержащаяся в том или ином донесении, одному или нескольким лицам. Миницкий-Мишинский, например, если верить Кукриджу, трудился в ГКО всего три месяца, а за такой короткий период времени вполне мог остаться нераскрытым.

Столь же мало, как о настоящих немецких агентах в СССР, мы знаем и об агентах мнимых, двойных агентах, водивших за нос немецкое командование. Пожалуй, единственное счастливое исключение здесь - А. П. Демьянов, о судьбе которого мы столь подробно рассказали читателям. Между тем даже в немецких источниках встречаются описания операций, почти наверняка проходивших при деятельном участии советской контрразведки. Я расскажу только об одной из них, начавшейся в одно время и в том же самом месте, что и воссозданная в романе Владимира Богомолова и, скорее всего, рожденная фантазией писателя, операция советских военных контрразведчиков по ликвидации немецкой разведывательной группы под условным названием "Неман".

Итак, время действия - август 1944 года. Место - Белоруссия. Действующие лица - агенты немецкой разведки под кличками Игорь и Грегор. Их историю и "боевые подвиги" на поприще служения вермахту довольно подробно описывают Кукридж и Уайтинг.

Игорь - это Василий Антонович Скрябин, родившийся 13 мая 1920 года в Нижнем Новгороде. Родителей его, по Кукриджу, звали Петр Давыдович и Мария Иосифовна. Тут сразу возникает неразрешимая пока загадка: почему будущий немецкий агент носил отчество, отличное от имени отца? Кукридж вообще безапелляционно утверждает, что этот Скрябин был не больше не меньше, как родной племянник заместителя Председателя Совнаркома и наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова, чья настоящая фамилия была Скрябин. Он и не объясняет, каким это образом отец агента - Петр Давыдович Скрябин стал родным братом Вячеслава Михайловича Скрябина. Уайтинг вот не решается на столь сенсационное сообщение. Скорее всего, агент Игорь был однофамильцем могущественного члена Политбюро, да и то если только Скрябин - подлинная его фамилия. Сходятся Кукридж и Уайтинг в одном: родители Василия Антоновича были репрессированы "за контрреволюционную деятельность", отчего советскую власть он сильно невзлюбил. Учился он в Московском университете, по другой версии - в политехническом институте (куда сыну репрессированных родителей тогда попасть было очень непросто). Из университета (института) его призвали лейтенантом в 38-й гвардейский полк, и при первой возможности 17 августа 1941 года Василий Антонович сдался противнику. Заметим, что к тому времени советских гвардейских дивизий еще не существовало. Единственным исключением были части реактивных минометов, славных "катюш", которым еще при формировании присваивался статус гвардейских. Возможно, в одном из полков "катюш" и служил Скрябин. Он прошел специальную подготовку как агент абвера и, по Кукриджу и Уайтингу, несколько раз с успехом выполнял разведывательные миссии за линией фронта.

Под агентурной кличкой Грегор скрывался немец Альберт Мюллер, родившийся 11 ноября 1909 года в Санкт-Петербурге. Его отец, Лео Мюллер, представлял в России интересы одной крупной германской текстильной компании. Мать же, по уверению Кукриджа, была русской, Евгенией Павловной Столяр, принявшей позднее фамилию мужа. Заметим, что девичья фамилия матери агента сильно напоминает еврейскую, и не исключено, что, как и руководитель резидентуры "Макс", Грегор имел в своих жилах толику еврейской крови, что не мешало ему сотрудничать с немецкой разведкой.

Альберт учился в Ленинграде на инженера-электротехника, а когда в 1928 году после смерти отца они с матерью эмигрировали в Германию, продолжил образование в Лейпцигском университете. За несколько лет до начала войны благодаря свободному владению русским языком он стал сотрудником абвера.

9 августа Игорь и Грегор - эта "сладкая парочка" - начали подготовленную по приказу Гелена операцию "Дрозд". Сперва агенты в роли офицеров Генш-

таба Красной Армии должны были разведать дислокацию советских войск в районе Витебска, а затем, под видом демобилизованных из армии, проникнуть в Москву и поступить работать на военный завод, в Госплан или какой-нибудь наркомат, чтобы собрать сведения о военном производстве и переброске на фронт войск и боевой техники. Очень странно, однако, почему Гелен такое пристальное внимание уделил Витебску, который к моменту начала операции "Дрозд" был уже в глубоком тылу наступающих советских армий. Так или иначе "дрозды" были ночью благополучно сброшены с парашютами в советский тыл и утром явились в штаб 11 -й гвардейской дивизии генерала Козлова в городе Острове. Остров, надо сказать, совсем не в Витебской, а в Барановичской области, недалеко от тогдашней линии фронта, так что Кукридж здесь от истины как будто не отклоняется. Свежеиспеченные генштабисты майор Посухин или Посючин (Грегор) и старший лейтенант Красин (Игорь) встретили в штабе дивизии, как писал позднее Грегор в Доне-сении, столь теплый прием, с обильной выпивкой, что сразу вспомнились сцены бессмертной комедии Гоголя "Ревизор". От Козлова агенты направились в Витебск в любезно предоставленной генералом машине с шофером. Из Витебска они передали по радио собранную информацию и, сменив документы, двинулись в Москву. Теперь они превратились в офицеров, откомандированных из армии для работы в народном хозяйстве как имеющих ценные технические специальности. Игорь устроился на работу в Госплан, а Грегор - на электrozавод. Они поселились на московской окраине, в деревянном бараке с коридорной системой, в одной комнате. В один прекрасный день, точнее, вечер агенты решили вновь выйти в эфир, но обнаружили, что батарейки у рации сели, и ее пришлось подключать к общей электросети дома. Вдруг Грегор заметил, что лампочка в комнате мигает, повторяя передаваемые по рации сигналы. Тут к ним в комнату вошла соседка, молодая, симпатичная девушка двадцати с небольшим лет. От манипуляций Игоря и Грегора с передатчиком у нее возникли перебои с напряжением в электроплитке, на которой она готовила свой ужин, и Марфа решила попросить соседей - инженеры все-таки - починить плитку. Игорь второпях забыл спрятать наушники, и Марфа сразу поняла, что перед ней немецкие шпионы. Грегор мучительно размышлял, надо ли теперь во исполнение операции убивать Марфу и куда прятать тело. Однако беспокоились друзья напрасно: Марфа, на их счастье, оказалась убежденной антикоммунисткой и к тому же по уши влюбилась в молодого и симпатичного Игоря. Смышленная девушка не только смогла достать остродефицитное в военной Москве питание для рации, но и стала выполнять другие тайные поручения, и Грегор получил у Гелена разрешение завербовать ее.

Игорю в Госплане, удалось познакомиться с каким-то высокопоставленным чиновником из Наркомата путей сообщения, большим любителем выпивки и денег, выказывавшим склонность к коррупции. Игорь решил, что называется, взять быка за рога и после очередной попойки прямо предложил своему собутыльнику продать график железнодорожных перевозок на ноябрь

и декабрь 1944 года (дело было в октябре), на что чиновник вполне трезво запросил солидную сумму - 40 тысяч рублей. Таких денег у друзей не оказалось, и пришлось по радио просить Гелена срочно прислать курьера с деньгами. Курьер по кличке Петр был сброшен с парашюта в окрестностях Москвы и благополучно приземлился. Передав требуемую сумму Грегору и Игорю, Петр, русский перебежчик, двинулся, по утверждению Уайтинга, аж в район Вологды, чтобы установить там контакт с большой группой немецких солдат, бежавших из советских лагерей или каким-то невероятным образом избежавших пленения и сумевших даже установить радиосвязь со штаб-квартирой Гелена.

Трудно сказать, что именно питало безудержную фантазию американского журналиста. Но его рассказ о поездке Петра в Вологду вызывает недоумение. Не могли немецкие окруженцы забраться так далеко на север, и не было ни там, ни в каком-либо другом районе СССР немецких партизанских отрядов из бежавших военнопленных. То ли здесь была какая-то радиоигра с советской стороны (хотя вряд ли местом дислокации "немецких партизан" чекисты избрали бы столь отдаленную Вологодскую область), либо кто-то эту историю просто выдумал.

Но вернемся к Игорю с Грегором и их подруге Марфе, которую, кажется, так и звали - ее имя без кавычек. Продажный чиновник получил деньги и на одну ночь передал агентам требуемые документы. Пока Игорь их фотографировал, Грегор на всякий случай, в нарушение инструкции по конспирации, выписал из графика перевозок наиболее важную информацию.

Теперь усталым, но довольным шпионам оставалось только дожидаться самолета, который за ними должен был прислать Гелен. Описание этого завершающего и наиболее драматичного эпизода их многотрудной миссии я хочу процитировать по книге Уайтинга полностью. Но прежде - для сопоставления - напомним другое описание: как розыскники-контрразведчики наконец-то встретились с немецкой разведгруппой "Неман" в романе Владимира Богомолова:

"Негромкие голоса приближались. Ни Таманцев, ни Блинов, спрятанные в кустах, не могли никого видеть, но Алехин, метрах в девяноста от них, укрывшись за деревьями, уже рассматривал троих в военной форме, вышедших из леса по другую сторону поляны, и внимательно считал их шаги.

Выждав сколько требовалось, он с помощником коменданта появился на дороге; завидев их, трое, шедшие навстречу, умолкли; пять человек сближались, с интересом разглядывая друг друга.

Они встретились, как и рассчитал весьма точно Алехин, у гнилого пенька, прямо напротив кустов, за которыми притаились Блинов и Таманцев, поздоровались, и помощник коменданта, задержав руку у козырька, предложил:

- Товарищи офицеры, попрошу предъявить документы! Комендантский патруль.

- Ваш мандат на право проверки, - попросил один из троих, бритоголовый, с погонами капитана, так спокойно, будто ему заранее было известно, что

здесь, в лесу, у него должны проверить документы и что это малоприятная и пустая, но неизбежная формальность. - Кто вы такой?

Слева от него, ближе к засаде, стоял высокий, крепкого сложения старший лейтенант, лет тридцати или чуть побольше, а справа - молодой лейтенант, тоже плотный и широкий в плечах. На всех троих было обычное летнее офицерское обмундирование (у лейтенанта - поновее), пилотки и полевые пехотные погоны без эмблем. На гимнастерке у капитана надлевым карманом виднелась колодка с орденскими ленточками, а над правым - желтая и красная нашивки за ранения".

Разумеется, здесь мы имеем дело с художественным произведением, так сказать, с плодом писательской фантазии. Но согласись, читатель, что изображение в этой сцене, в отличие от опуса Уайтинга, вызывает наше доверие психологической и бытовой точностью деталей. Чем все кончилось в романе Богомолова - читатели хорошо помнят. После короткой схватки немецкие агенты были обезврежены, а их главарь, бритоголовый капитан (матерый враг советской власти и опынейший разведчик, неуловимый Мищенко) убит. При этом расколовшийся сгоряча, в растерянности молоденький лейтенант-радист выдал контрразведчикам ценнейшего немецкого информатора по кличке Матильда, работавшего шифровальщиком в штабе фронта - правда, не у К. К. Рокоссовского, на 1-м Белорусском, а на 1-м Прибалтийском, у И. Х. Баграмяна. Интересно: опирался ли здесь Богомолов на архивы советских спецслужб или просто придумал Матильду?

Посмотрим теперь, чем закончились похождения Грегора и Игоря, подобно лазутчикам Богомолова, попавших в засаду. Итак, слово Чарльзу Уайтингу:

"Грегор, Игорь и Марфа были вне себя от радости, когда узнали, что их собираются эвакуировать через линию фронта. Они немедленно начали искать подходящее место вблизи Москвы, где мог бы сесть легкий самолет люфтваффе, который Гелен обещал прислать. В конце концов они нашли приемлемую для посадки точку поблизости от города Дзержинска, в 60 или 70 милях к западу от Москвы.

Ночь, когда предпринималась попытка спасти агентов, была сырой и холодной, и все трое, ужасно промерзнув на мокрой траве, постоянно сверяли часы и прислушивались, не донесет ли ветер звуки приближающейся долгожданной машины. Когда настало время зажечь сигнальные костры, чтобы показать пилоту спасательного самолета место посадки, Грегор и Игорь принялись за работу и вскоре зажгли то, что представлялось им гигантским костром.

Огонь поднимался все выше и выше, и казалось, что вся окружающая местность окунулась в яркий кроваво-красный свет. Грегор и Игорь в ужасе посмотрели друг на друга: огонь наверняка был виден на многомиль вокруг. Минуты текли и текли, а самолет все не появлялся. Грегор облизывал сухие, потрескавшиеся губы (у Уайтинга герой всегда делает так во время особо сильного волнения. - Б. С.), пока пламя вздымалось вверх. Напряжение ста-

новились непереносимым. А что, если этот чертов самолет никогда не прилетит? Прошло полчаса. Постепенно испуганные агенты стали думать, что все напрасно. Самолет не прилетит, они будут предоставлены своей судьбе: похоже, попытки их спасения не будет предпринято ни в эту ночь, ни в какую-либо другую.

В это время Игорь вдруг издал сдержанный, но радостный крик. Еще до того как они распознали его, самолет приземлился, и плохо различимая фигура выпрыгнула из него, что-то крича им сквозь шум пары моторов.

Грегор среагировал первым. В тот момент, когда он начал свой бег к самолету, раздалась неистовая команда: «Стой!» Вслед за этим пули застучали по траве вокруг них, словно дождь по жестяной крыше. Они обнаружены! Трассирующие пули прорезали воздух. Похожие на мириады красных, злых пчел очереди чертили неровные линии в ночи.

Грегор бежал так, как он не бегал никогда прежде в своей жизни. Пилот заметил опасность и начал запускать моторы. Грегор увидел, как хвост самолета начал подниматься, и удвоил свои усилия. У него перехватывало дыхание, легкие грозили в любой момент лопнуть. Но он сделал это последнее усилие! Сильные, грубые руки подхватили его под мышки и втащили в самолет. Как только он тяжело рухнул на металлический пол самолета, скорее мертвый, чем живой, машина начала подниматься.

В страхе, что он не догонит самолет, Грегор не заметил, что ранен в руку. Летчики разорвали на бинты его белье и перевязали кровоточащую рану. Лучшее, что они могли предложить ему, это небольшую дозу морфия. Но Грегор не чувствовал боли: его мысли были рядом с бедными Игорем и Марфой, оставшимися на земле.

«Боже, - тяжело вздыхал он, сжимая голову здоровой рукой, - что же будет с ними?» И вслед за этим впал в уныние. Микрофильм! Он дал его спрятать Игорю. У Игоря жизненно важная информация!

Несколько часов спустя Грегор, переодевшись в мундир капитана германской армии, докладывал заместителю Гелена подполковнику Отто Шеферу. В мрачном расположении духа он признал, что жизненно важная информация все еще у Игоря. И тут же внезапно осознал, что его собственные заметки при нем. Грегор немедленно попросил принести его гражданскую одежду, бритвой вспорол швы на куртке и достал свои карандашные записи. Триумфальным жестом он передал их своему начальнику, который поспешил уйти с ними.

Через несколько минут эти заметки были уже на столе у самого генерала Гелена, и мастер шпионажа приводил их в порядок, пытаясь осмыслить их значение. В это время капитан Мюллер, чувствовавший себя воскресшим из мертвых, ворочался в постели, полностью истощенный и даже не будучи в состоянии заснуть, снова и снова переживая то, что произошло в одиноком леске недалеко от Москвы всего несколько часов назад".

А Кукридж рисует эпизод с эвакуацией Грегора иначе, в духе романтической любовной истории. По его словам, на прилетевший самолет никто не на-

падал. Зато Игорь, вознамерившийся взять с собой Марфу и получивший на это разрешение от Гелена, опоздал вместе с ней к месту посадки самолета и появился на поляне в тот момент, когда машина уже взлетела в воздух и находившийся на ее борту Грегор отчаянно махал своему товарищу рукой.

Согласны Уайтинг и Кукридж друг с другом в том, что Игорь через несколько недель опять вышел на связь и получил приказ вместе с Марфой пробираться в Восточную Пруссию, однако туда так и не прибыл. Уайтинг утверждает, что сотрудники Гелена упорно молчат в ответ на вопрос о дальнейшей судьбе Игоря и Марфы, возможно, потому, что они и в начале 1970-х все еще работали в Москве на западногерманскую и американскую разведки.

Как мне представляется, наиболее правдоподобен рассказ Уайтинга. Вероятно, все так и было: обстрел самолета советскими солдатами, бедняга Мюллер, бегущий к нему из последних сил, Игорь и Марфа, из-за начавшегося обстрела не успевшие сесть в самолет.

Но признаемся, читатель: вся история двух немецких агентов с самого начала развивалась слишком уж гладко. Тут и дурак-генерал, с готовностью знакомящий их со всеми секретными планами; тут и хорошая девушка Марфа, только и мечтающая о том, как помочь Германии в ее борьбе с большевизмом, да еще способная каким-то образом достать остродефицитные батареи для радиопередатчика; тут и весьма кстати подвернувшийся коррумпированный советский чиновник-пьяница, готовый по сходной цене продать столь необходимый германской разведке график предстоящих железнодорожных перевозок. А чего стоит невероятное совпадение, когда на поляну вблизи Дзержинска под Москвой одновременно приземляется присланный за агентами самолет и врываются советские автоматчики! Кстати, непонятно, что это за Дзержинск? В Московской области города с таким названием нет. Есть Дзержинск в Горьковской области, но он восточнее, а не западнее Москвы, и расстояние от него до столицы более 300 километров, а отнюдь не 120 (70 миль). Есть Дзержинск в Минской области. Он действительно к западу от Москвы, но уж очень далеко. Скорее всего, речь идет о поселке Дзержинский в Московской области на Москве-реке.

Я думаю, что все чудеса, случившиеся с Игорем и Грегором, несложно объяснить, если принять одну, по моему убеждению, единственно правильную версию. В действительности Игорь Скрябин и Марфа были советскими агентами, и вся операция "Дрозд" фактически проходила под контролем НКВД. Главной целью советской стороны было снабдить немцев дезинформацией. Здесь было тонко рассчитано буквально все. Не исключено, что Игорь тем или иным образом побудил Грегора сделать выписки из подброшенного ему фальшивого плана железнодорожных перевозок. Затем он сделал так, что микро пленка с этим документом осталась у него. Далее чекисты устроили засаду на месте приземления самолета таким образом, чтобы легко раненный Грегор успел в него забраться, а Игорь с Марфой, вполне естественно, не смогли этого сделать. Видно, передавать полный текст документа противнику советская разведка опасалась: подделка могла раскрыться. Тут

куда надежнее были отрывочные заметки Грегора-Мюллера. Любые несуровости в них можно было списать на спешку, в которой делались они. Понятным становится и то, почему Скрябин с Марфой не рискнул возвратиться к немцам. У Скрябина не было уверенности, что немецкая разведка не заподозрит его в двойной игре, когда внимательно ознакомится с докладом Мюллера о ходе и итогах операции "Дрозд". Вполне возможно, что Гелен в конце концов пришел к заключению в предательстве Игоря, и потому отмалчивались его сотрудники вместо ответа на вопрос о послевоенной судьбе Скрябина и Марфы. Думаю, бывшие агенты действительно продолжали жить в Москве, но работали, теперь уже вполне открыто, на КГБ. Что же касается Грегора-Мюллера, то ему повезло гораздо больше, чем придуманному Мищенко из романа " В августе сорок четвертого": он вернулся к своим, но только потому, что это было на руку советским контрразведчикам...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ ПАУЛЬ ЗИБЕРТ И НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ОХОТА НА "БОЛЬШУЮ ТРОЙКУ" В ТЕГЕРАНЕ

Широко распространено мнение, что германские спецслужбы планировали организовать покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране и только благодаря бдительности советских контрразведчиков эти злоецие замыслы не были реализованы. В СССР первое сообщение о несостоявшемся покушении на "Большую тройку" появилось 19 декабря 1943 года. В этот день газета "Правда" поместила корреспонденцию из Лондона, помеченную 17-м числом:

"По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находится, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они смогли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольство отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра..."

После войны были опубликованы документы Тегеранской конференции. Уже в послании Сталину от 24 ноября 1943 года Рузвельт выражал беспокойство по поводу обеспечения безопасности участников встречи в Тегеране: "Я знаю, что Ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили (явно из советских источников. - Б. С.),

что все трое из нас подвергались бы ненужному риску, отправляясь на заседания, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга. Где, по Вашему мнению, должны мы жить?"

Запись беседы наркома иностранных дел В. М. Молотова с послом США в Москве Авереллом Гарриманом, состоявшейся в советском посольстве в Тегеране в ночь с 27-го на 28 ноября 1943 года, свидетельствует, что у "дядюшки Джо" - Сталина было вполне определенное мнение, где лучше всего остановиться американскому президенту. Вячеслав Михайлович, зная об озабоченности Рузвельта проблемой безопасности, еще более пугал американцев: "В последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать. Поэтому, с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства".

Гарриман, похоже, испугался, но, чтобы сохранить лицо, сделал вид, что президент и сам собирался поступить именно так, и безо всяких там молотовских устрашений: "Рузвельт с самого начала предполагал остановиться в советском посольстве - с целью избежать переездов. Но в последнее время ему, Рузвельту, сообщили, что передвижение по улицам совершенно безопасно, и поэтому, а также для того, чтобы не создавать неудобного положения для Черчилля, он решил остановиться в американском посольстве. Я не сомневаюсь в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, хотел бы получить более подробную информацию".

И Молотов такую информацию охотно предоставил: "Речь идет о лицах, связанных с германским агентом в Иране Майером (резидент германской разведки, настоящая фамилия которого - Рихард Август; еще в августе 1943-го его арестовала британская контрразведка. - Б. С.). В отношении группы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты. Поэтому представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве".

Гарриман с облегчением подтвердил, что не сомневается: президент в Тегеране воспользуется советским гостеприимством. Но попросил уточнить, имеется ли в виду возможность покушения или речь идет о демонстрациях, которые прогерманские элементы могут устроить в персидской столице.

Молотов ответил уклончиво, поскольку слишком запугивать американцев тоже не стоило: вдруг Рузвельт откажется ехать в Тегеран: "Эти элементы могут предпринять враждебные акты против кого-либо из руководителей наших государств и спровоцировать инцидент, который вызовет ответные меры. При этом могут пострадать невинные люди. Этого следует избежать, так как это выгодно лишь немцам и крайне нежелательно для союзников. Если

что-либо случится, то будет непонятно, почему не было осуществлено первоначальное предложение".

Гарриман обещал тотчас передать президенту полученные сведения и выразил уверенность, что, раз маршал Сталин считает наилучшим решение, чтобы президент остановился в советском посольстве, то Рузвельт так и сделает.

Действительно, днем 28 ноября президент Рузвельт покинул американскую миссию и срочно перебрался в советское посольство. Ему подчеркнуто щедро отвели главное здание. Сталин же со своими приближенными скромно разместился во флигелях.

Черчилль тоже был обеспокоен возможными происками германских агентов в Тегеране и одобрил решение Рузвельта. Британский премьер писал в своих мемуарах:

"Я был не в восторге оттого, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента (у американцев был печальный опыт удавшихся покушений соотечественников на собственных президентов, что не помешало через 20 лет убийце-одиночке Ли Харви Освальду убить в Далласе Джона Фицджералда Кеннеди. - Б. С.). Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всей конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывая у нас глубокую тревогу. "Если что-нибудь подобное случится, - сказал он, - это может создать самое неблагоприятное впечатление". Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание

советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в здание русского посольства, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны".

Англичане и американцы, как кажется мне, были слишком доверчивы, полагая, что Сталин приглашает Рузвельта в советское посольство исключительно из-за заботы о безопасности президента. Думаю, не все тут так просто. И отнюдь не случайно советская сторона широким жестом уступила американской делегации главное здание посольства. Оно наверняка было напичкано "жучками", что облегчало прослушивание конфиденциальных разговоров Рузвельта со свитой. Да и психологически пребывание американского президента в советском посольстве было на руку Сталину: оно делало его более податливым к аргументам советского вождя. Не говоря уже о том, что нагнетаемая "дядюшкой Джо" в Тегеране атмосфера страха должна была побудить западных партнеров больше ценить союз с ним и сделать Рузвельта и Черчилля более покладистыми.

Версию о такой подоплеке предоставления апартаментов Рузвельту в Тегеране косвенно подтверждает сын Лаврентия Берии Серго, учившийся на факультете радиосвязи Военной электротехнической академии в Ленинграде. Вот что он рассказывает:

"Я уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба: приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: "Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте".

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецлаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер:

- Вас вызывают.

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

- Видишь, - говорит отец, - где встретились? Тегеран... Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подзабыл? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

- Да нет, - говорит отец. - Нормально поговорите. Отец послушал нас и сказал:

- Нормально, не забыл.

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле:

- Только имей в виду: это довольно тяжелая и монотонная работа.

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

- Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

- Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не спрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно...

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии - обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но конечно же Сталин не читал никогда да и не собирался читать весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем, была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт. Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны... находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы... обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было... не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим по объему, всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полутора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем... Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал: "Убеденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?"

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром - к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас также тихо вывезли, как и привезли".

Присутствие Лаврентия Берии в Тегеране во время встречи "Большой тройки" подтверждает и сталинский переводчик В. М. Бережков. Валентин Михайлович вспоминает: "На Тегеранской конференции в советскую делегацию официально входили только Сталин, Молотов и Ворошилов. Но с ними в советском посольстве находился также и Берия. Каждое утро, направляясь к зданию, где проходили пленарные заседания, я видел, как он объезжает территорию посольского парка в "бьюике" с затемненными стеклами, подняв воротник и надвинув на лоб фетровую шляпу. Поблескивали только стекла пенсне". Бережков, по всей вероятности, не подозревал, каким неэтичным делом занимается в Тегеране грозный шеф НКВД.

Вот где собака зарыта! "Дядюшке Джо" очень надо было послушать, о чем говорят между собой друг Уинстон и друг Франклин. Потому-то Иосиф Виссарионович и предоставил таким широким жестом американскому президен-

ту главное здание советского посольства: там заранее "специалисты из спецлаборатории" расставили скрытые микрофоны. А чтобы побудить Рузвельта воспользоваться сталинским "гостеприимством", была выдумана легенда о готовящемся германской разведкой покушении на лидеров антигитлеровской коалиции.

Жульническое отношение Сталина к западным партнерам напоминает один известный анекдот. Один американец из техасской глубинки впервые побывал в Лондоне и возвратился оттуда со ста тысячами долларов.

- Билл, откуда у тебя такие деньги? - спрашивают его земляки.

- Выиграл в покер.

- Ой, как же тебе повезло!

- Да ничего особенного. Сел я играть с двумя британскими лордами. Ну, сделали ставки, сравнялись. Я открываю свои карты - тройка. Англичанин говорит: "У меня флеш рояль", - и забирает деньги. Я - ему: "Ты флеш-то покажи, открой карты". А он - мне: "Ну что вы, сэр, мы же джентльмены". Джентльмены? Ну-ну... Ох, и поперла же мне карта...

Рузвельт и Черчилль, да и начальники их охраны, вели себя как те лорды, и в мыслях не допуская, что их союзник и друг будет за ними шпионить в Тегеране. А Сталин, бесчестно подслушав тайные соображения Черчилля и Рузвельта на сделанные им предложения, имел на руках, так сказать, все козыри. Карта дипломатическая ему еще как перла!

На чем, однако, основывались те предостережения, которыми Молотов беспокоил американцев? Если верить книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева "Сильные духом", первое покушение на Сталина, президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля готовилось германской разведкой именно в 1943 году, во время встречи "Большой тройки" в Тегеране. Информация об этом поступила от действовавшего в контакте с отрядом Медведева легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

Прежде чем рассмотреть события, связанные с этим действительно ли планировавшимся или вымышленным покушением, я хочу остановиться на личности того, кого миллионы зрителей фильмов "Сильные духом" и "Отряд особого назначения" и читателей книги Д. Н. Медведева запомнили под именем обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта, агента по кличке Пух и партизана медведевского отряда по имени Николай Васильевич Грачев.

Это был незаурядный артист, сыгравший роль обер-лейтенанта Зиберта лучше, чем игравшие потом роль самого Кузнецова в кино профессиональные актеры Гунар Циллинский и Александр Михайлов.

Николай Иванович Кузнецов родился 14 (27) июля 1911 года в глухой деревне Зырянская тогда Пермской губернии (ныне эта деревня в Свердловской области). Родители-старообрядцы нарекли его Никанором, но в начале 1930-х годов по неизвестной причине Никанор стал Николаем. Хотя ни капли немецкой крови не было в жилах у Кузнецова, внешность его была совершенно

арийская: высокий, статный блондин, этакий белокурый бестия! И, что особенно удивительно, свободно говорил по-немецки.

Немецким будущий разведчик овладел так хорошо потому, что в маленьком городке Талица, где он учился в школе-семилетке, была небольшая колония бывших австрийских пленных, осевших на уральской земле. С ними маленький Никанор много говорил по-немецки, совершенствуясь в разговорной речи. У него вообще была особая способность к языкам. Еще школьником он овладел входившим тогда в моду эсперанто. А вот Талицкий лесотехнический техникум окончить не успел. В декабре 1929 года Кузнецова исключили из комсомола "за сокрытие кулацкого происхождения" и отчислили из техникума за полгода до окончания курса. В ноябре 1931 -го ему удалось восстановиться в комсомоле, представив справки о том, что отец его в гражданскую служил в Красной Армии, а до этого хотя и был зажиточным крестьянином, но батраков "не эксплуатировал". Досдавать экзамены в техникуме Николай не стал.

В 1932 году Кузнецов, уже работавший в центре Коми-Пермяцкого национального округа Кудымкаре лесоустроителем, был арестован по обвинению в хищениях. Чекисты обратили внимание на человека с поразительными лингвистическими способностями. Ведь коми-пермяцкий язык не самый легкий для русского человека, а Кузнецов освоил его поразительно быстро. Арест произошел 4 июня, а уже 10-го числа Николай Иванович дал подписку о работе секретным сотрудником ОГПУ и получил кличку Кулик. Не исключено, что ему намекнули: если откажешься быть сексотом – к уголовной статье добавим политическую. Очень даже может быть, что на Кузнецова был донос – на его якобы "контрреволюционные разговоры". Он был поставлен в столь безвыходное положение, что уже не мог отказаться. Ну а на суде вдруг выяснилось, что сам Кузнецов к хищениям непричастен – это его начальники получали деньги и продукты по подложным ведомостям. Им дали от 4 до 8 лет лагерей, а Кузнецову за халатность определили год исправительных работ по месту службы. Судимость ему ОГПУ состряпало на всякий случай...

К тому времени Кузнецов успел жениться и уже развестись. 2 декабря 1930 года он зарегистрировал брак с медсестрой местной больницы Еленой Петровной Чугаевой. Но уже 4 марта 1931 года молодые разошлись. Более Кузнецов никогда в брак не вступал. И не только в брак. У нас нет никаких сведений о том, что он когда-нибудь еще был близок с женщиной. Для молодого, красивого 20-летнего мужчины это странно. До войны оставалось целых 10 лет – неужели он так и не встретил девушку, не полюбил? Впоследствии Николай Иванович никому не рассказывал о том, что в молодости был женат. Никому не рассказывала о своем первом замужестве и Елена Чугаева, пережившая Кузнецова на несколько десятилетий. Много лет спустя после гибели Николая Ивановича ее разыскал в Алма-Ате кудымкарский краевед Г. К. Конин. Елена Петровна охотно рассказала ему о своей последующей жизни, призналась, что никому никогда не говорила о своей такой короткой жизни с легендарным в будущем разведчиком. И Конину ничего не сказала, почему

они с Кузнецовым расстались так быстро и навсегда! Какая тайна здесь скрывается?

Нельзя исключить, что причиной развода и одиночества Николая Ивановича стала импотенция. Это печальное обстоятельство могло только усилить значимость Кузнецова для советских компетентных органов. Вот здорово! Агент, красавец-мужчина, будет очаровывать нужных для дела женщин, добывать важную информацию, а вот установить с какой-либо из них опасно длительную связь и из-за этого, кто знает, забыть о долге не сможет никогда! Вспомним, что многие чекисты-нелегалы становились предателями именно вследствие слишком сильной привязанности к женщине. Взять хотя бы знаменитого Георгия Агабекова, издавшего в 1930-е годы в Берлине нашумевшие книги "ГПУ. Записки чекиста" и "ЧК за работой". Любовь к дочери британского чиновника заставила резидента ОГПУ в Стамбуле порвать с Советами.

Или, быть может, на разводе настояло ОГПУ, рассчитывая использовать Кузнецова как неотразимого любовника на поприще шпионажа? Но развод произошел за полтора года до того, как Николай Иванович стал Куликом.

В 1935 году Кузнецов приступил к работе в бюро технического контроля конструкторского отдела Уралмаша. В Свердловске он встречался на заводе с немецкими инженерами. Несомненно, он действовал здесь уже по заданию НКВД, прощупывая настроения иностранных специалистов. Одновременно он еще более усовершенствовался в немецком, освоив даже диалекты германских земель. В своей однокомнатной квартире он сразу же поставил патефон и пластинки с немецкими песнями, учил их наизусть. Возможно, уже тогда он готовился к разведывательной работе в Рейхе.

Еще в школе Кузнецов занимался в драмкружке, его игра запомнилась многим одноклассникам. Театром он увлекался и в Кудымкаре и в Свердловске, не пропускал ни одной премьеры. Вот так, исподволь, он брал уроки у мастеров сцены, чтобы потом сыграть главную свою роль в жизни. Он и не мечтал тогда, что обессмертит свое имя в роли обер-лейтенанта Пауля Зиберта. К всему, Николай Иванович занимался еще альпинизмом: тоже ведь могло пригодиться разведчику, например, при переходе границы в горах. А смерть настигнет его в Карпатах...

В январе 1936-го Кузнецов увольняется с Уралмаша. Отныне единственная его профессия - разведчик, вернее, пока что контрразведчик, следящий за действиями иностранных специалистов и вступающих с ними в контакт советских граждан. А псевдоним поменяли еще в 1934 году - при переезде в Свердловск Кулик стал Ученым.

Вскоре после ухода с Уралмаша ему пришлось еще раз побывать за решеткой. В 1937 году, когда началась печально, страшно знаменитая ежовщина, его арестовали и несколько месяцев продержали в тюрьме Свердловского НКВД. Трудно сказать, собирались ли навесить ему "контрреволюционную" 58-ю статью при начавшейся смене людей Ягоды людьми Ежова или использовали в качестве "наседки" в камерах с "врагами народа" для выяснения их

образа мысли. Во всяком случае, он был еще очень молодым, честным, но слепо верящим в необходимость своего дела работником, и это его, по-видимому, спасло.

После выхода из тюрьмы Кузнецов был направлен в Сыктывкар в распоряжение нового наркома внутренних дел Коми АССР Михаила Ивановича Журавлева. Тут он получает и новую кличку - Колонист. Николай Иванович как специалист по лесу помог наркому выполнить приказ Москвы об "упорядочении лесозаготовок" на Северном Урале и заслужил от него благодарность. Журавлев помог ему перевестись в Москву.

Об обстоятельствах этого перевода несколько десятилетий спустя журналисту Теодору Кирилловичу Гладкову рассказывал бывший генерал-лейтенант госбезопасности Леонид Федорович Райхман, в 1938 году - начальник отделения в отделе контрразведки Главного управления Госбезопасности НКВД СССР:

"Журавлев мне часто звонил, советовался по некоторым вопросам, поэтому я не удивился его очередному звонку, кажется, в середине 1938 года.

- Леонид Федорович, - сказал Журавлев после обычных приветствий, - тут меня есть на примете один человек, еще молодой, наш негласный сотрудник. Очень одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

- Кто он? - спросил я.

- Специалист по лесному делу. Честный, умный, волевой, энергичный, инициативный. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали...

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлев никого рекомендовать не станет. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены или обслуживались случайными людьми.

- Посылай, - сказал я Михаилу Ивановичу. - Пусть позвонит мне домой.

Прошло несколько дней, и в моей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок: Кузнецов. Надо же было так случиться, что в это самое время у меня в гостях был старый товарищ и коллега, только что вернувшийся из продолжительной командировки в Германию, где работал с нелегальных позиций. Я выразительно посмотрел на него, а в трубку сказал:

- Товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки.

Мой друг побеседовал с Кузнецовым несколько минут на общие темы, потом вернул мне трубку и, прикрыв микрофон ладонью, сказал удивленно:

- Говорит как исконный берлинец.

Позднее я узнал, что Кузнецов свободно владел пятью или шестью диалектами немецкого языка, кроме того, умел говорить, в случае надобности, по-русски с немецким акцентом".

Райхман оставил нам и подробный портрет Кузнецова, увиденный глазами профессионального контрразведчика: "...Он пришел ко мне домой. Когда он только вступил на порог, я прямо-таки ахнул: ариец! Чистокровный ариец. Росту выше среднего, стройный, худощавый, но крепкий, блондин, нос прямой, глаза серо-голубые. Настоящий немец, но без таких примет аристократического вырождения. И прекрасная выправка, словно у кадрового военного, и это - уральский лесовик!*

Леонид Федорович сразу понял, что сама судьба послала ему неожиданный подарок:

" Нам остро нужны были люди, способные активно противостоять немецкой агентуре в нашей стране, прежде всего в Москве. Мы затребовали из Свердловска личное дело Колониста, внимательно изучили его работу на Урале. Кузнецов оказался разведчиком прирожденным (что говорится, от Бога. Правда, то, чем Николай Иванович занимался на Урале и первое время по переезде в Москву, называют словом попроще, пониже: осведомитель, или стукач. - Б. С.). Как человек он мне тоже понравился. Я любил с ним разговаривать не только о делах, но и просто так, на отвлеченные темы. Полнится, я сказал ему: обрастайте связями.

И он стал заводить знакомства в среде людей, представляющих заведомо оперативный интерес для немецкой разведки".

Иными словами, Кузнецов входил в доверие к людям, преимущественно из числа интеллигенции, которых НКВД в чем-либо подозревало, и осведомлял органы о их действиях и мыслях. Многим это осведомление могло стоить свободы, а то и жизни. Причем часто вся вина собеседников Кузнецова заключалась всего лишь в неосторожных разговорах на отвлеченные темы, с самостоятельным взглядом на жизнь.

Однако Кузнецова готовили и для куда более серьезных дел. Райхман размышлял:

"Идеальным вариантом, конечно, было бы направить его (Кузнецова. - Б. С.) на учебу в нашу школу (будущих разведчиков-нелегалов. - Б. С.), по окончании которой он был бы аттестован, по меньшей мере, сержантом госбезопасности (офицерский чин, соответствовавший армейскому лейтенанту. - Б. С.), зачислен в какое-нибудь подразделение в центральном аппарате и начал службу. Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба в нашей школе, как и в обычном военном училище, занимала продолжительное время, а нам нужен был работник, который приступил бы к работе немедленно (из-за нависшей угрозы войны в Европе. -Б. С.)... Второе обстоятельство - несколько щепетильного свойства. Зачислению в нашу школу или на курсы предшествовала длительная процедура изучения кандидата не только с деловых и моральных позиций, но и с точки зрения его анкетной чистоты. Тут наши отделы кадров были беспощадны, а у Кузнецова в прошлом - сомнительное социальное происхождение, по некоторым сведениям отец то ли кулак, то ли белогвардеец, исключение из комсомола, судимость, наконец. Да с такой анке-

той его не то что в школу бы не зачислили, глядишь, потребовали бы в третий раз арестовать..."

Тут Леонид Федорович или действительно не знает всей истории Кузнецова, или просто лукавит. Ведь первый арест Николаю Ивановичу сами же чекисты и устроили. Да и второй, скорее всего, был произведен, что называется, в оперативных целях. Слишком уж целенаправленными выглядят жизненные устремления Кузнецова еще в Свердловске. Отмечу прежде всего его стремление в совершенстве овладеть немецким языком, что было уже сверх нужд контрразведывательной и осведомительной работы среди немцев-инженеров на Урале. А как рассматривать его страсть к театру, стремление играть не только на сцене, но уже и в жизни? Знавшие Николая Ивановича вспоминали, что он и в 1930-е годы очень удачно выдавал себя за того, кем в действительности никогда не был: студента-заочника, иностранного специалиста, инженера-испытателя... В библиотеке Свердловского индустриального института Кузнецов тщательно изучал литературу о Германии и германской промышленности. Возможно, его рассчитывали использовать для промышленного шпионажа в этой стране.

Вообще же, создается впечатление, что с начала 1930-х годов Николая Ивановича Кузнецова готовили по сугубо индивидуальной программе будущего разведчика-нелегала со специальным заданием, соблюдая строжайшую конспирацию. Потому и в школу определять не стали. Райхман, возможно, не был полностью в курсе этой операции или даже через десятилетия не захотел раскрывать методы чекистской работы. Во всяком случае, то, что сообщает Леонид Федорович о дальнейшей судьбе Кузнецова, соответствует нашему предположению:

"В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецгента с окладом по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике, я, во всяком случае, такого второго не припоминаю..."

Кузнецов был чрезвычайно инициативным человеком и с богатым воображением. Так, он купил себе фотоаппарат, принадлежности к нему, освоил фотодело и впоследствии прекрасно сам переснимал попадавшие в его руки немецкие материалы и документы. Он научился управлять автомобилем, и, когда во время войны ему в числе иных личных документов изготовили шоферские права, выданные якобы в Кенигсберге, ему оставалось только запомнить, чем немецкие правила уличного движения отличаются от наших.

Колонист был талантлив от природы, знания впитывал как губка влагу, учился жадно, быстро рос как профессионал. В то же время был чрезвычайно серьезен, сдержан, трезв в оценках и своих донесениях. Благодаря этим качествам мы смогли его впоследствии использовать как контрольного агента для проверки информации, полученной иным путем, подтверждения ее или опровержения.

К началу войны он успешно выполнил несколько моих важных поручений. Остался весьма доволен им и мой товарищ, также крупный работник контр-

разведки, Виктор Николаевич Ильин, отвечавший тогда за работу с творческой интеллигенцией. Благодаря Ильину Кузнецов быстро оброс связями в театральной, в частности, балетной Москве. Это было важно, поскольку многие дипломаты, в том числе немецкие, и установленные разведчики весьма тяготеют к актрисам, особенно к балеринам. Одно время даже всерьез обсуждался вопрос о назначении Кузнецова одним из администраторов... Большого театра".

Наши органы госбезопасности были отменно равнодушны к Большому театру. Уже упомянутый охранник Сталина майор А. Рыбин после войны стал комендантом Большого театра, и явно не потому, что был завзятым театралом. Здесь всегда было полно иностранцев, и многие балерины не зря получали вторую зарплату на Лубянке...

О работе Кузнецова в предвоенные годы в Москве оставил свидетельство Судоплатов, в феврале 1939-го назначенный заместителем начальника разведки НКВД, а в 1940 году организовавший убийство Трощаковского:

"Кузнецова привлекло к работе местное НКВД и в 1939 году направило в Москву на учебу. Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, т. е. советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе с интеллигенцией (умри, Павел Анатольевич, лучше не скажешь! - Б. С.). Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах "Метрополь" и "Националь", а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупреждать нас о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы".

Я личное дело Кузнецова не читал. На мой запрос ФСБ отказалось выдать какие-либо материалы о разведчике, указав при этом, что все то, что сочли возможным рассекретить, передали Теодору Гладкову для его книги о Кузнецове "С места покушения скрылся...". В этой книге про отношения Николая Ивановича с балеринами ничего не говорится. Но тут я склонен верить Судоплатову, хотя если верно мое предположение об импотенции Кузнецова, то

для балерин он мог быть только другом, поклонником. Это как раз и помогло ему задушевно-дружески представлять (а по циничному чекистскому выражению, "подкладывать") балерин нужным людям из московского дипломатического корпуса. Очаровывать женщин Кузнецов умел. Вот, например, один из начальников Кузнецова, генерал-лейтенант госбезопасности Василий Степанович Рясной вспоминал, как Колонист затеял легкий флирт с горничной германского военно-морского атташе в Москве Норберта Вильгельма фон Баумбаха. Пока он водил ее в кино, чекисты провели в квартире Баумбаха тайный обыск и сфотографировали нужные им документы. Сводить девушку в театр, кино или ресторан, развлечь остроумным разговором Кузнецов умел очень хорошо. Но если бы он, разведчик, действительно делил свою страсть с кем-либо из дипломатов, это создавало бы сложные и опасные для него психологические проблемы в этом и без того извечно тяжком любовном треугольнике.

Мое предположение может быть и неверным, и отнюдь не исключено, что на самом деле этот человек был настоящим любовником. Вот Гладков, например, упоминает некую Оксану Оболенскую, с которой Кузнецов встречался накануне войны. О ней рассказала журналисту вдова Д. Н. Медведева, Татьяна Ильинична. Ксане Кузнецов представился советским немцем Рудольфом Вильгельмовичем Шмидтом, авиационным инженером (или летчиком - точно неизвестно). Когда началась война, Оболенская предпочла расстаться с человеком с немецкой фамилией: люди с такими фамилиями сразу стали исчезать из Москвы... Кузнецов будто бы расстроился, особенно когда до него дошли слухи, что Ксана вышла замуж за красного командира с истинно русской фамилией (подумать только, бедняга Шмидт не мог признать ей, что он Кузнецов). И вот когда в январе 1944-го Кузнецов последний раз встретился с Медведевым перед поездкой во Львов, откуда ему не суждено было вернуться, то попросил Дмитрия Николаевича в случае чего навесить в Москве Ксану и рассказать, кем на самом деле был Рудольф Шмидт. В ноябре 1944-го, вскоре после награждения Кузнецова Золотой Звездой Героя, Дмитрий Николаевич отправился по указанному адресу на Петровку. Встретился ли он с Ксаной - неизвестно. Татьяна Ильинична вспоминала только, что вернулся муж злой и раздраженный. Сегодня определенно трудно сказать, была ли эта история в действительности. Никаких документов, подтверждающих существование Ксаны, обнаружить не удалось.

Возможно, у руководства НКВД и НКГБ был план использовать Кузнецова и против Англии и Америки. Если бы это произошло, он, при его уникальных способностях, возможно, затмил бы славою Рудольфа Абеля и Конона Молодого. Сохранился рапорт Кузнецова с просьбой помочь ему поступить на английское отделение Института иностранных языков. Но надвигавшаяся война с Германией, очевидно, заставила отказаться от такого плана.

С началом войны Николай Иванович Кузнецов стал готовиться к работе в тылу врага. Рудольфу Вильгельмовичу Шмидту выдали белый билет - бессрочное освобождение от военной службы, чтобы не взяли через военкомат

на фронт. Получил Кузнецов и новую подпольную кличку - в августе 1942-го из Колониста стал Пухом, - хотя и старой продолжал тоже пользоваться. Когда в октябре 1941-го положение под Москвой стало угрожающим, Кузнецова планировали оставить в подполье, в случае если немцы захватят столицу. Этого, к счастью, не произошло. Во время советского контрнаступления под Москвой, по свидетельству Л. Ф. Райхмана, Кузнецов прошел боевое крещение. С разведывательным заданием его забросили в тыл немецкой 9-й армии, противостоявшей Калининскому фронту под древним русским городом Ржевом. Вскоре Кузнецов благополучно вернулся назад. Однако в последнем своем рапорте, от 3 июня 1942 года, разведчик райхмановского утверждения не подтверждает. В этом рапорте ясно все, что было с ним с начала войны до заброски на Украину:

"...В первые же дни после нападения германских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для разведывательно-диверсионной деятельности, и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 года, мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны... во избежание бесцельных жертв посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные знания и сведения о германской армии... 16 октября 1941 года этот план был отменен, и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией... В начале 1942 года мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биографического характера (вот когда появился Пауль Зиберт. - Б. С.). Однако осуществление этого плана до сих пор по неизвестным мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержании советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа (годовое безделье кого угодно подкосит, а Николай Иванович по натуре был человеком сверхактивным. - Б. С.). Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, так как один тот факт, что лицо "германского происхождения" оставлено в Москве во время войны, уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я, как всякий советский человек, горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год!) и вынужденное бездействие при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способности при-

нести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос быть или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытания, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов, как русский человек я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовищных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды?

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому прошу Вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнил бы следующие функции:

1. Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.

2. Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.

3. Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.

4. Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца".

Показательно, что Кузнецов допускал для себя совмещение разведывательной и диверсионной работы. Такого же мнения придерживались и руководители советской разведки. Между тем такое совмещение вредит, по крайней мере, получению разведывательной информации. Диверсант, конечно, может попутно, перед подготовкой диверсии и после ее совершения, собирать какие-то сведения о противнике. Взять документы с убитых солдат, захватить языка - все это никак не повредит его основной миссии: уничтожению того или иного объекта врага. Но серьезной информации таким способом получить, как правило, невозможно. Напротив, если разведчик, имея доступ к сведениям стратегического характера, отвлекается на проведение террористических и диверсионных актов, это может принести делу очень большой вред. Ведь он не только надолго перестает заниматься своим основным делом, но и совершенно неоправданно, коли его призвание в ином, рискует погибнуть или попасть в руки неприятельской контрразведки.

По словам того же Райхмана, Кузнецова только в 1942 году из контрразведывательного управления перевели в разведывательное, в распоряжение Судоплатова, оставив, однако, формально в "негласном штате" контрразведки. Подозреваю, что все это делалось лишь в целях конспирации, тогда как в действительности Николая Ивановича с самого начала готовили для разведывательной деятельности в Германии. Но война внесла свои коррективы. Теперь под германской оккупацией на какое-то время оказалась родная для Судоплатова Украина. И именно туда был направлен будущий обер-лейтенант Пауль Зиберт.

В составе партизанского отряда "Мстители" под командованием Д. Н. Медведева Кузнецову предстояло высадиться в лесах под Ровно. Этот небольшой западно-украинский город стал центром рейхскомиссариата "Украина". Бойцы отряда Медведева знали агента по кличке Пух - Кузнецова как Николая Васильевича Грачева. В Ровно же он должен был появиться как обер-лейтенант вермахта Пауль Зиберт.

До высадки во вражеском тылу в ночь на 25 августа 1942 года Кузнецов досконально изучил германские вооруженные силы, чтобы не попасть впрок при встречах с немецкими патрулями и разговорах с офицерами ровенского гарнизона. Для этого он даже провел несколько недель в офицерском бараке лагеря немецких пленных в Красногорске, и никто не заподозрил, кто в действительности этот симпатичный пехотный обер-лейтенант. И еще он превосходно освоил стрельбу из немецкого оружия. Ведь основной его задачей, увы, должно было стать осуществление террористических актов против высших чиновников германской оккупационной администрации на Украине. Использовать столь уникального агента для такого рода целей было все равно что топить печку ассигнациями. Но летом 1942-го положение Красной Армии было чрезвычайно тяжелым, и руководители НКВД, нарком Л. П. Берия и его первый заместитель В. Н. Меркулов, бывший глава НКГБ, вынуждены были бросать все свои силы на решение сиюминутных задач. Меркулов и подписал приказ о направлении Кузнецова в отряд Медведева. Не исключено, что чекисты рассчитывали террором - ликвидацией высокопоставленных служащих рейхскомиссариата - дезорганизовать оккупационную администрацию и разжечь восстание против немцев на Западной Украине. Однако местное население, отнюдь не симпатизируя уже немцам, к русским большевикам, как всегда, относилось весьма настороженно и не собиралось идти в бой за Сталина. Популярностью пользовалась Украинская Повстанческая Армия, провозгласившая борьбу как против немцев, так и против большевиков. Так что УПА была для отряда Медведева таким же противником, как и немецкие войска и подчиненная им украинская вспомогательная полиция.

При приземлении Кузнецову не повезло: потерял в болоте сапог. Но к месту сбора группы из 11 человек пришел вовремя, доложил Медведеву как положено, руки по швам, а одна нога - босая...

Николаю Ивановичу предстояло облачиться в форму немецкого обер-лейтенанта. Но его первый визит в столицу рейхскомиссариата задержался поч-

ти на два месяца. Надо было разведать обстановку в городе, установить связи с агентурой. Тут неожиданно выяснилось, что Николай Иванович обладает одной опасной для разведчика-нелегала особенностью: разговаривает во сне, и, естественно, по-русски. Многие годы Кузнецов жил один и не знал этого. Только в отряде соседи по палатке обратили внимание на то, что боец Грачев (про Зиберта знали только Медведев, его заместитель по разведке, Александр Александрович Лукин, и группа прикрытия) вскрикивает во сне. Кстати, этот факт косвенно указывает на то, что Кузнецову не приходилось спать с женщинами. Иначе кто-нибудь из них давно сказал бы ему про эту странную, пугающую привычку.

От разговоров во сне пришлось срочно отучаться. Кузнецов попросил товарищей будить его, как только он заговорит во сне. Иногда его будили по нескольку раз за ночь. В конце концов он решил, что если останется в Ровно на ночь, то ляжет спать, только когда в комнате будет один.

Тут я забегу вперед. Возможно, понимая или предчувствуя, что детей своих у него не будет, Кузнецов подумывал о приемном сыне. Во время одной из поездок в Ровно он нашел четырехлетнего мальчика Пиню, чудом выбравшегося из гетто, и привез его в отряд. Партизаны отогрели и накормили малыша, а потом отправили самолетом на Большую землю. Николай Иванович мечтал после войны усыновить Пиню. Не успел...

Для первой поездки в Ровно, состоявшейся только 19 октября 1942 года, офицерский френч, за неимением утюга, пришлось отгладить нагретым на костре топором.

Легенда у обер-лейтенанта Пауля Зиберта была, как говорится, железная. Раненный во Франции, а до этого в Польше награжденный Железным крестом, он с начала войны против СССР числился чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования в прифронтовых районах, организующим снабжение фронта лесом. Интендантская должность открывала разведчику двери многих немецких учреждений в Ровно. Но, поскольку офицеры-фронтовики недолюбливали тыловых офицеров, Зиберт-Кузнецов чуть изменил свою легенду и стал рассказывать, что был ранен в битве под Москвой. Но это - потом. О первом же своем дне в Ровно Николай Иванович написал такое вот донесение:

" 19 октября 1942 года в 7.00 подошел с севера к главному асфальтовому шоссе Корец - Ровно у населенного пункта Бела Криница, в 9 км от города. Движение по шоссе... с 6.00 до 22.00 по германскому времени (с 7.00 до 23.00 по московскому) очень оживленное. Каждые 15 минут автомашины легковые с 3-4 офицерами и чиновниками, грузовик с солдатами или с грузом, мотоциклы с колясками, а в них офицеры. Много велосипедов.

Велосипеды не имеют никаких номеров. Все офицеры и солдаты одеты по-осеннему, в хороших шинелях и плащах... Офицеры в фуражках и очень редко в пилотках...

В 7 км от города мне навстречу попала процессия. Впереди 2 полубронированных авто с 4 офицерами в каждом. Затем большая машина "мерседес"

черного цвета с опущенными занавесками, а за ней грузовик с 20 солдатами, а за ним мотоцикл с коляской и с офицером. Несомненно, проезжало важное лицо. Машины идут на большой скорости...

Регулярного контроля на шоссе нет. Много полицейских в форме, без оружия. По канавам валяются полусгоревшие танки и бронеавтомобили (несомненно, советские, оставшиеся еще с лета 1941-го. - Б. С.). Изредка встречаются транспорты советских военнопленных. У них ужасный вид измученных до предела людей. Их охрана - немцы и полицейские с повязкой на рукаве и свастикой на пилотке. Свастика из белой жести величиной в 1 кв. см, а на повязке немецкая надпись "На службе германских вооруженных сил". Охрана вооружена винтовками.

Перед въездом в город по Корецкому шоссе расположены с левой стороны автозаправочные станции и организация "Тодт", также лагерь советских военнопленных. Шоссе вливается в город под названием "Немецкая улица". Она очень оживленна. У въезда в город громадное объявление: "Внимание военных! При приезде в город тотчас же зарегистрироваться в местной комендатуре. Отметка о прибытии и выбытии обязательна. Без нее занятие квартиры и ночевка запрещены".

На Немецкой улице две стоянки автомашин по 100 штук на каждой. Стоят день и ночь. На этой улице расположены основные немецкие военные учреждения. Ровно - это город тыловых военных учреждений. Много штабных офицеров, чиновников, гестапо, охранной полиции.

Я был в городе с 8.00 до 19.00 по немецкому времени. Меня приветствовали около 300 солдат и офицеров. Наивысший чин, попавший мне навстречу, - полковник (генералы-то пешком по городу не ходят. - Б. С.). Видел представителей финской, словацкой, румынской и итальянской армий (мало). Основной контингент - немцы средних и старших возрастов. Есть среди них инвалиды, кривые и т. д., но много и совсем молодых.

Проходят курсанты летной и полицейской школ. Все приветствуют образцово, по уставу. Солдаты в городе ходят со штыком на поясе, офицеры и унтер-офицеры - с пистолетами «вальтер». Много элегантно одетых немцев. Офицеры расквартированы по частным квартирам и частично в квартирах по шоссе на Дубно около аэродрома. По улице Словацкой, 4 расположен штаб связи. Во время моего наблюдения за этим штабом туда вошли полковник и капитан военно-воздушных сил. По улице Кёнигсбергской, в 50 метрах от улицы Немецкой, помещается жандармерия, напротив - гестапо (в действительности - СД, отдел безопасности имперского Главного управления безопасности, выполнявший контрразведывательные функции и заменявший гестапо на оккупированных территориях СССР; в советских документах его ошибочно именовали гестапо. - Б. С.), рядом гебиткомиссариат и далее рейхскомиссариат. Это здание усиленно охраняется. По улице Немецкой, 26 находится политическая полиция.

Прием у рейхскомиссара по вторникам и четвергам. Кох живет якобы на верхнем этаже. Его частная квартира - на Монополевой улице, 23.

Город наводнен шпиками, агентами гестапо. На улицах у киосков трутся штатские с велосипедами... Офицеры СС отчаянно спекулируют казенным имуществом, папиросами, табаком и т. д. Я беседовал в кафе с двумя такими офицерами. Они заняты тем, чтобы нажиться и не попасть на фронт..."

Это донесение не содержит оперативной информации, которой могло бы воспользоваться командование Красной Армии. Зато для историка оно ценно и сегодня, поскольку передает то, что называется бытом войны. Кузнецов не случайно фиксировал все эти мелочи: во что одеты солдаты и офицеры, как происходит проверка документов, где расположены основные учреждения. И особенно: как охраняется резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, где он живет и когда принимает просителей. Ведь ему, Кузнецову, предстояла "охота на Коха", и затем все это необходимо было для других разведчиков, которым предстояло работать в Ровно и иных городах во вражеском тылу. Даже какой значок на пилотке у полицейских, подробно описал: умельцам из отряда Медведева и в Москве предстояло сделать такие вот пилотки для партизан. И самому Кузнецову пришлось кое-что изменить в своей экипировке. Хотя забрасывали его под Ровно перед самой осенью, но снабдили почему-то только летним обмундированием. Срочно дослали осеннюю и зимнюю форму. А вскоре в отряде появился варшавский портной Ефим Драхман, которому посчастливилось бежать из гетто. Когда-то он первоклассно шил театральные костюмы. Теперь закройщик поставлял театральные гардеробы для пьесы, в которой игра велась со смертью. И Ефим не подвел. Сшитые им для Зиберта френчи, бриджи и шинель не только сидели на нем как влитые, но и совершенно ни единой деталью не отличались от тех, что носили офицеры вермахта.

Выяснилось, что пилотку, в которой Зиберт появился в Ровно, там носят только командированные с фронта. Тыловые офицеры предпочитают фуражку. Пришлось срочно обзавестись фуражкой и научиться ее правильно надевать и снимать: немцы делали это иначе, чем советские командиры, и на такой вот мелочи легко можно было погореть. И парабеллум, с которым поначалу ходил Зиберт, более пристал фронтовым офицерам, тогда как тыловики предпочитали более компактный "вальтер". Разведчик сменил и оружие.

Документы Кузнецова были надежны. Их сделали мастера своего дела на подлинных немецких бланках. Более 70 раз Зиберта останавливали патрули и ни разу ничего не заметили. Только, быть может, при последней проверке, когда были уже разосланы данные на псевдо-обер-лейтенанта документы не спасли...

В Ровно Кузнецов посещал рестораны и казино, знакомился с офицерами, получал от них нужную информацию, главным образом о переброске тех или иных дивизий на различные участки фронта. Однако срок ценности такой информации был невелик: всего несколько дней. Эти дни как раз и уходили на то, чтобы добраться до отряда Медведева и передать из него радиogramму в Москву. К моменту, когда она доходила до советского командования, продвижение неприятельских соединений и без того фиксировалось уже фронто-

вой разведкой. Правда, в ноябре 1942-го, в разгар Сталинградской битвы, Медведев рискнул направить в Ровно радистку, но через шестнадцать дней ее пришлось отозвать в отряд. В городе, где есть радиопеленгаторы и полно полиции, работать было слишком опасно. Вот и получалось, что, имея способности превосходного разведчика, Кузнецов в этом деле мог приносить только очень ограниченную пользу.

Основное, чем занимался Зиберт-Кузнецов в Ровно, был террор. Ему удалось уничтожить несколько высокопоставленных чиновников рейхскомиссариата. Высокопоставленных, замечу, только в масштабах оккупированной немцами Украины. В истории Второй мировой войны их имена сохранились только благодаря кузнецовским покушениям. Главной же мишенью для обер-лейтенанта Пауля Зиберта был сам рейхскомиссар и по совместительству гаулейтер Восточной Пруссии (по-нашему в то время - первый, скажем, секретарь Восточнопрусского обкома партии) Эрих Кох. Кузнецову даже удалось попасть на прием к нему. Предлог был подходящий. Проживавшая в Ровно Валентина Довгер, наша разведчица, была мобилизована для отправки на принудительные работы в Германию. Она отправила заявление Коху о том, что она "фольксдойче" - этническая немка и невеста обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта и просила оставить ее в Ровно для работы в каком-либо из немецких учреждений. В результате Валя Довгер и Пауль Зиберт были приглашены на прием к рейхскомиссару: обер-лейтенант хлопотал за свою "невесту". В описании Дмитрия Николаевича Медведева события в тот день, 31 мая 1943 года, развивались следующим образом:

"Адъютант Бабах, щеголеватый офицер в форме гауптмана, сразу узнал в вошедших протеже своего земляка Шмидта (дрессировщик собак Коха. - Б. С.), которым он, Бабах, сам заранее приготовил пропуска. Он проводил их на второй этаж, в приемную. Здесь сидело уже несколько офицеров. В кресле у окна, ожидая вызова, скучал тучный генерал.

- Я доложу о вашем приходе, - сказал Бабах и скрылся за дверью.

Маленький, юркий армейский офицерик конфиденциально спросил у Кузнецова, кивнув на Валю:

- Ваша?

- Да, - сказал Зиберт, посмотрев сверху вниз на армейца, давая этим понять, что его - Зиберта - нисколько не интересует мнение других.

- Говорят, гаулейтер сегодня в хорошем расположении духа, - как бы извиняясь за свой неуместный вопрос, сказал офицер. - Мы ждем его уже больше часа.

Приоткрылась тяжелая дверь. В приемной появился адъютант.

- Вас готовы принять, - произнес он, глядя на Валю. Остановил поднявшегося с места Кузнецова:

- Только фрейлейн.

Кузнецов смешался. Он не ожидал, что вызовут не его, а Валю. Овладев собой, он сел в кресло и обратился к офицеру с первой же пришедшей на ум, ничего не значащей фразой.

... Валя сделала лишь шаг вперед, как к ней в два прыжка подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула.

Раздался громкий окрик: "На место!" - и собака отошла прочь.

Только теперь Валя увидела, что в глубине, под портретом Гитлера, за массивным столом, развалившись в кресле, восседал упитанный, холеный немец с усиками под Гитлера, с длинными рыжими ресницами. Поодаль от него стояло трое гестаповцев в черной униформе.

Кох молча показал ей на стул в середине комнаты. Едва Валя подошла к стулу, один из гестаповцев встал между ней и Кохом, другой занял место за спинкой стула. Третий находился у стены, позади Коха, немного правее гаулейтера...

- Почему вы не хотите ехать в Германию? - услышала Валя голос Коха. Он сидел, уставясь в листок бумаги, в котором она узнала свое заявление. Валя немного смутилась и замедлила с ответом.

- Почему вы не хотите ехать в Германию? - повторил Кох, поднимая на девушку глаза. - Вы, девушка немецкой крови, были бы полезны в фатерланде.

- Моя мама серьезно больна, - тихо произнесла Валя, стараясь говорить как можно убедительнее. - Мама больна, а кроме нее у меня сестры... После гибели отца я зарабатываю и содержу всю семью. Прошу вас, господин гаулейтер, разрешить мне остаться здесь. Я знаю немецкий, русский, украинский и польский, я могу здесь принести пользу Германии.

- Где вы познакомились с офицером Зибертом? - спросил Кох, смотря на нее в упор.

- Познакомилась случайно, в поезде... Потом он заезжал к нам по дороге с фронта...

- А есть у вас документы, что ваши предки - выходцы из Германии?

- Документы были у отца. Они пропали, когда он был убит.

Кох стал любезнее. Разговаривая то на немецком, то на польском языке, которым он владел в совершенстве, он расспрашивал девушку о настроениях в городе, интересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда в числе знакомых она назвала не только сотрудников рейхскомиссариата, но и гестаповцев, в том числе фон Ортеля (о нем речь впереди. - Б. С), Кох был удовлетворен.

- Хорошо, ступайте. Пусть зайдет ко мне лейтенант Зиберт...

- Хайль Гитлер! - переступив порог кабинета и выбрасывая руку вперед, возгласил Кузнецов.

- Хайль! - лениво раздалось за столом. - Можете сесть. Я не одобряю вашего выбора, лейтенант! Если все наши офицеры будут брать под защиту девушек из побежденных народов, кто же тогда будет работать в нашей промышленности?

- Фрейлейн - арийской крови, - почтительно возразил Кузнецов.

- Вы уверены?

- Я знал ее отца. Бедняга пал жертвой бандитов.

Пристальный, ощупывающий взгляд гаулейтера упал на Железные кресты офицера, на круглый значок со свастикой (выдуманная автором деталь: Зиберт-Кузнецов вовсе не был членом НСДАП, поскольку членство в национал-социалистической партии офицеров вермахта было большой редкостью, и партийный значок привлекал бы к разведчику совсем ненужное ему внимание немцев. - Б. С.).

- Вы член национал-социалистической партии?

- Так точно, герр гаулейтер.

- Где получили кресты?

- Первый во Франции, второй на Остфронте.

- Что делаете сейчас?

- После ранения временно работаю по снабжению своего участка фронта.

- Где ваша часть?

- Под Курском.

- Под Курском?...

Ощупывающий взгляд Коха встретился со взглядом Кузнецова.

- И вы - лейтенант, фронтовик, национал-социалист - собираетесь жениться на девушке сомнительного происхождения?!

- Мы помолвлены, - изображая смущение, признался Кузнецов. - И я должен получить отпуск и собираюсь с невестой к моим родителям, просить их благословения.

- Где вы родились?

- В Кенигсберге. У отца родовое поместье... Я единственный сын.

- После войны намерены вернуться к себе?

- Нет, я намерен остаться в России.

- Вам нравится эта страна? - В словах Коха послышалось что-то похожее на иронию.

- Мой долг - делать все, чтобы она нравилась нам всем, герр гаулейтер! - твердо и четко, выражая крайнее убеждение в справедливости того, о чем он говорит, сказал Кузнецов.

- Достойный ответ! - одобрительно заметил гаулейтер и подвинул к себе лежавшее перед ним заявление Вали.

В это мгновение Кузнецов впервые с такой остротой физически ощутил лежащий в правом кармане брюк взведенный «вал ьтер». Рука медленно соскользнула вниз. Он поднял глаза и увидел оскаленную пасть овчарки, увидел настороженных гестаповцев. Казалось, все взгляды скрестились на этой руке, поползшей к карману и здесь застывшей.

Нет, стрелять - никакой возможности. Не дадут даже опустить руку в карман, не то что выдернуть ее с пистолетом. При малейшем движении гестаповцы готовы броситься вперед, а тот, что стоит за спинкой стула, наклоняется всем корпусом, так что где-то у самого уха слышно его дыхание, - наклоняется, готовый в любое мгновение перехватить руку...

Между тем гаулейтер, откинувшись в кресле и слушая собственный голос, продолжает:

- Человеку, который, подобно вам, собирается посвятить жизнь освоению восточных земель, полезно кое-что запомнить. Как выдумаете, лейтенант, кто для нас здесь опаснее: украинцы или поляки?

У лейтенанта есть на этот счет свое мнение.

- И те и другие, герр гаулейтер! - отвечает он.

- Мне, лейтенант, нужно совсем немного, - продолжает Кох. - Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поляка. Если до этого по дороге они пристрелят еврея, это будет как раз то, что мне нужно. Вы меня понимаете?

- Тонкая мысль, герр гаулейтер!

- Ничего тонкого. Все весьма просто. Некоторые весьма наивно представляют себе германизацию. Они думают, что нам нужны русские, украинцы и поляки, которых мы заставили бы говорить по-немецки. Но нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли... Мы будем германизировать землю, а не людей. Здесь будут жить немцы!

Кох переводит дух, внимательно смотрит на лейтенанта:

- Однако я вижу - вы не сильны в политике.

- Я солдат и в политике не разбираюсь, - скромно ответил Кузнецов (ответ для члена НСДАП, согласитесь, довольно странный. - Б. С.).

- В таком случае бросьте путаться с девушками и возвращайтесь поскорее к себе в часть. Имейте в виду, что именно на вашем курском участке фюрер готовит сюрприз большевикам. Разумеется, об этом не следует болтать.

- Можете быть спокойны, герр гаулейтер!

- Как настроены ваши товарищи на фронте?

- О, все полны решимости! - бойко отвечает лейтенант, глядя в глаза гаулейтеру.

- Многих испугали недавние события?

- Сталинград?... Он укрепил наш дух!

Гаулейтер явно удовлетворен столь оптимистическим ответом. Он еще раз любопытным взглядом окидывает офицера и, наконец, принимается за заявление его подруги. Он пишет резолюцию".

Медведев основывался в своем повествовании, по всему, как на личных беседах с Кузнецовым и Валентиной Довгер, так и на рапорте разведчика. А кое-что присочинил. Например, по легенде Зиберт не был дворянином, обладателем родового поместья (тогда к фамилии прилагается "фон"), а всего лишь лесничим (пригодилась довоенная профессия Кузнецова), а затем управляющим в имении князя Шлобиттена. Главное же, Медведев в своей документально-художественной книге почти целиком сочинил диалог Зиберта и Коха.

Посмотрим, как в действительности проходило знаменитое свидание террориста и гаулейтера. У нас есть такая возможность, поскольку сохранился отчет Кузнецова о визите к Коху. Вот о чем в нем говорится:

"...Я на фаэтоне с Валеи, Шмидтом и собакой Коха подъехали к рейхскомиссариату, вошли в вахтциммер (караульное помещение. - Б. С.), где было

около двадцати жандармов с автоматами, и взяли пропуск к Коху. Жандарм у ворот пропустил нас во двор дворца Коха. Прошли мимо второго жандарма, нас во дворе встретил адъютант. Он привел меня и Валу в нижний этаж дворца, где в приемной встретили нас одна дама и один приближенный Коха. Шмидт с собакой остались во дворе. В приемной нас попросили обождать, доложили о нашем приходе на второй этаж и попросили подняться. Мы оказались в квартире Коха. Здесь нас встретил адъютант или личный секретарь Коха, который попросил сесть и начал расспрашивать о цели приезда, после этого он ушел в кабинет Коха и вернулся с тремя высокопоставленными телохранителями Коха с крестами на груди (очевидно, это были офицеры СД. - Б. С.). Они отрекомендовались, осмотрев нас, и попросили Валу в кабинет.

Я остался ждать. Один ушел с Валея, двое остались, молча глядя на меня...

У меня в кармане на боевом взводе со снятым предохранителем лежал «вальтер» со спецпатронами (с ядом. - Б. С.), в кобуре еще один пистолет. В коридорчике перед кабинетом меня встретила черная ищейка, за мной шел один из приближенных. Войдя в кабинет, я увидел Коха, и перед ним двое, которые сели между мной и Кохом, третий стоял за моей спиной, за креслом - черная собака. Беседа продолжалась около тридцати - сорока минут. Все время охранники как зачарованные смотрели на мои руки. Кох руки мне не подал, приветствовал издали поднятием руки, расстояние было метров пять. Между мной и Кохом сидели двое, и за моим креслом сидел еще один. Никакой поэтому возможности не было опустить руку в карман. Я был в летнем мундире, и гранаты со мной не было.

Кох очень придирчиво ругал меня зато, что я решился просить за девушку не немецкой крови. Кох сказал: " Как вы можете ручаться за нее, у нас было много случаев, доказывающих, что нельзя ни за кого ручаться сегодня (насчет наличия "арийской крови". - Б. С.) ". Кох спросил меня, где я служил, в каких боях участвовал, в каком полку, давно ли я знаю девушку, откуда она, почему я о ней не навел предварительно справки в гестапо, где мои родные, в каких городах бывал, где и у кого работает мой отец, где мать, специальность, религия. Кох заявил мне, что если за каждую девушку, у которой убит отец, придут просить, то нам некого будет посылать в Германию...

В заключение он спросил меня, как и почему украинцы режут поляков, по моему мнению, кто хуже, поляки или русские, как уничтожить сопротивление поляков и русских одновременно, какого мнения наши офицеры и солдаты о подготовке наступления на Востоке.

Наконец, после подробного расспроса о боях на Востоке Кох взял карандаш и написал на заявлении Вали: "С получением работы в Ровно согласен. Кох". Заявление Вали он передал мне и предупредил об ответственности в случае, если Валя окажется шпионкой. (Вот смех: обращаться с таким предупреждением к настоящему - да еще какому - шпиону. - Б. С.) Снова приветствия, и я удалился, окруженный охранниками. В ожидании записали мое имя и адрес полевой почты, выпускали меня через другие двери, поздравляли много, даже один генерал пожал руку (этому "генералу", а в действительнос-

ти полковнику, главному судье Украины Альфреду Функу, Кузнецов конечно же не за рукопожатие через пять с половиной месяцев оплатил пулей. - Б. С.), затем мы обошли дворец, поблагодарили адъютанта за услуги, последний подарил мне и Шмидту по две пачки папирос. Мы вышли, сдали пропуска и уехали в город".

Видите разницу?! Одно дело: "... именно на вашем курском участке фюрер готовит сюрприз большевикам". И совсем другое: "... какого мнения наши офицеры и солдаты о подготовке наступления на Востоке? " В первом случае Кох проявляет недопустимую беспечность, шутя проговорившись перед первым встречным офицером о плане секретной операции " Цитадель". Во втором - отделался ничего не значащей фразой о подготовке вермахтом наступления - не отступления же - на Восточном фронте. Может, гаулейтер вот так хотел подбодрить молодого лейтенанта-фронтовика, ровным счетом ничего не зная о военных планах "на Востоке". Мол, ничего, после Сталинграда мы им оплатим. Да и откуда ему было знать? Кроме Гитлера о "Цитадели" были осведомлены только несколько высокопоставленных генералов и фельдмаршалов, но - никак не гаулейтеры.

Кстати, по легенде часть Зиберта располагалась под Ленинградом, а совсем не возле Курска. Даже если допустить, что интенсивные перевозки через Украину в последние недели навели Коха на мысль о предстоящем наступлении и, поразмыслив логически, он пришел к выводу, что оно состоится на южном крыле Восточного фронта, - эта информация никакой пользы советскому командованию принести не могла. Ведь как раз в то время в группе армий "Юг" по приказу тезки Коха фельдмаршала Эриха фон Манштейна свозили макеты танков к реке Миус, чтобы создать у противника ложное впечатление: генеральное наступление их будет в Донбассе.

Отмечу также, что, судя по отчету Кузнецова, Кох действительно говорил Зиберту, что для немцев совсем неплохо, если поляки и украинцы стреляют друг в друга, но зловещих тирад об уничтожении всего коренного населения Украины не произносил. Ведь даже геноцид против евреев нацистская верхушка таила от своего народа: считалось, что несчастных переселяют далеко на Восток... Даже проверенному члену партии никогда не стал бы говорить гаулейтер о намерении истребить всех славян во вверенном ему рейхскомиссариате, а тут перед ним совершенно незнакомый человек, пусть "соотечественник" и армеец.

Легенда о ценных сведениях по предстоящему немецкому наступлению на Курской дуге, полученных якобы Кузнецовым при аудиенции у Коха, скрывает конфуз и горечь от неудавшегося покушения на рейхскомиссара. Даже граната не помогла бы Кузнецову: до нее надо было еще дотянуться и выдернуть чеку. К тому же он на собственном опыте убедился, что и тяжелая граната полной гарантии успеха не дает. Когда он вышел на заместителя Коха Пауля Даргеля - противотанковая граната с дополнительным стальным чехлом с насечками ударилась о бровку тротуара - разрыв ее произошел в противоположную от Даргеля сторону, и тот отделался легкой контузией.

Получилось так, что, находясь в пяти метрах от Коха и разговаривая с ним сорок минут, Кузнецов не имел ровно никакой возможности выстрелить. Охрана гаулейтера, рейхскомиссара была организована психологически точно и надежно.

Напомню, что еще в советской номенклатуре рейхскомиссару соответствовал первый секретарь обкома или, в лучшем случае, республиканской парторганизации. Немецкие спецслужбы на чиновника такого уровня просто не стали бы тратить время и силы. А Гитлера же и Сталина охраняли несоизмеримо более основательно. Правда, другого рейхскомиссара, белорусского, Вильгельма фон Кубе, партизанам удалось уничтожить, но только благодаря тому, что бомбу в кровать жертвы подложила горничная, бывшая любовницей Кубе и советским агентом. А единственное покушение на Гитлера, имевшее действительно шанс на успех, было осуществлено 20 июля 1944 года опять же лицами из ближайшего окружения фюрера, обыкновенно присутствовавшими на его совещаниях. Шанса внедрить своих людей в "ближний круг" Гитлера и Сталина ни у советской, ни у немецкой разведки не было почти никакого. Оба диктатора не были падки до женщин. У Гитлера была одна постоянная любовница - Ева Браун. У Сталина после самоубийства Надежды Аллилуевой, кажется, не было даже любовницы.

Надо сказать, убийство Кубе принесло некоторую пользу советской стороне. Рейхскомиссар сотрудничал с белорусскими националистами, позволял им беспрепятственно вести культурную деятельность, издавать газеты и даже участвовать в местном самоуправлении. Репрессии, последовавшие за убийством Кубе, способствовали развитию партизанской войны. Правда, и при его преемнике отношение немецкой администрации к белорусским националистам не изменилось. Но Кох ведь, наоборот, всячески подавлял украинское национальное движение и тем самым, по сути, играл на руку Советам. Его ликвидация могла бы привести к либерализации оккупационной политики на Украине и тем самым только осложнить положение партизанских отрядов.

В книге Д. Н. Медведева немало и других вымыслов. Например, история с майором Мартином фон Гителем (иногда его фамилию произносят как "Геттель"), "угадавшем" в обер-лейтенанте Зиберте... агента Интеллидженс сервис и попытавшемся предложить англичанам свои услуги. Когда же он наконец понял, кто перед ним на самом деле, и схватился за пистолет, партизаны скрутили ему руки, допросили, а потом прикончили.

Дмитрий Николаевич так рассказывает об этих удивительных событиях:

"...Рабочий день в рейхскомиссариате окончился, и Валя (Довгер. - Б. С.) собиралась уже уходить, когда к ней подошел майор Гитель, которого она в последнее время все чаще и чаще заставляла в рабочей комнате экспедиции.

- Не разрешитли фрейлейн ее проводить? - спросил Гитель, наклоняясь к самому ее плечу и дыша перегаром.

- Сделайте одолжение, господин майор, - сказала Валя, отстраняясь...

Никто из Валиных сослуживцев толком не знал, чем занимается в рейхскомиссариате майор Гитель. Кабинет его на втором этаже бывал обычно зак-

рыт, самого майора заставляли то в одном месте, то в другом. Как будто деятельность его заключалась в хождении по коридорам.

Как-то, задержавшись у себя в экспедиции после положенного времени и идя к выходу, Валя заглянула в приоткрытую дверь и увидела Гителя за странным занятием: он копался, в ящиках чужого стола. Уже тогда Валя поняла, чем занимается в рейхскомиссариате этот рыжий щеголь и где он на самом деле работает (по сути, Гитель занимался тем же, чем занимался Кузнецов до того, как стать обер-лейтенантом Зибертом. - Б. С.).

- Фрейлейн замужем? - спросил Гитель и, не дав ей ответить, продолжал сам: - О, я знаю, у фрейлейн есть жених.

- Совершенно верно, - сказала Валя. - Он офицер, имеет высокое понятие о чести и вряд ли был бы особенно доволен вами и мной, увидев нас вместе.

Она думала, что, может быть, этим отвадит назойливого майора. Но того, по-видимому, меньше всего интересовал сегодня успех у женщин. После нескольких фраз Валя поняла, чему обязана этой беседой с Гителем.

- А где он служит, ваш жених? - спросил майор, продолжая размахивать стеклом. Валя обратила внимание на то, как украшен этот стек: серебряная инкрустация в виде черепа со змеей...

- Он фронтовик.

- Разве фронтовики служат не на фронте? - шевельнул бровями Гитель.

- Он по снабжению армии.

- И как часто он бывает в Ровно?

- Часто... Как этого требуют дела.

- Я спросил потому, что случайно видел вас вместе в приемной у рейхскомиссара, - сказал Гитель. - С тех пор вы и ваш жених... простите, я забыл его имя...

- Лейтенант Пауль Зиберт.

- ... Вы и ваш жених внушили мне самую искреннюю симпатию. Вы не окажете мне честь, не познакомите меня с лейтенантом Зибертом?

- Пожалуйста, - отвечала Валя".

И советская разведчица с готовностью исполнила просьбу назойливого майора, но весьма особым образом. Через несколько дней Лидия Лисовская и Мария Микота, одновременно агенты Зиберта и СД, устроили вечеринку и пригласили Гителя принять в ней участие. Что же было дальше? Предоставим опять слово Медведеву:

"...В числе прочих приглашенных был назван Пауль Зиберт.

- Зиберт? - повторил Гитель. - Это интересно. Приду с удовольствием.

- Придете ради этого Зиберта? - обиженно проговорила Майя (в книге "Сильные духом" Мария Микота фигурирует под именем Майя Микатова. - Б. С.). - Не понимаю, чем он заслужил ваше внимание? Обыкновенный пруссак. Я бы его не пригласила, но он встретил кузину (Лидия Лисовская. - Б. С.) и напросился.

- Я склонен думать, что это не "обыкновенный пруссак", - таинственно усмехнулся Гитель, - а самый настоящий английский шпион.

- Что вы, майор! - изумилась Майя и тут же деловито спросила: - В чем же дело? Почему вы его не берете?

- Потому, что никто, кроме меня, этого не подозревает, - не без гордости ответил Гитель. - Это моя находка, и прошу о ней пока не болтать... Впрочем, мне учить вас не надо. А потом, зачем же брать английского шпиона? Это не большевик. С ним можно подождать, посмотреть, что он за птица и чем может быть полезен..."

Тут майор Гитель нелепейшим образом сочетает в себе черты пронизательного контрразведчика и набитого дурака-штафирки, выкладывающего очень серьезные подозрения своему рядовому агенту, к тому же женщине, знакомой с подозреваемым.

Финал истории, для майора весьма печальный, Медведев излагает следующим образом:

"...На вечеринке у Лидии Лисовской, к удивлению Гителя, не оказалось никого, кроме Лидии, Майи да Зиберта, который уже ждал майора и, судя по всему, был рад возможности познакомиться. (Прямо как у Высоцкого: "Может, выпить нам, познакомиться, поглядим, кто быстрее сломается?" - Б. С.) Был он не один, а с денщиком, которого почему-то прихватил с собой на вечеринку (чтобы помог ему добраться обратно! - Б. С.).

Вечеринка длилась недолго. Гителя связали, заткнули рот кляпом и черным ходом вынесли во двор, где стояла наготове машина. Денщик сел за руль, и машина, проехав несколько улиц и миновав заставу, оказалась на шоссе, а там, после нескольких километров пути, свернула в лес...

Был какой-то органический порок и в самих фашистских разведчиках. Все они словно были рассчитаны на то, что в странах, где они действуют, их встретит немая покорность, что они будут "работать" на побежденной земле. Но они попали в страну, которая не хотела, не могла быть побежденной. И самонадеянные, дефективные, самовлюбленные гитлеровские разведчики терпели одно поражение за другим.

Майор Гитель, которого Кузнецов и Струтинский (игравший роль денщика обер-лейтенанта. - Б. С.) привезли в отряд, являл собою прекрасный образец такого разведчика-гитлеровца. Куда делся весь лоск "рыжего майора"! Он ползал в ногах, заливался слезами, умолял о пощаде. При допросе он рассказал все, что знал, в частности, сообщил много важных для нас данных о главном судье Функе - единственном из оставшихся в живых заместителе Коха (через несколько недель Кузнецов и Функа отправил в иной мир. - Б. С.). Сам Гитель, как выяснилось, был доверенным лицом этого палача Украины..."

Опять Гитель являет нелепый сплав смелости с трусостью и глупостью. Он не боится без всякой страховки идти на встречу с человеком, которого подозревает в работе на вражескую разведку, даже не уведомив об этом кого-либо из сослуживцев. Но, попавшись в руки партизан, проявляет позорное малодушие и удивительную несообразительность. Он валяется в ногах у партизан, вымаливая пощаду, и выкладывает сразу все, что знает. Между тем единственным для майора шансом спасти свою жизнь было если и не полное мол-

чание, то хотя бы не полная откровенность. Знай Гитель что-нибудь существенное, действительно представлявшее интерес для советской разведки, ему надо было бы вести себя совершенно иначе. Майору стоило бы лишь дать понять медведевцам, что он действительно обладает важной информацией, но показания даст только в Москве - и тем пришлось бы скрепя сердце отправить его самолетом на Большую землю. Но Гитель, словно дурак, сразу выложил все, ничего про запас не оставил, а на "отработанный материал" незачем тратить бензин...

В сюжете книги Медведева бросается в глаза еще целый ряд нелепостей. Раз Гитель понял, что симпатичный обер-лейтенант не тот, за кого себя выдает, значит, майор был достаточно проницательным контрразведчиком. Но почему же тогда этому умнику не пришла в голову одна элементарная мысль: что делать английскому агенту в заштатном Ровно, за тысячи миль от благословенных Британских островов? И чем могла заинтересовать Интеллидженс сервис столица "рейхскомиссариата Украины"? И как "матерый британский шпион" Зиберт. передавал информацию отсюда? Через партизан Медведева? На прямые радиопередачи из Ровно решился бы разве что камикадзе.

Видимо, понимая несообразность того, что рассказано о похищении и убийстве Гителя в книге "Сильные духом", соратник Кузнецова Николай Владимирович Струтинский (в качестве денщика Зиберта он вязал руки и затыкал рот несчастному майору) в своей повести "Подвиг" выдал несколько иную версию событий:

"... Кузнецов сообщил о новом задании командования отряда:

- Прежде чем разделаться с генералом Ильгеном (командующий Восточными войсками - коллаборационистскими формированиями вермахта; его разведчик захватил в один день с убийством Функа. - Б. С.), мы должны убрать опасного фашиста Гителя. Завтра у меня с ним свидание, и оно весьма кстати. От Лисовской я узнал высказанное гестаповцем подозрение о моей принадлежности к иностранной разведке.

- Советской? - наивно прозвучал мой вопрос.

- Если бы! Всего-навсего... английской!

Мы все дружно рассмеялись. Николай Иванович продолжил:

- Смешно, конечно! Но, как говорят, дыма без огня не бывает. Раз завел он разговор на эту тему с Лисовской, то, несомненно, ему предшествовал подобный - в другом месте. Хотелось бы только знать, кто пустил провокационный слухок? Если об этом один Гитель болтает, меня меньше волнует. Может, просто из-за ревности? Задался целью меня скомпрометировать перед красивой женщиной?... Но мы, надеюсь, опередим события и избавим не в меру любопытного Гителя от его обременительных забот.

С Гителем Николая Ивановича познакомила Лисовская. Немец отрекомендовался начальником хозяйственного отдела рейхскомиссариата, а Кузнецов - офицером вермахта Паулем Зибертом. Перед Зибертом предстал фашист с приплюснутой головой и округленным лицом (убийственное определение

фашиста! - Б. С.). По верхней тонкой губе ниточкой пробежали усики. Гитель любил хвастать своими похождениями. Особенно трагично звучал его рассказ о бесстрашном бое с русскими и его пленении.

- Несчастный! - сочувствовала Лидия Ивановна. - Как же вам удалось выбраться из того ада?

- Любовь к фатерлянду, моя милая.

В действительности все происходило иначе. Гитель трусливо сдался в плен и немедленно объявил о своей принадлежности к Коммунистической партии Германии. Он пустил в ход и такую версию, будто по заданию центра вошел в доверие приближенных Эриха Коха и не раз информировал подполье о готовящихся фашистами акциях против мирного населения. Из плена он бежал. Милостью Эриха Коха Гитель стал начальником отдела при рейхскомиссариате Украины...

Как только Кузнецов ушел, Гитель изменил тон и нелестно отозвался о чванливом и заносчивом офицере. Он не постеснялся повторить версию о подозрительной личности Зиберта. Уж слишком долго находится он в командировке в Ровно! Лидия Ивановна рассмеялась:

- В данном случае вами руководит чувство зависти, обыкновенной мужской зависти!

- Нет, нет, милая моя. Мной руководит только солдатский долг.

- И чего это вдруг, с первой встречи заподозрить в нем шпиона?

- Милая моя, не с первой...

Теперь Гитель понял, как он глупо проболтался, и недоверчиво посмотрел на Лисовскую. Он наполнил рюмку и залпом выпил ром.

- Хочу верить, милая моя, о моем откровении никто не узнает! Ни гу-гу!

- Помилуй бог! Избавьте меня от подозрений, я далека от таких поступков!

- И даже ваш...

- Тем более Пауль Зиберт!

"... - Время было позднее, Гитель собрался, но попросил разрешения прийти ко мне. Вот, пожалуй, и все, если не считать его противных сентиментальностей, - заключила Лисовская. - Передайте Николаю Ивановичу мое мнение: Гитель опасен для всех нас. Поэтому... В общем, подумайте совместно".

И Кузнецов, по словам Струтинского, решил последовать совету своего агента - Лисовской. Брать Гителя решили на квартире другого агента - голландца Хуберта Гляза, сотрудника рейхскомиссариата. Николай Иванович заключил: "Пожалуй, самый подходящий адрес. При встрече со мной голландец сказал: если вам нужен будет человек для риска, вспомните обо мне. Вот и вспомнил".

Струтинский тут же несколько противоречит себе, уверяя, будто сначала Гителя собирались брать на квартире подпольщиков супругов Стукало, но у их дома неожиданно оказались посторонние люди, и пришлось переключиться на квартиру Гляза как запасной вариант.

На следующий день обер-лейтенант Зиберт заглянул к Лисовской и застал там Гителя. Он предложил майору от Лисовской пойти вдвоем "по девоч-

кам". Гитель воодушевился: "Вы, Зиберт, кудесник! Вслед за необыкновенным ромом вы предлагаете красавиц! Как можно отказаться? Разумеется, едем!"

Струтинский далее вспоминает:

"Мы подъехали к дому Хуберта Гляза. Зиберт и Гитель вошли в квартиру, я последовал за ними с бутылками рома и коньяка.

- А где же девушки? - недоумевал Гитель.

- Не спешите, мой друг, они еще заняты туалетом, скоро появятся во всем своем ослепительном блеске. Вино! - скомандовал Зиберт.

Я подал отличное французское вино, предварительно вытерев бутылку влажным полотенцем. Два хрустальных бокала красиво искрились. Гитель взял бутылку, приподнял брови и удовлетворенно подморгнул:

- Очень хорошо!

После второго бокала я подошел к Зиберту и заботливо предложил освободиться от ремней: "Ведь они стесняют!" Николай Иванович снял ремень вместе с кобурой и облегченно вздохнул. В кармане брюк лежал запасной вальтер.

- Разрешите? - вежливо обратился я к Гителю. Немец, правда с меньшим энтузиазмом, тоже снял ремни с кобурой. Я повесил их на вешалку на виду у гостей...

Я сел за стол вместе с другими. Это обстоятельство возмутило Гителя. Как так! Рядовой солдат, а ведет себя как равный! В тот момент, когда я отвечал на вопросы Гителя, взбудораженного моим бестактным поведением, Кузнецов зашел за его спину, моргнул мне и с силой навалился на гестаповца. Я тут же ринулся на помощь, заломил руки фашиста за спину. Подоспел и Хуберт Гляз. Он воткнул в рот хрипевшему Гителю кляп. Фашист понял свое безвыходное положение и с выпученными от страха глазами замотал головой, подтверждая свою готовность пойти на все условия, лишь бы ему сохранили жизнь".

Теперь Кузнецов начал с майором "задушевную" беседу:

" - Слушайте, Гитель. Скажите правду, что вы знаете о немецком офицере, которого заподозрили в сотрудничестве с иностранной разведкой?"

Гитель потрясенно молчал.

- Если вы не хотите говорить, я не настаиваю, - ласково продолжал обер-лейтенант Зиберт. - Тогда вы умрете без покаяния.

- Нет, нет! - в отчаянии заорал майор, взывая к чувству расовой солидарности. - Вы немец и не совершите преступления против немца!

- Говорите! - великодушно разрешил Кузнецов.

- О вас, обер-лейтенант, я знаю, только одно: вы очень часто приезжаете в Ровно и неизвестно откуда. Меня это заинтересовало, ведь если бы вы подольше были на фронте, я бы свободнее себя чувствовал в... обществе Лидии Ивановны...

- Кому вы сказали о своих подозрениях? - поинтересовался Кузнецов.

- Только... Только Лидии Ивановне. Я сам хотел с вами разобраться. Но свои намерения, как видите, не выполнил".

Под конец у Струтинского противники говорят патетически:

" - За меня отомстят! Кузнецов заметил:

- Поздно. Мы выполняем приговор народа!" Гителя пристрелили, затолкали тело в брезентовый мешок и утром зарыли на огороде.

Версия Струтинского отличается от версии Медведева тем, что главным мотивом действий Гителя выступает не стремление войти в связь с английской разведкой через ее агента Зиберта, а ревность к этому Зиберту. Но и в этом случае действия майора выглядят нелепо. Если он настороженно относился к обер-лейтенанту как к сопернику и к тому же подозревал его в шпионаже, то почему так легкой даже с воодушевлением принял приглашение Зиберта ехать в незнакомое место, да еще в одиночку? А избавиться от соперника Гитель мог очень легко и безопасно: доложить начальству о своих подозрениях, оно бы запросило Берлин, и вскоре бы выяснилось, что Пауль-Зиберт в кадрах вермахта не числится. Ему - пуля в застенке СД, а Гителю - медаль или даже Железный крест за бдительность! Чем плохо! Так нет, майору, хоть и был он, по уверениям Струтинского, из робких, захотелось вдруг рискованных приключений - и поплатился головой.

Струтинский приписывает Гителю еще и двурушничество в советском плену, чтобышний раз показать подлую натуру майора и убедить нас: этого фашиста было бы грех не вывести в расход. Но вот, в отличие от Медведева, он ничего не говорит о связи Гителя с судьей Функом, поскольку называет майора начальником хозяйственного отдела рейхскомиссариата. Между тем, думаю, тут Медведев не фантазирует. Именно в близости Гителя к Функу и было все дело. Вероятно, майор хорошо знал привычки и распорядок дня судьи, его апартаменты, и понадобился готовившим покушение на судью партизанам всего лишь в качестве "языка". Получив необходимые сведения, Кузнецов и Струтинский Гителя прикончили. Вряд ли майор имел какое-то отношение к контрразведке, да и в советском плену, скорее всего, не был. Ну как, скажите, удалось ему из лагеря немецких военнопленных под Красногорском добраться до Ровно?

Вероятно, с той же целью, что и Гителя, при похищении генерала Ильгена Кузнецов и его товарищи прихватили с собой и личного шофера рейхскомиссара Пауля Гранау. Видимо, рассчитывали получить у него подробные сведения о маршрутах поездок и распорядке дня шефа. Затем шофера Коха постигла та же участь, что и Гителя. Граунау пристрелили вместе с Ильгеном, а трупы зарыли на хуторе между селами Новый Двор и Чешское Квасилово.

Что же касается таинственного майора фон Ортеля, то его история представляется совершенно фантастической. Согласно мемуарам Медведева, дело обстояло следующим образом:

" Если одну черту в характере фон Ортеля - его непомерное тщеславие - Кузнецов уловил с самого начала их знакомства и, уловив, начал искусно играть на этой струнке, то теперь ему открылась другая черта, более важная,

объясняющая всего фон Ортеля, со всеми кажущимися противоречиями. Этой чертой в характере Ортеля был цинизм...

Зиберт оставался верен своему обыкновению ни о чем не спрашивать. И его собеседник ценил в нем эту скромность.

- Послушай, Пауль, - предложил он вдруг, - а что если тебе поехать со мной? О, это идея! Клянусь богом, мы там не будем скучать!

- Из меня плохой разведчик, - уклончиво сказал Кузнецов (по правилам жанра отменный советский разведчик прикидывается неумехой в этом деле, чтобы вызвать улыбку у читателей; отсюда чисто литературное происхождение диалога Зиберта с Ортелем. - Б. С.).

- Ха! Я сделаю из тебя хорошего!

- Но для этого нужно иметь какие-то данные, способности...

- Они у тебя есть. Ты любишь хорошо пожить, любишь удовольствия нашей короткой жизни. А что ты скажешь, если фюрер тебя озолотит? А? Представляешь - подарит тебе, скажем, Волынь или, того лучше, земли и сады где-нибудь на Средиземном море. Осыплет тебя всеми дарами! Что бы ты на это сказал?

- Я спросил бы: что я за это должен сделать?

- Немного. Совсем немного. Рискнуть жизнью. - Только-то?! - Кузнецов рассмеялся. - Ты шутишь,

Ортель. Я не из трусов, жизнью рисковал не раз, однако ничего за это не получил, кроме ленточек на грудь.

- Вопрос идет о том, где и как рисковать. Сегодня фюрер нуждается в нашей помощи... Да, Пауль, сегодня такое время, когда надо помочь фюреру, не забывая при этом, конечно, и себя...

Пауль молча слушал.

И тогда фон Ортель сказал ему, куда он собирается направить свои стопы. Он едет на самый решающий участок фронта. Тут Пауль Зиберт впервые задал вопрос:

- Где же он, этот решающий участок? Не в Москве ли? Или, может быть, надо на парашютах выброситься в Тюмень? Черт возьми, мне все равно, где он!

- За это дадут тебе, Зиберт, лишний Железный крестик. Нет, мой дорогой лейтенант, решающий участок не там, где ты думаешь, и не на парашюте нужно туда спускаться, а приехать с комфортом, на хорошей машине и, что особенно запомни, нужно уметь носить штатское.

- Не понимаю. Ты загадываешь загадки, Ортель! - В голосе Кузнецова прозвучала ирония. - Где же тогда этот твой "решающий участок"?

- В Тегеране, - с улыбкой сказал фон Ортель.

- В Тегеране? Но ведь это же Иран, нейтральное государство!

- Так вот именно здесь и соберется в ноябре "Большая тройка": Сталин, Рузвельт и Черчилль...

И фон Ортель сказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которо-

го Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он может сказать ему прямо: предполагается ликвидация "Большой тройки". Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа - в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не следует болтать.

- Теперь-то ты понимаешь наконец, как щедро наградит нас фюрер?

- Понимаю, - кивнул Зиберт. - Но уверен ли ты, что мне удастся устроиться?

- Что за вопрос?! Ты узнай сначала, кому отводится одна из главных ролей во всей операции.

Зиберт промолчал.

- Мне! - воскликнул фон Ортель и рассмеялся, сам довольный неожиданностью признания. Он был уже порядком пьян..."

Как раз после этого разговора Кузнецов скрутил злосчастного Гителя и прибыл в отряд. Там он заявил о своем намерении прикончить фон Ортеля:

- Я едва сдержался и не убил его там - в казино.

- И прекрасно сделали, что сдержались, - успокоил разволновавшегося разведчика его непосредственный начальник. - Вообще, надо подумать, нужно ли убивать Ортеля?

- Товарищ командир, - дрожащим от волнения голосом промолвил Николай Иванович, -этот гестаповский выродок хочет посягнуть на жизнь нашего вождя! Как вы можете меня удерживать?!

- Вы только что сказали, - увещевал разбушевавшегося Пуха Медведев, - что Ортель возглавляет целую группу террористов, предназначенных для Тегерана. А вы знаете эту группу? Нет. Здесь, в Ровно, вы сможете убить одного только Ортеля, а в Тегеран поедут те, кого мы не знаем и знать не будем. Ортеля надо не убивать, а выкрасть его из города живым. Здесь мы от него постараемся узнать, что за молодчики готовятся к поездке в Тегеран, их приметы, возможно, и адреса в Тегеране... Садитесь и напишите пока подробные приметы самого Ортеля. Обо всем, что вы сказали, и эти приметы мы сегодня же сообщим в Москву.

Кузнецов, закончив словесный портрет Ортеля, с возмущением сказал:

- Этот прожженный шпион еще до войны пытался работать в Москве!... Он говорит, что ходил как по раскаленному песку. Они, лишенные долга, родины, чести, не понимают, что в Советском Союзе весь народ - разведчики!

И далее в книге "Сильные духом" идет патетическая тирада: "Весь народ - разведчики!... Взять хотя бы самого Кузнецова. Рядовой инженер, человек по существу сугубо гражданский, никогда не помышлял стать разведчиком, а между тем в поединке с ним, с мирным человеком, потерпел поражение крупный немецкий разведчик-профессионал, прошедший не одну школу..."

То ли Медведев действительно не знал подлинную биографию Кузнецова, то ли не имел права говорить правду. Но мы знаем, что Кузнецов был лесничим, а не инженером, и его связь с органами госбезопасности до появления в Ровно обер-лейтенанта Пауля Зиберта длилась уже десять лет. "Мирным че-

ловеком" Кузнецова называть никак нельзя, хотя он и не имел воинского звания.

А история с Ортелем, по словам Медведева, закончилась ничем:

"...Кузнецов случайно встретил Макса Ясковца (немецкий офицер, приятель Ортеля. - Б. С). Тот сообщил ему о том, что есть слух, будто застрелился фон Ортель...

Самоубийство фон Ортеля Кузнецову показалось подозрительным. Он не хотел этому верить еще и потому, что смерть этой гадины окончательно расстраивала план, намеченный командованием отряда... После получения задания о похищении фон Ортеля Николай Иванович его не видел. Но о том, что он находится в Ровно, Кузнецов знал от Вали: она несколько раз встречала его. И Кузнецов надеялся, что не сегодня завтра он выполнит задание.

"О предстоящей встрече "Большой тройки" в Тегеране никому неизвестно, - думал он теперь. - Возможно, что это вообще фантазия, которую придумал этот гестаповец, чтобы получить от меня лишнюю сотню марок. А вдруг эта тегеранская встреча будет? Как теперь узнать, кто из террористов туда поедет? "

Кузнецов поспешил к Лидии Лисовской - двойному агенту; работая на партизан Медведева, она прикинулась завербованной Гителем и Ортелем и дурачила их. У Лисовской его сомнения насчет самоубийства майора подтвердились: "Три дня назад Ортель был у меня. Зашел проститься. Он собирался куда-то лететь из Ровно. Об отлете он просил меня не рассказывать никому, а если, говорит, скажут, что меня нет, что со мной что-нибудь случилось, то не опровергайте этого. Обещал привести хороший подарок. Когда я услышала о самоубийстве, мне показалось, что тут что-то не так. Ортель уехал, а слух, что он покончил с собой, распустили гестаповцы".

По Медведеву, расстроенный Кузнецов отправил в отряд письмо, где корил себя за то, что не успел захватить Ортеля и дал ему возможность улизнуть из Ровно.

Но почему же обер-лейтенант Зиберт так и не смог захватить майора Ортеля? Мне кажется, что ответ тут очень прост: майора этого не существовало в природе. И вся история с готовящимся в Ровно покушением на "Большую тройку" была расчетливой фантазией Дмитрия Николаевича Медведева. Между прочим, фон Ортель называет Черчилля, Рузвельта и Сталина "Большой тройкой", а ведь это наименование было в ходу только в странах антигитлеровской коалиции, но отнюдь не в Германии.

Эта выдумка имела свое продолжение. В советской публицистике муссировались слухи о том, что будто к неудавшемуся покушению в Тегеране был причастен знаменитый авантюрист, похититель Муссолини - Отто Скорцени. А поползли они после того, как знаменитый мастер спецопераций, казалось, сам подтвердил это в интервью парижскому журналу "Экспресс" в 1964 году:

" Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные - это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции.

Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции - той, что проходила в Тегеране... Но бац! (Смеется.) Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом..."

Не уловив веселой издевки над легковерием историков и журналистов, явной мистификации в ответе Скорцени, Павел Анатольевич Судоплатов без тени сомнения и смущения написал в своих мемуарах:

"Партизанскому соединению под командованием полковника Медведева первому удалось выйти на связи Отто Скорцени... Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат своих людей с целью подготовки и нападения на американское и советское посольство в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки». Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов (моложе самого Судоплатова всего на четыре года. - Б. С.) под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами, Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки»".

Оттого что Судоплатов заменил Ортеля на Остера, медведевская, а вернее теперь уже судоплатовско-медведевская, версия не стала убедительней. Слишком уж много в ней бросающихся в глаза нелепостей. Ну зачем предназначенным для Тегерана террористам тренироваться в предгорьях Карпат, где действовали отряды Украинской Повстанческой Армии, польской Армии Крайовой и менее многочисленные, но гораздо лучше обученные и вооруженные советские партизанские отряды вроде медведевского? Почему бы не послать людей Скорцени в гораздо более безопасные Баварские Альпы? И зачем было лагерь для подготовки покушения в Тегеране оборудовать в Копенгагене? Неужели рельеф и климат в Дании и Иране имеют большое сходство? И что было делать Ортелю в Ровно, все-таки удаленного от Карпат и наводненного советской агентурой? Да и Скорцени, вот беда, в своих послевоенных мемуарах ни словом не обмолвился о своих планах насчет "Большой тройки" в Тегеране или в каком-либо ином месте. А ведь это только прибавило бы его воспоминаниям сенсационности! Зато Скорцени точно сообщает, где именно он был в конце ноября и начале декабря 1943-го, во время Тегеранской конференции. Оказывается, любимец фюрера в это время обретался в Париже, чтобы, в случае чрезвычайных обстоятельств, с помощью своих

людей пресечь попытку правительства Виши укрыться в оккупированной западными союзниками Северной Африке. Полученный Скорцени приказ гласил:

"Окружить город Виши кордоном немецких войск, соблюдая все меры предосторожности и как можно незаметнее. Военные силы должны быть расставлены так, чтобы по первому же сигналу из Ставки немедленно перекрыть все выходы из города и воспрепятствовать любой попытке бегства, в пешем порядке или на машине. Кроме того, следует поставить в резерв боевую группу достаточной мощности для того, чтобы по второму сигналу перекрыть выходы и в случае необходимости захватить здание собственно французского правительства. Войска, которые примут участие в этой операции, должны быть подчинены майору Скорцени..."

Согласитесь, что на подготовку нападения на советское и американское посольства в Тегеране это совсем не похоже, а Скорцени не вездесущ, как дьявол.

Поведение же Зиберта в разговоре с фон Ортелем выгладит и вовсе странным. Как мы помним, даже в случае с самим Кузнецовым, в прошлом давним, проверенным осведомителем, прежде чем пригласить его на работу в Москву, там несколько месяцев изучали его личное дело. А Ортель вот с налету сватает Зиберта для гораздо более деликатной миссии, чем "подкладывать" московских балерин немецким дипломатам. Неужели бы майор не запросил прежде Берлин о даровитом, многообещающем обер-лейтенанте Пауле Зиберте? Тогда очень скоро последовал бы ответ, что такой офицер в составе вермахта не числится, и Кузнецов был бы схвачен. Его следующая встреча с майором наверняка состоялась бы в застенке СД. Да если бы Ортель действительно начал с Зибертом такой разговор о Тегеране, умного разведчика Кузнецова он только бы насторожил: а не собираются ли его тут же, в казино, арестовать?

И почему вдруг организацией покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля должен был, со слов Ортеля, заниматься шеф гестапо Генрих Мюллер? Не потому ли, что Медведев по советской традиции всех сотрудников германской службы безопасности СД называл гестаповцами? Но вот Вальтер Шелленберг, шеф 6-го управления имперского Главного управления безопасности, как раз и занимавшийся разведкой и другими специальными операциями в тылу противника, ровным счетом ничего не сообщает в своих мемуарах о подготовке покушения в Тегеране в ноябре-декабре 1943 года.

Думаю, что и фантазию Судоплатова питало цитировавшееся выше сообщение "Правды" о якобы готовящемся покушении на "Большую тройку". Практически осуществить такое покушение немецкие спецслужбы тогда вряд ли могли. Сеть Франца Майера в Иране еще существовала, но находилась под плотным колпаком советской и британской контрразведок. Остается загадкой, каким образом немецкие террористы могли быть переброшены из Рейха в Тегеран. Высадка с моря исключалась: подводной лодке пришлось бы пуститься в плавание вокруг мыса Доброй Надежды, а судов, способных

осуществить столь долгий автономный переход, в Германии, да и во всем мире тогда попросту еще не было. И как, интересно, Скорцени умудрился бы вывезти Рузвельта из Ирана, когда бы волшебным образом ему удалось похитить его?

Главное же, смысла в устранении всей "Большой тройки" или кого-либо из этих трех для Гитлера не было никакого. В конце 1943 года немцы в войне ставили уже только на выигрыш во времени. Они надеялись не столько на призрачное чудо-оружие, сколько на раскол антигитлеровской коалиции, а этой цели невиданный теракт в Тегеране мог только повредить. Гибель одного из лидеров заставила бы его преемника вести войну до победного конца, совершенно независимо от отношения и к Гитлеру, и к партнерам по коалиции. Английское и американское общественное мнение просто не позволило бы Энтони Идену и Гарри Трумэну действовать иначе. В СССР, понятное дело, общественное мнение никакой существенной роли не играло. Но и у нас ничто не указывало на то, что гипотетические преемники Сталина, скажем, Молотов, Маленков или Жданов, могут пойти ни сепаратный мир с Германией, когда до полной победы осталось совсем немного. Ко всему, Шелленберг пишет, что только осенью 1944-го Гитлер был готов санкционировать попытку покушения на Сталина, хотя и это свидетельство, как мы увидим далее, вызывает некоторые сомнения.

Как погиб разведчик Николай Иванович Кузнецов? К сожалению, это до сих пор покрыто туманом неопределенности.

Когда советские войска подошли к Ровно, Кузнецов - произведенный в капитаны Зиберт - командованием партизанского отряда был направлен во Львов. Там он застрелил вице-губернатора дистрикта Галиция Отто Бауэра и шефа канцелярии президиума правительства дистрикта доктора Генриха Шнайдера. Но потом удача изменила ему. На выезде из Львова, у села Куровицы, 12 февраля автомобиль, в котором ехали капитан Зиберт и еще два советских разведчика в форме немецких солдат - Ян Каминский и Иван Белов, был остановлен патрулем фельджандармерии. К тому времени документы Пауля Зиберта были уже засвечены во время убийства во Львове подполковника люфтваффе Ганса Петерса. Тот перед смертью успел назвать имя капитана, у которого пытался проверить документы. Старший патруля майор Кантер потребовал у Кузнецова разрешение на выезд из города. Такого разрешения у Пауля Зиберта, естественно, не было. Раньше все нужные документы без труда изготовляли в отряде Медведева. Но теперь "Победители" были далеко, и приходилось полагаться только на себя. Кузнецов раздумывал недолго. Увидев, что один из жандармов поднял шлагбаум, пропуская встречный грузовик, он выхватил "вальтер" и двумя выстрелами в упор смертельно ранил Кантера. Водитель Белов сразу дал газ и успел прорваться через опускающийся шлагбаум. Жандармы открыли огонь вслед машине и пробили задние скаты. Метрах в восьмистах от поста автомобиль свалился в кювет. Кузнецов и его товарищи скрылись в лесу. Теперь им предстояло пробираться к линии фронта, тщательно избегая встреч как с немецкими патрулями, так и с

отрядами Украинской Повстанческой Армии. Последние могли уничтожить их и как немцев и как советских разведчиков.

Зиберту и его спутникам еще раз роковым образом не повезло уже у самой цели.

Д. Н. Медведев впервые предал гласности в своей книге следующий документ:

"От начальника полиции безопасности
и СС по Галицийскому округу
14 Н- 90/44. Секретно.
Государственной важности.
Гор. Львов. 2. IV. 44 г.
Считать дело секретным,
государственной важности.
Телеграмма-молния
В Главное управление имперской безопасности*
для вручения группенфюреру СС
генерал- лейтенанту полиции Мюллеру лично.
Берлин.

При одной из встреч 1. IV. 44 украинский делегат сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2. III. 44 задержаны в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Воынь) три советских агента. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них

* *Правильнее - Имперское Главное управление безопасности. - Прим. автора.*

«Газета Львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан представителем УПА. Речь идет о советском партизане - разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена. Во Львове Зиберт был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президиал-шеф (начальник правительственной канцелярии. - Б С.) доктор Шнайдер. Оба этих немецких государственных деятеля были расстреляны неподалеку от их частных квартир. В отчете Зиберта дано описание акта убийства до малейших подробностей.

Во Львове Зиберт расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц, среди них майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали.

Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, о захваченных боеприпасах и т. д. кажутся точными. От боевой группы Прицмана (другая транскрипция этой фамилии: Прютцман. - Б. С.) поступило сообщение о том, что Пауль Зиберт и оба его сообщника

расстреляны на Волыни националистами-бандеровцами. Представитель ОУН подтвердил этот факт и обещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы.

Начальник полиции безопасности и СС
по Галицийскому округу
оберштурмбанфюрер СС
и старший советник управления
доктор Витиска
[подпись]".

Этот документ, найденный в помещении СД и полиции безопасности во Львове в октябре 1944-г., свидетельствовал, что Кузнецова нет в живых. 5 ноября 1944 года его удостоили звания Героя Советского Союза. Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов были награждены орденом Отечественной войны I степени. Поскольку тела разведчиков не были найдены, слово "посмертно" в указе проставлять не стали. Может быть, надеялись на чудо?

Более полный текст телеграммы-молнии от 2 апреля 1944 года за номером 14 Н-90/44 был приведен только в 1998 году в книге Теодора Гладкова "С места покушения скрылся...". Вот основные пункты этого документа, опущенные в книге Медведева:

"Относительно: жены активиста-бандеровца Лебедь, находящейся в настоящее время в заключении в концентрационном лагере Равенсбрюк...

Некоторое время тому назад конспиративным путем до меня дошли сведения о желании группы ОУН-Бандеры в результате обмена мнений определить возможности сотрудничества против большевиков. Сначала я отказывался от всяких переговоров на основании того, что обмен мнений на политической базе заранее является бесцельным. Позже я заявил, что готов выслушать желание группы ОУН-Бандеры. 5 марта 1944 года была встреча моего референта-осведомителя с одним украинцем, который якобы уполномочен центральным руководством ОУН-Бандеры для ведения переговоров с полицией безопасности от имени политического и военного сектора организации и от территориальных организаций всех областей, где проживают или могут проживать украинцы.

В дальнейшем референт-осведомитель вел переговоры главным образом для того, чтобы получить интересующие полицию безопасности сведения о польском движении сопротивления и о положении с советской стороны фронта, атакже в советском тылу, обещая взамен рассмотреть возможность освобождения арестованных бандеровцев.

При одной встрече 1.IV. 1944 года украинский делегат сообщил, что одно подразделение УПА 2. III. 44 задержало в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Волынь) трех советско-русских шпионов. Судя по документам этих трех задержанных агентов, речь идет о группе, подчиняющейся непосредственно Ф., генералу ГБ НКВД.

УПА удостоверила личность трех арестованных, как следует ниже:

1. Руководитель группы под кличкой Пух имел фальшивые документы старшего лейтенанта германской армии, родился якобы в Кенигсберге (на удостоверении была фотокарточка Пуха. Он был в форме немецкого оберлейтенанта).

2. Поляк Ян Каминский.

3. Стрелок Иван Власовец (под кличкой Белов), шофер Пуха (тут Витиска явно напутал: настоящая фамилия шофера была Белов, а Власовцом он значился только по фальшивым документам русского «добровольного помощника» вермахта. - Б. С.).

Все арестованные советско-русские агенты имели фальшивые немецкие документы, богатый материал - карты, немецкие и польские газеты, среди них «Газета Львовска» и отчет об их агентурной деятельности.

Судя по этому отчету, составленному лично Пухом, им и обоими его сообщниками в районе Львова были совершены следующие террористические акты.

После выполнения задания в Ровно Пух направился во Львов и получил квартиру у одного поляка, затем Пуху удалось проникнуть на собрание, где было совещание высших представителей властей Галиции под руководством губернатора-доктора Вехтера. Пух намеревался расстрелять доктора Вехтера. Из-за строгих предупредительных мер со стороны полиции безопасности осуществить этот план не удалось, и вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его секретарь доктор Шнайдер...

После совершения акта Пух и его сообщники скрывались в районе Злочева, Луцка и Киверцы, где нашли убежище у скрывавшихся евреев, от которых получали карты и газеты. Среди них «Газета Львовска», где были помещены некрологи доктора Бауэра и доктора Шнайдера...

Задержанный подразделением УПА советско-русский агент Пух - это, несомненно, советско-русский террорист Пауль Зиберт, похитивший в Ровно генерала Ильгена, а в Галицийском округе расстрелял подполковника авиации Петерса, одного старшего ефрейтора авиации, доктора Бауэра и доктора Шнайдера, а также майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали...

От боевой группы Прютцмана поступило сообщение о том, что Пауль Зиберт и оба его сообщника расстреляны на Волыни...

Представитель УПА обещал, что полиции безопасности будут переданы все материалы в копиях, фотокопиях или оригиналах, а также живые еще парашютисты (речь идет о захваченных УПА нескольких советских агентах из числа пленных немцев с письмом от председателя коллаборационистского Союза немецких офицеров генерала Вальтера фон Зейдлица-Курцбаха командующему группой армий "Юг" фельдмаршалу Эриху фон Манштейну. - Б. С.), если взамен этого полиция безопасности согласится освободить госпожу Лебедь с ребенком и родственниками.

Поскольку приобретение богатейших материалов агента Пуха, т. е. Пауля Зиберта, и материалов генерала Зейдлица и его агентов имеет исключитель-

ную важность для обеспечения безопасности государства, я считаю необходимым освободить госпожу Лебедь и ее родственников. К тому же, по-видимому, они не представляют большой угрозы для немецких интересов в Галиции. Исходя из этого, прошу срочно рассмотреть вопрос и до 11 часов вторника 4. IV. 44 телеграммой-молнией сообщить, будет ли обещано освобождение госпожи Лебедь, ибо в этот день мой референт-осведомитель будет встречаться с делегатом группы ОУН-Бандеры. В случае отрицательного ответа существует опасность, что этот ценный материал будет передан не нам, а вермахту.

Представитель ОУН... снова подтвердил, что группа Бандеры, ввиду угрозы уничтожения украинского народа Советами, признает, что только союз с Германией может гарантировать существование украинцев...

На основании вышеизложенного я прошу об освобождении семьи Лебедь, которое безусловно окупится и может способствовать разрешению украинского вопроса в наших интересах. Следует ожидать, что если обещание об освобождении будет выполнено, то группа ОУН-Бандера будет направлять нам гораздо больше информации".

Этой телеграмме предшествовал рапорт от 29 марта начальнику полиции Витиске от комиссара криминальной полиции гауптштурмфюрера СС Паппе о встрече представителя УПА Герасимовского (Иван Гриньох) с "референтом-осведомителем", состоявшейся 27-го числа:

"Герасимовский рассказал, что одним из отрядов УПА за линией фронта удалось взять в плен 3 или 4 большевистских агентов. Руководителем их был человек, одетый в форму обер-лейтенанта немецких вооруженных сил... Герасименко не знает, живы ли еще пойманные отрядом УПА агенты, но он обещал собрать подтверждающий материал и предоставить его полиции безопасности вместе с агентами, если они еще живы и их можно будет переправить через линию фронта".

Больше никакими документами о судьбе Кузнецова на сегодняшний день мы не располагаем. Правда, в 1951 году следователи МГБ допросили гауптштурмфюрера СС Петера Христиана Краузе, бывшего сотрудника львовского СД. Он показал:

"... В марте 1945 года, находясь в Словакии, я узнал о его (Зиберта. - Б. С.) смерти. Об этом сообщил генерал Биркампф, по словам которого Зиберт был при попытке перехода линии фронта опознан и убит. Выдал Зиберта находящийся при нем дневник. Дневник с фотографиями Зиберта после смерти передан командованием УПА действующему в этой области обергруппенфюреру СС Прютцману".

Трудно сказать, насколько точен был Краузе в передаче обстоятельств смерти Зиберта - Кузнецова. Ведь говорил он об этом с чужих слов и через шесть с лишним лет. Допросить же Прютцмана у чекистов не было возможности: после поражения Германии он покончил с собой. И сегодня мы не знаем, передали ли украинские повстанцы СД документы, взятые у Зиберта - Кузнецова. Ведь в телеграмме-молнии, отправленной Витиской, говорилось

только, что люди Прютцмана узнали от командования УПА о расстреле захваченных советских агентов. Вполне возможно, что Краузе ошибочно соединил сведения о написанном Зибертом докладе, полученные от своего шефа Витиски, и рассказ Биркампфа со ссылкой на Прютцмана о расстреле советских агентов на Волыни. Во всяком случае, никаких следов отчета Прютцмана или Биркампфа о гибели Зиберта и отчета Пуха - Кузнецова в немецких архивах до сих пор не обнаружено. Неизвестно также, была ли освобождена жена Миколы Лебеда Дарья Гнаткивьска и если да, то переданы ли были по условию обмена "бумаги Зиберта" немцам, которые для них представляли уже чисто исторический интерес, а им в ту пору было не до истории... Скорее всего, отчет Кузнецова так и не был передан немцам. Известно только, что судьба некоторых лиц, которых бандеровцы просили освободить вместе с женой Лебеда, была печальна. Степан Рогуля был расстрелян уже 17 апреля 1944 года, через 15 дней после телеграммы Витиски с просьбой об их освобождении. Жену Степана Анастасию освободили 14 марта, еще до всех событий, связанных с предлагавшимся обменом бумаг на людей, а его дочь Софию отправили в Равенсбрюк.

Трудно также понять, по какую сторону фронта был убит Николай Кузнецов. Гриньох в своем сообщении передал, что произошло это на советской стороне и было пленено 3 или 4 агента. Не исключено, что с Зибертом было тогда не два, а три спутника. Дело в том, что в еврейском партизанском отряде, где несколько дней укрывались Кузнецов, Белов и Каминский, им дали проводника Самуила Эрлиха, который должен был довести разведчиков до линии фронта. Однако этот человек пропал без вести. По-видимому, доведя Кузнецова с товарищами до передовых позиций советских войск, он решил вернуться к своим подо Львов и на обратном пути был убит немцами или бандеровцами. Но возможен и другой вариант: Эрлих оставался со всеми до самого конца и был расстрелян бойцами УПА, а поскольку при нем не было никаких документов, сообщать о нем немцам просто не стали.

О том, что Кузнецов и его соратники могли погибнуть уже в занятом нашими войсками районе, говорит и предположение Александра Лукина, бывшего начальника разведки в отряде Медведева, высказанное им в беседе с Теодором Гладковым со ссылкой на некий анонимный источник: Кузнецов наткнулся на отряд бандеровцев, переодетых в форму Красной Армии, а такая форма уместнее для них на территории, занятой советскими войсками. Что ж, нет ничего невероятного в том, что Кузнецов попал в руки украинских партизан уже на земле, освобожденной Красной Армией. В лесистых предгорьях Карпат сплошного фронта не было, и в разрывах между советскими частями вполне могли действовать отряды бандеровцев в красноармейской форме. В немецком же тылу быть им в советской военной форме не имело никакого смысла, да и незачем рисковать при неожиданном, скажем, столкновении с подразделениями вермахта.

Если допустить, что Кузнецов, Каминский и Белов были схвачены отрядом УПА, одетым в советскую военную форму, то это допущение объясняет по-

явление письменного отчета Пуха - Кузнецова, адресованного "генералу Ф." - начальнику контрразведывательного 2-го Главного управления НКГБ П. Федотову. Под его началом Николай Иванович работал в Москве. Положим, Кузнецов принял сначала бандеровцев за своих и по настоянию их командира написал письменный отчет для передачи в штаб, чтобы доказать, что никакой он не офицер вермахта, а советский разведчик. Эта бумага неизбежно попала бы в руки людям непосвященным, которым к тому же Кузнецов не вполне доверял. И он подписал отчет своей подпольной кличкой и не раскрыл кличек товарищей. Возможно, один из них, Иван Белов, назвал свое подлинное имя, которое и попало в телеграмму Витиски, но как имя вымышленное. Вряд ли командир маленького отряда УПА был посвящен в игру своего руководства: за ценную информацию освободить взятых немцами людей. Вести Зиберта и его спутников обратно в немецкий тыл через линию фронта было делом рискованным. Обремененный пленниками, отряд мог стать легкой добычей какого-нибудь крупного советского или германского подразделения. Поэтому командир повстанцев расстрелял Кузнецова, Белова и Каминского. Похоже, он прежде доложил наверх, что захватил трех советских разведчиков, и Гриньох, когда беседовал с немецким "референтом-осведомителем", решил, что пленники еще живы.

Возможен и другой вариант. Кузнецов, стремясь оставить в истории память о своих делах, заранее написал отчет, зная, что может погибнуть в стычке с немцами, бандеровцами или даже от пуль своих при переходе через линию фронта. Это желание было сильнее, чем чувство самосохранения: такой отчет при встрече с немецким патрулем мог стоить жизни всем трем разведчикам и террористам. Не исключено, что группа Кузнецова погибла еще на неприятельской стороне фронта, когда бойцы УПА приняли их за немцев и уничтожили в коротком бою. Написанный же разведчиком отчет, найденный на теле Кузнецова, помог бандеровцам понять, что это советские агенты.

Загадкой остается и то, почему в немецких документах, основанных на данных украинского руководства, говорится, что Зиберт был обер-лейтенантом. А ведь к тому времени Медведев уже "произвел" его в гауптманы, о чем была сделана запись в "зольдбухе" (удостоверении личности; Некоторые историки полагают, что "зольдбух" остался в руках убитого майора Кантера, и люди УПА судили о звании по водительским правам, в которых Зиберт - Кузнецов на фото был в форме обер-лейтенанта. Однако можно допустить, что "зольдбух" у разведчика был, но украинцы не стали особо вникать в документы на немецком и ограничились просмотром только водительских прав, "разжаловав" Зиберта в обер-лейтенанты.

Так было или иначе, но все сведения о времени и месте гибели Кузнецова, Каминского и Белова на сегодня сводятся к следующему. Они нашли свою смерть 2 марта 1944 года на Волыни, у деревни Белгородка, в районе Вербы, который, скорее всего, находился уже по советскую сторону фронта. Других данных из телеграммы Витиски и сообщения Паппе извлечь нельзя. Сомневаюсь, что когда-нибудь найдут могилу Кузнецова.

Однако после публикации книги Медведева Кузнецов стал поистине легендарным героем, превознесенным официальной пропагандой. Такому герою пристала и смерть столь же героическая, как жизнь, и могила, на которую по праздникам пионеры будут возлагать цветы.

Смерть и могилу Кузнецову придумал его соратник Николай Владимирович Струтинский. Вот что он пишет в документальной повести "Подвиг":

"...С чего начать? Чем руководствоваться в поисках места гибели Кузнецова?"

Мы побывали во многих селах и на хуторах Волыни и Ровенщины, где в свое время проходила линия фронта, подолгу беседовали с местными жителями. Но, к сожалению, не могли уцепиться за какую-либо существенную деталь. Тогда мы сосредоточили поиски на Львовской области... Особенно внимательно относились ко всему, касавшемуся боевых действий партизан в Направлениях к Золочеву, Бродам, в районах Пеняцкого и Ганачивского лесов, разыскали бывших участников националистических банд, действовавших в этих лесах. Дополнительно изучили известный маршрут Кузнецова из Львова до села Куровичи".

Кто ищет, тот всегда найдет. Струтинский продолжает:

"Увлеченные, мы не заметили, как из орешника вышел старик, лет семидесяти пяти, одетый просто, но чисто. На нем была грубая суконная куртка, серые из плотного материал штаны, заправленные в высокие голенища сапог. На голове, несмотря на теплую погоду, красовалась островерхая баранья шапка. Проходя мимо меня и Жоржа (брат Н. В. Струтинского, тоже сражавшийся в отряде Медведева. - Б. С.), расположившихся под деревом, старик слегка коснулся рукой головного убора и сухо поздоровался.

- Куда, отец, спешишь? - окликнул его брат. Старик остановился. Я принес из машины фуфайку, положил ее на землю и пригласил незнакомца сесть. Жорж налил в пластмассовую стопку вина и подал ее крестьянину. Тот вначале колебался, но потом качнул головой:

- За ваше здоровье, сынки! - и одобрительно протянул: - Смачна штука!

Мы почувствовали: старик хочет завязать беседу, но прикидывает, стоит ли. Как человек, много повидавший на свете и плохого, и хорошего, он был осторожен и только задавал вопросы".

Зато поисковики явно хотели побеседовать со старожилом. Они прекрасно понимали, почему крестьянин осторожничает. Дело происходило в 1959 году. Всего шесть лет назад УПА прекратила вооруженное сопротивление. Жители Западной Украины хорошо помнили и карательные операции советских внутренних войск, и массовые депортации в Сибирь так называемых "пособников бандеровцев". Будешь тут осторожным! Но понемногу братья разговорили старика. Начали с семейных дел, перешли на охоту, рыбалку... После второй стопки крестьянин стал разговорчивей. Поняв, чего от него хотят, поругал украинских националистов...

- Говорят, советские партизаны при немцах тут бывали? - спросил Николай Струтинский.

- Видал их, - отозвался старик. - Они нас, мирных жителей, не трогали. Зато немцев, полицаев, разных предателей не щадили. Сказывали люди, как перед самым фронтом три таких партизана погибло. Все были в немецкой одежде и даже разговор вели по-немецки.

- Как же они погибли и где?... - заволновались собеседники.

- Там, за лугом. На Березине - село такое есть. Когда их окружили, один из них гранатой ба-бах! Сам, бедняга, загинал, но и бандитов многих положил.

- Что-то, дедушка, сомнительное говоришь! Не верится, чтобы они сами себя гранатой! - провоцировал на откровенность Жорж.

Старик обиделся и распрощался:

- Молодой ты, да ранний! Не веришь! Кому? Здесь весь крестьянский люд мне верит! А он, видишь ли! Тьфу! Спасибо за гостинец. Пойду!

В ту пору говорить, что бандеровцы сражались не только с большевиками, но и с немцами, было просто опасно, тем более с недавними противниками УПА. И старика понять можно: старался подходяще рассказать, а обидели недоверием...

А братья продолжили поиски. Южнее города Броды - направление косвенно указал старик - были села Гута Пеняцкая, Черница и Боратин. Струтинский свидетельствует:

"Из рассказов жителей Боратина мы узнали о трех «немцах», которые погибли от рук националистов. Установили: все происходило на сельской окраине, так называемой Березине, подлесом, в доме, где и поныне проживает бригадир полеводческой бригады местного колхоза Степан Голубович. Зашли к нему. Он подтвердил случай, происшедший в его доме в ночь на 9 марта 1944 года.

- Но эти немцы были загадочными людьми, - заметил Голубович.

- Сколько их было? Как одеты? На каком языке разговаривали? Какие у них приметы? Примерный возраст каждого? - забросали мы Голубовича вопросами".

Дальше Николай Струтинский предпочел не передавать свой диалог с Голубовичем, а нарисовать чисто беллетристическую картину, как трое разведчиков подходят к хате, радуясь надвигающейся канонаде:

"- Там наши! - ликует Кузнецов. - Стоит нам продержаться два-три дня, и они придут сюда! Свои, в серых шинелях!"

Голубовичу, однако, троица на всякий случай представилась немцами. Пока Кузнецов и его спутники ужинали, в хату ворвался десяток бандеровцев и скрутили их. Сначала разведчиков будто бы приняли за немцев, но потом вошел старшой и опознал в плененном офицере Зиберта. Когда националисты поняли, что перед ними крупный советский агент, то решили выгодно продать его немцам. А до этого один из бандеровцев будто бы объяснял "немцу" Зиберту: "Мы только у бродячих немцев отнимаем оружие. Мы вас не убиваем. Другое дело - коммунисты! С теми не церемонимся!" - хотя совершенно непонятно, как решились бы бандеровцы отпустить живыми немецкого офицера и солдата, если только что убили стоявшего на часах у хаты, как они

посчитали, немецкого солдата (в действительности - Белова)? Уцелевшие - бандеровцам ли это не знать? - непременно сообщили бы своим о происшедшем, а у немцев в этом случае разговор короткий: расстрелять заложников, сжечь село.

Но, как было уже сказано, события приобрели неблагоприятный для Кузнецова и его спутников оборот:

"Вошел в черном мундире и высокой бараньей папахе главарь. Хищно прищурил глаза. Потом широко открыл их и во все горло гаркнул:

- Так это же он! Точно он! Хлопцы, сюда!

В комнату вбежали секирники.

Главарь в левой руке держал парабеллум, а правой торопливо шарил в нагрудном кармане френча, вытащил бумажку. Взглянув на нее, атаман одним духом выпалил:

- Зиберт! Чтоб меня гром убил - Зиберт!... Роевой! Ко мне! - не спуская глаз с партизан, кликнул главарь. Пригрозил: - За него отвечаешь головой! Сейчас придут Скиба и Сирий. Пусть посмотрят, какая у меня удача! Так за него немцы... Эге-ге-ге!

Главарь скрылся за дверью.

«Теперь, кажется, все!., - пронеслось в сознании Николая Ивановича. - Остается одно: не дать живым...»

Поняв, что положение безвыходное, Николай Иванович решил подороже продать свою жизнь. Он дождался возвращения главарей. Попросил закурить, свернул сигарку, наклонился прикурить к керосиновой лампе. Дальше, по Струтинскому, произошло следующее:

"В комнату зашло еще несколько оуновцев. Один из них, в черной папахе, бросил на Кузнецова волчий взгляд. В тот же миг Кузнецов загасил лампу. Прозвучал его громкий, как набат, мужественный голос:

- Сгиньте, проклятые! Мы умрем не на коленях!., (непонятно, однако, на каком языке Кузнецов выкрикивал свои предсмертные слова: на немецком, украинском или русском? - Б. С.)

Загремели беспорядочные выстрелы. Вспышки озарили лицо Николая Ивановича. Он стоял во весь рост с гранатой, прижатой к груди. У кровати присел Ян Каминский, а под стенами застыли в ужасе секирники. Раздался оглушительный взрыв. Взметнулось желтое пламя. Истошный вопль раненых наполнил комнату. Поднялась суматоха.

. Сквозь выбитое окно выпрыгнул Ян Каминский. Присевший у стенки атаман надрывался:

- Уйдет, подлец! Стреляйте! - Упал! Айда!

- Куда вас всех понесло! - прогудел старший. - Общайте этого! Найдите лампу, а пока посветите фонариком. Боже мой, как кричат старшины! Что же он, мерзавец, наделал? Иисусе мой!

Посреди комнаты умирал Кузнецов. На груди и животе зияли раны. Лицо залито кровью, кисть правой руки оторвана... Он отрывисто дышал. Грудь

высоко вздымалась. Все реже и реже... Лицо его, спокойное и строгое, застыло навеки.

А вокруг стонали раненые... Преодолевая боль, Черногора спросил:

- Тот, что в окно выпрыгнул, убит?

- Наповал. Аж возле леса грохнули бисову душу! Вот его полевая сумка.

- Тщательно обыщите и того, что стоял возле хаты. Все, что изымете, - сдать мне! Если что утаите - сам расстреляю!"

Перед нами нечто из красивой героической сказки - не более того. Ни по времени, ни по месту обстоятельства гибели Кузнецова, изложенные Струтинским, не совпадают с тем, что мы находим в немецких документах. Зато понятно, почему автор выбрал Боратин. В этой местности советских войск в марте 1944-го еще не было. Значит, не было уже неприятной для советского сознания версии, что Кузнецов погиб на территории, занятой Красной Армией. А то получалось, что УПА свободно чувствовала себя везде.

Есть и еще один очень подозрительный момент в повести Струтинского. Ни безвестный старик в лесу, ни Степан Голубович вообще не упоминают о том, что трое неизвестных изъяснялись по-русски, - наоборот, подчеркивают - между собой те разговаривали по-немецки. Но ведь Белов почти не знал немецкого языка, поэтому и числился по поддельным документам русским из вспомогательного персонала вермахта, да и Каминский немецким владел плохо. Логичнее было бы Зиберту беседовать с ними на ломаном русском для отвода глаз.

Главное же - мы не знаем результатов экспертизы останков, извлеченных из могилы на окраине Боратина.

Было опубликовано только одно заключение экспертов, на котором я останавлиюсь чуть ниже.

27 июля 1960 года останки неизвестного из Боратина были торжественно перезахоронены на Холме Славы во Львове под именем Николая Ивановича Кузнецова. Но чей же прах там в действительности покоится?

Николай Владимирович Струтинский наиболее подробно рассказал обо всем этом в документальной повести "Во имя Родины", опубликованной в 1972-1973 годах в журнале "Байкал". Здесь он подвергает критике сообщение Витиски Мюллеру о гибели обер-лейтенанта Зиберта по двум пунктам. Во-первых, начальник СД Галицкого округа дезинформировал шефа гестапо, донося, что "Пух со своими соучастниками нашел укрытие у евреев, скрывающихся в лесах в районе Луцка и Киверцы на Волыни, тогда как отлично знал, что это имело место на территории Львовского дистрикта (недалеко от села Ганычев. - Б. С.)". Во-вторых, "почему в данной телеграмме Мюллеру Витиска утверждает, что Пух убит неподалеку от села Белгородка в районе Вербы (Волынь)?" И Струтинский всему дает следующее объяснение:

"Первое разгадывается просто: Витиска, отвечавший за безопасность Львовского округа, показал наличие вооруженных еврейских групп на чужой территории, которая входила в компетенцию шефа СД Волыни и Подолии доктора Карла Пютца. Таким образом трусливый фашист уходил от ответст-

венности перед Берлином, понимая, что в момент подписания данной телеграммы территория, о которой шла речь, давно освобождена советскими войсками, а в районе Вербы - Белгородки ведутся бои. Так что проверить рапорт группенфюреру в Берлине почти невозможно. К тому же Витиска ссылается на данные группенфюрера СС Прютцмана - уполномоченного Берлина на той территории, уже списавшего со счета Пауля Зиберта как действующего советского разведчика в тылу гитлеровских войск, о чем и м было доложено в Берлин".

Честно говоря, возражения Струтинского не кажутся мне слишком убедительными. Начну с отряда еврейской самообороны. Мы ведь не знаем, откуда люди УПА узнали о его существовании. Попали в руки бандеровцев проводник Самуил Эрлих или о посещении отряда Оиле Баума было написано в отчете Кузнецова? Возможно, Эрлих, спасая своих товарищей, мог указать неправильное место дислокации отряда. Бойцы УПА, как известно, беспощадно расправлялись как с поляками, так и с евреями. Если верна эта версия, то Эрлих, скорее всего, попался в руки бандеровцам именно на Волыни и значит именно туда направлялись Зиберт и его спутники. Если же точное место дислокации людей Баума было указано в кузнецовском отчете, то водить за нос собственное начальство обер-штурмбанфюреру Витиске не было никакого смысла. Он же сам предлагал выторговать у украинцев бумаги Зиберта, а попади они в руки Мюллера или Прютцмана, обман тотчас же раскрылся бы. Думаю, что точного места, где они встретили Баума, Кузнецов в отчете из осторожности указывать не стал, и украинские повстанцы вымышленные показания Эрлиха приняли всерьез.

И уж совсем непонятно, зачем Витиске надо было обманывать Мюллера, сообщая о месте гибели русского разведчика? Неужели опять-таки только для того, чтобы показать наличие отрядов УПА не на своей, а на чужой территории? Как будто в Берлине не знали, что бандеровцы действуют как на Волыни, так и в Галиции. И зачем руководству УПА надо было обманывать немцев, называя ложное место гибели Зиберта? Ведь и у Боратина в апреле 1944-го уже шли ожесточенные бои вермахта с наступавшими советскими войсками, а проверить сообщение украинцев люди Витиски все равно не смогли бы, да и не стали бы.

Все эти элементарные соображения почему-то не пришли в голову Струтинскому. Он продолжает:

"Однако и этот факт (гибель группы Кузнецова в районе Верба, Белгородка. - Б. С.) подлежал проверке. В названный район был командирован Иван Ильич Дзюба, которому при помощи работников Дубновского райотдела комитета государственной безопасности товарищей Кравца и Ярового удалось выявить несколько бывших бандитов (так автор именуется бойцов и командиров УПА. - Б. С.), действовавших в тот период в районе сел Птыча, Великая Мильча и Белгородка. От них были получены сведения о том, что примерно в середине февраля 1944 года бандбоекка в ночное время столкнулась у села Белгородки с проходящим отрядом советских партизан. В завязавшейся пе-

рестрелке банда потеряла убитыми трех человек. Эти трое дезертировали из дивизии СС "Галичина" и были одеты в форму военнослужащих немецкой армии. Было установлено, что они похоронены на кладбище села Великая Мильча и что при погребении присутствовал священник. Отыскался и священник. Им оказался Ворона Иван Семенович, служивший в церкви села Птыча. В беседе с Дзюбой он посвятил нас в подробности:

- Ночью приехали за мной вооруженные люди. Тогда расспросами запрещалось заниматься, и я повиновался, совершенно не зная, куда меня везут. Меня доставили на кладбище села Великая Мильча. Здесь уже было несколько, видимо, местных крестьян, а у свежевырытой могилы стояло три гроба с покойниками в форме немецких военнослужащих. Я произвел положенный обряд, и они были погребены.

От жителей села Великая Мильча стало известно, что на могилу в послевоенные годы приходили женщины из соседних сел, оплакивали погибших, но кто были эти женщины и где они проживают - никто не мог сказать.

Таким образом, все свидетельствовало о том, что оуновские главари дезинформировали своего шефа Витиску (оберштурмбанфюреру, наверное, и в страшном сне не привиделось бы, что его сделают главкомом УПА! - Б. С.) и умышленно вместо Боратина указали Белгородку - Вербу! Их можно было понять: чуяли, что час расплаты близок, и заматали следы".

Послушать Струтинского - руководство украинских повстанцев только тем и занималось, что дезинформировало всех и вся. Но многое понять здесь очень трудно. Получается, что руководство УПА всеми силами старалось скрыть факт нападения одного из своих отрядов на советских партизан в районе Белгородки и гибель в том бою трех дезертиров из дивизии СС "Галиция". Для этого зачем-то потребовалось заменять трех перебежчиков на трех советских агентов в немецкой форме, да еще сообщать об этом немцам - уж не с расчетом ли, что после поражения Германии документ попадет к чекистам?... Что же, убийство Кузнецова и его товарищей, с их точки зрения, советская власть сочла бы преступлением менее значительным, чем нападение на советских партизан?

В рассказе Струтинского есть еще немало несообразного, загадочного. Почему, например, в том бою с партизанским отрядом у УПА погибли только люди в немецкой военной форме и не был убит ни один бандеровец, одетый в гражданское или в польский мундир? Почему дезертиры не сняли с себя погоны и петлицы? Ведь в сумятице боя свои могли принять их за немцев и подстрелить? А если перебежчики избавились от погон и петлиц, то почему Струтинский дважды повторяет, что они были одеты в немецкую военную форму, а не в мундиры без знаков различия? Почему, наконец, коль после войны могилу посещали близкие погибших, они не поставили ни креста, ни фанерного со звездочкой обелиска с именами тех, кто похоронен? Могила осталась безымянной.

Я бы на месте Струтинского серьезно заинтересовался этим захоронением на кладбище в Великой Мильче. Ведь совпадений слишком много: и место то

самое, что фигурирует в немецких документах, и погибших в немецкой форме трое - ровно столько, сколько было в группе Кузнецова. Кстати, гауптман Зиберт и его спутники были одеты в армейскую форму, как и неизвестные, похороненные в Великой Мильче, тогда как бывшие солдаты дивизии " Галиция" должны были носить эсэсовскую форму. Но в полевых условиях мундиры СС и вермахта различались только петлицами и местные жители о такой детали едва ли могли знать... Тем не менее, мне кажется, что у Струтинского были какие-то серьезные основания заняться именно безымянной могилой на сельском кладбище, добиться эксгумации останков и постараться определить, есть ли среди них останки Кузнецова, Белова и Каминского. Свидетельство представителей УПА о расстреле Зиберта и его соратников на территории, уже занятой советскими войсками, Николая Владимировича почему-то совершенно не устраивало. Возможно, и мифическую стычку бандеровцев с советскими партизанами он отнес к середине февраля только потому, что в марте у Белгородки уже были части Красной Армии и отряды УПА отошли дальше на запад от линии фронта, чтобы не оказаться между двух огней. Струтинский упрямо держался за Боратин. Вот как, по его словам, развивались события дальше:

"...Наконец мы пришли туда, где, по данным следствия, должны быть захоронены останки Николая Кузнецова, погибшего в хате Голубовича. Площадь, которую пришлось нам исследовать буквально по метру, занимала около двух гектаров. И лишь после долгого, упорного труда нам удалось определить примерное место захоронения на площади примерно до десяти квадратных метров. На этих десяти квадратах так же густо зеленела молодая поросль, сплетались травы, так что никаких признаков могилы не было и в помине.

Иван Дзюба и Михаил Рубцов с недоверием поглядывали на щуплого человека, который привел нас на это место. Но тот твердо стоял на своем.

Еще и еще раз мы осмотрели место, прозванное урочищем Кутыкы Рябого, и не могли отвязаться от одной и той же мысли: почему захоронили Кузнецова на насыпи, над канавой, а не в самой канаве? Ведь это было 9 марта. Тогда здесь лежал снег, стояли морозы. Проще было закопать тело в канаве. Зачем было бандитам рубить мерзлую землю на насыпи? Нет, здесь что-то не так. Как бы эти "друзья" не направили нас по ложному следу... Последняя провокация была, когда следственные мероприятия привели нас в село Боратин и, в частности, к месту захоронения останков Кузнецова в урочище Кутыкы Рябого, и мы с Дзюбой и Рубцовым приступили к обследованию местности. В селе был пущен слух о том, что якобы одна женщина лично видела, как ранней весной 1944 года с советского самолета был убит за селом немецкий офицер, и он похоронен именно в том месте, которое мы обследуем.

Сигнал этот, понятно, потребовал тщательной проверки. Нами было затрачено более двух недель, но версия не подтвердилась. Мы понимали, что нас постоянно пытаются увести в сторону, направить действия по ложному следу. И теперь, на завершающем этапе расследования, было бы убийственно

попасться на удочку врага. Ведь если раскопаем могилу, а в ней окажется совсем другой человек, какой козырь получит враг! Тогда следствие будет приостановлено на неопределенное время, да и возобновится ли? Как ни велико было наше нетерпение, мы решили отложить раскопки, чтобы еще раз изучить сведения, сопоставить факты, поговорить кое с кем".

С такими соображениями, понятное дело, объективная оценка фактов невозможна. Поиск преходилось вести с заранее заданным результатом. Струтинскому с товарищами необходимо было найти именно Кузнецова - и никого другого. А тут еще явная враждебность местного населения, не любимых чекистами "западников", которые не без оснований подозревались в сочувствии УПА. В повести "Во имя Родины", в отличие от более приглаженного и отредактированного "Подвига", Струтинский не очень-то доброжелательно относится к тем, кто искал Кузнецова, и не скрывает. Раскопки, напомним, происходили в 1959 году. Напомним: всего шесть лет прошло с тех пор, как повстанцы прекратили открытую вооруженную борьбу с советскими войсками, - жители хорошо помнили и массовые депортации, и беспощадные карательные экспедиции войск МВД и госбезопасности. Поэтому с бывшим медведевским разведчиком Струтинским и его товарищами держались настороженно. Иной раз крестьяне действительно могли сознательно запутывать следы: ведь приближение к истине могло раскрыть участие кого-либо из односельчан в УПА. В то же время, чтобы умиловить пришельцев и не иметь от них никаких неприятностей, жители Боратина могли охотно поддакивать Струтинскому, Рубцову и Дзюбе, подтверждая вот так нужные тем версии.

Что же насторожило Струтинского и заставило отложить раскопки? В повести его читаем:

"...Снова втроем... прибыли в урочище Кутыкы Рябого. На этот раз мы обратили внимание на траншеи и блиндажи, едва различимые в зарослях и обвалах. Начали наводить справки. Выяснилось, что здесь пролегал второй эшелон обороны гитлеровских войск и что его сооружали во второй половине марта 1944 года, т. е. сразу после событий в хате Голубовича.

Траншеи начинались в 10-20 метрах от предполагаемого места захоронения. Поэтому нам пришлось еще дополнительно выяснить, когда пришли сюда немецкие войска, кто из населения привлекался на работы по строительству оборонительных сооружений. Все эти вопросы сводились к одному: почему могила советского разведчика оказалась на возвышенном месте? Нам казалось, что именно со строительством этих траншей связана тайна захоронения Н. И. Кузнецова. И мы не ошиблись".

Что ж, кто очень хочет что-то открыть, обязательно что-нибудь открывает, а потом убеждает себя и других, будто найденное и есть именно то, что искал.

На основе рассказов очевидцев и рассмотрения того, что было в конце концов обнаружено в могиле на насыпи, последние минуты жизни Кузнецова в повести "Во имя Родины" описаны следующим образом:

"В комнату вошел коренастый человек в полицейском черном мундире, в высокой бараньей папахе. Прищурился, оглядел пленников, не скрывая ликования, крикнул:

- Это он. Точно - он! Хлопцы, сюда! Оружие наизготовку и не спускать глаз!...

«Теперь - все», - решил Кузнецов".

Тут необходимо одно небольшое отступление. "Главарь банды" Черныгора (Черногора), человек в полицейском мундире и папахе, по Струтинскому, был агентом СД и по заданию Витиски и Краузе искал советского разведчика Зиберта. В "Подвиге" он прямо говорит своим хлопцам, что они поймали Зиберта. В "Во имя Родины" ограничивается только неопределенным: "Это он".

Продолжим чтение этой торой повести:

"- Хлопцы, дайте закурить, - спокойно обратился Кузнецов к оуновцам (непонятно опять-таки, на каком языке. - Б. С.). - Может, у кого найдется?

Один из оуновцев молча насыпал на стол щепотку самосада, оторвал клочок газеты.

Свернув сигарку, Кузнецов с разрешения старшего привстал и наклонился к лампе. (Хоть и потребовал Черныгора не спускать глаз с задержанных, а его подчиненные и руки Кузнецову развязали, и к лампе подпустили... Чудеса, да и только! - Б. С.) Бандиты настороженно следили, как он пыхтел, пытаясь прижечь самокрутку от чадившей лампы.

Когда в комнату входили главари, лампа потухла и четкий голос произнес: «Во имя Родины!»

Ударили выстрелы. Вспышки на какую-то долю секунды озарили Кузнецова, стоявшего во весь рост с гранатой у груди. За ним у кровати припал к полу Ян Каминский. У двери, дав друг друга, в ужасе столпились бандеровцы. Раздался взрыв. Взметнулось желтое пламя. Истошно завопили раненые. За стенами хаты среди бандитов поднялась суматоха. Беспорядочные выстрелы огласили тишину мартовской ночи. Со двора стреляли по стенам в потухшие окна. (Собственных старшин, что ли, рассчитывали подстрелить? - Б. С.)

Спустя некоторое время около десятка бандитов осторожно вползли в хату. По стенам скользнули холодные лучи электрического фонаря. Кузнецов лежал посередине комнаты. Залитое кровью лицо конвульсивно вздрагивало. Вокруг, разбросанные взрывом, словно скоты, рычали раненые бандиты. Сирый был ранен в живот. Скиба в спину. У Черныгоры струйка черной крови стекала по жестким, как свиньячья щетина, волосам. Он дико стонал; сплевывая сгустки крови.

На дворе у завалины неподвижно лежал Иван Белов, внезапно убитый кинжалом. Ян Каминский, выпрыгнув в окно, которое распахнулось от взрывной волны, уходил к лесу и уже достиг его, но был скошен пулей и прикончен штыком подбежавшего бандита... «Вот он. Есть!» - прокричал басистый голос, подняв над головой большой портфель, который пытался унести тяжело-раненый Ян Каминский".

А вот каким, по Струтинскому, увидели тело погибшего Кузнецова боратинские крестьяне Спиридон Громяк и Василий Олейник, которым бандеровцы поручили его похоронить: " Во дворе у забора лежало мертвое тело неизвестного человека. Окровавленная и обгоревшая одежда говорила о принадлежности его к немецким военнослужащим. Лоб был раздроблен, оторвана кисть руки, разорвана грудь".

Внимательный читатель наверняка уже обратил внимание, что некоторые подробности в первой и второй повестях не совпадают. В "Подвиге" Ян Каминский пытается уйти с кузнецовской полевой сумкой, а в "Во имя Родины" - с портфелем. Это, конечно, мелочь. Велика ли разница, с портфелем ходил Зиберт или с полевой сумкой? Хотя по этому несовпадению можно понять, что ни портфеля, ни сумки в предполагаемой могиле Кузнецова Струтинский и его товарищи так и не нашли. Не так уж важно, наверное, и какими были последние, предсмертные слова легендарного разведчика. В первом случае автор заставил его произнести довольно длинную тираду на тему, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, во втором - ограничился коротким: "Во имя Родины!", сделав эти слова названием повести. Но и из такого разночтения можно заключить, что Струтинский с непосредственными очевидцами последних минут жизни Кузнецова (или человека, которого он принял за Кузнецова) так и не встретился и, естественно, не знал, что именно говорил разведчик перед смертью.

А вот в описании тела погибшего после взрыва Кузнецова некоторые различия между двумя повестями имеют, как мы увидим дальше, принципиальное значение. И там и здесь у Кузнецова оказывается оторванной кисть правой руки и развороченной грудь. Но в "Подвиге" тяжелые раны отмечены еще и на его животе, тогда как голова будто бы пострадала незначительно: только залито кровью "спокойное и строгое" лицо, и несколько минут Кузнецов еще живет, умирая в агонии. Во второй же повести живот разведчика оказывается невредим, зато повреждения лица гораздо тяжелее, чем в "Подвиге". Однако и с раздробленным лбом он каким-то образом живет еще некоторое время, раз лицо его "конвульсивно вздрагивало". После того как я процитирую ниже результаты экспертизы, читатели поймут весь "черный юмор" документальных повестей Струтинского.

В повести "Во имя Родины" Спиридон Громяк, один из двух крестьян, которым предстоит предать земле тело Кузнецова, говорит своему спутнику, Василию Олейнику: "Ты не смотри, Василий, что на нем мундир немецкий... Слух прошел, советских партизан погубили в хате Голубовича. Немцев эти холуи не трогают, в дружбе живут".

Василий с ним соглашается. Когда крестьяне привезли тело в урочище Кутыкы Рябого, то выяснилось, что земля скована морозом, а лома они не взяли. И Громяк предложил похоронить неизвестного в снегу, в канаве, а когда земля оттает, вернуться и зарыть в землю: как-никак советский партизан, а не немец какой-нибудь, чтобы оставлять его на съедение зверям.

В том, что здесь мы имеем дело с писательским вымыслом, вряд ли стоит сомневаться. Ну откуда, интересно, крестьяне вот так сразу могли узнать, что погибшие в хате Голубовича не немцы, а советские разведчики? Неужели командир отряда повстанцев успел продемонстрировать всему селу найденный у Кузнецова отчет?

Струтинскому такое прозорливо верное знание крестьян о погибших и сочувствие им понадобилось для того, чтобы еще раз заклеить УПА как пособницу немецких оккупантов и заодно объяснить, почему, в конце концов, могила оказалась на насыпи, а не в канаве. Крестьяне-де хотели потом похоронить Кузнецова надлежащим образом, а пока просто зарыли в снег, чтобы недели через две вернуться и похоронить как следует, по-христиански. Но вернуться так и не смогли. Словом, хотели как лучше, а получилось нехорошо. Потому что дальше, по уверению Струтинского, произошло вот что:

"Спустя неделю в Боратине появились гитлеровские регулярные части. Солдаты ломали крестьянские хаты, стаскивали бревна на окраину села. Они сооружали двухэшелонную оборону. Командный пункт второго эшелона сооружался в урочище Кутыкы Рябого, куда спешно сгоняли население из окружающих сел и хуторов для рытья траншей, окопов и блиндажей (блиндажи, замечу, все-таки строят, а не роют. - Б. С.). К этому времени солнце и ветер сняли сильно потемневший снег. В канаве, куда врезался уступ траншеи, образовалась впадина, из которой торчала рука человека... Пожилой высокий гауптман в пенсне в сопровождении двух офицеров прибыл на место. Он распорядился очистить труп от снега и извлечь на поверхность. Разглядев изодранную одежду, нательное белье и носки, гауптман с негодованием воскликнул: «Это же германский офицер! Он убит, видимо, местными бандитами. Поднять взвод Ганса. Рассчитайтесь с этими скотами за смерть нашего офицера!»

Гауптман указал на хутор Залуч: «Спалить! Дотла!... А погибшего офицера похоронить вот здесь, на возвышенности!»"

Вот так, значит, и появилась могила Кузнецова на насыпи рядом с канавой. Карательная же экспедиция направилась к соседнему селу Черница: один из жителей Залуча, отводя угрозу от родного хутора, указал, что раненые бандиты, убившие немецкого офицера, скрываются в Чернице. Там немцы обнаружили только одного раненого бойца УПА, по кличке Сирый, за которым ухаживала местная девушка Стефания Колодинская. Они были убиты немецкими солдатами и похоронены своими на черницком кладбище.

По Струтинскому, получается, что Николай Кузнецов и после смерти на какое-то время опять стал Паулем Зибертом. Немцы похоронили его как германского офицера, погибшего от рук бандитов, и отомстили убийцам. Характерно, что украинских повстанцев одинаково именовала бандитами и советская, и немецкая сторона.

Но опять возникает слишком много вопросов. Неужели согнанные на оборонительные работы местные жители так хорошо знали немецкий, что потом смогли подробно рассказать, что именно говорил пожилой гауптман своим

подчиненным? И действительно ли немецкая карательная акция была связана с обнаружением трупа немца в урочище Кутыкы Рябого? Ведь кого-то из солдат и офицеров вермахта могли убить и рядом с Черницей. И, строго говоря, нет никаких доказательств, что этот Сирый участвовал в схватке, происшедшей в хате Голубовича.

Вообще странно, что от взрыва кузнецовской гранаты, кроме самого разведчика, никто не погиб. Да и тела Белова и Каминского делись неизвестно куда. Ведь в обеих повестях Струтинского говорится о захоронении только одного погибшего. Ну не стали бы бандеровцы заставлять крестьян выдалбливать в мерзлой мартовской земле целых три ямы. Наверняка положили бы люди тела троих погибших советских разведчиков в одну, братскую могилу. Вот здесь, возможно, и разгадка, почему граната пощадила бойцов УПА. Ведь иначе пришлось бы еще объяснять, куда делись погибшие бандеровцы, а на это творческой фантазии автору уже не хватало. Искали в первую очередь останки Героя Советского Союза Николая Кузнецова, после появления книги Медведева и фильма "Подвиг разведчика" превращавшегося в культовую фигуру. Его боевые товарищи Иван Белов и Ян Каминский, удостоенные только ордена Отечественной войны I степени, так и не стали героями фильмов и книг специально им посвященных.

Странно также, что в обеих повестях Струтинского под кличками фигурируют только те люди отряда Черныгоры, кто был ранен в хате Голубовича. Неужели память односельчан не сохранила других имен или хотя бы кличек?

Из четверых раненых в хате Голубовича (они носили клички Сирый, Скиба, Мазепа и Черныгора) Струтинскому и его товарищам в 1959 году удалось разыскать только одного. Скибой оказался Петр Васильевич Куманец, двумя годами ранее осужденный за участие в банде Черныгоры в 1944-м и отбывавший срок в Сибири. По признанию Струтинского, "были и другие бандиты с такой кличкой, но мы остановились на Куманце". Может быть, потому, что он единственный подвернулся под руку?

Петру Васильевичу выбирать уже не приходилось. Чекисты теперь шили ему еще и - подлинное или мнимое - участие в немецких карательных отрядах, а это грозило лишней "десяткой", а той "вышкой". И Скиба-Куманец охотно подтвердил, что они "окружили хату, в которой разоружили двоих неизвестных, одетых в форму гитлеровских военнослужащих". Вспомнил он и о взрыве фанаты, и своем ранении: "И сейчас у меня в печенках сидят осколки той гранаты... После взрыва гранаты я потерял сознание..." Струтинский считает, что тем не менее "Куманец... не был до конца откровенен". Возможно, Николаю Владимировичу не понравилось, что Скиба забыл упомянуть третьего в немецкой форме - Белова.

Показания Куманца как будто убедили группу, проводившую расследование, в том, что в урочище Кутыкы Рябого похоронен именно Кузнецов. Больше всего Струтинский и его друзья боялись обнаружить вместо легендарного разведчика кого-нибудь другого, не дай бог - германского офицера. 16 сентября 1959 года могила на насыпи была эксгумирована. Струтинский свиде-

тельствует: "На глубине чуть больше метра покоился скелет человека". Но для идентификации останки оказались малопригодны. Члены следственной группы прослышали о существовании в Москве лаборатории пластической реконструкции, восстанавливающей по черепулицо человека. В столицу был командирован эксперт Владимир Михайлович Зеленгуров, встретившийся с заведующим лабораторией доктором исторических наук Михаилом Михайловичем Герасимовым. И уже через несколько дней Зеленгуров позвонил Струтинскому и радостно сообщил: "Герасимов сказал: «Передайте товарищам, что все, что передано на экспертизу - фотографии, документы и череп - на девяносто девять и девяносто процентов принадлежат одному и тому же человеку»". После этого следователь рискнул вынести и официальное постановление об экспертизе. Его стоит процитировать почти полностью, как это и делает в своей книге Николай Владимирович Струтинский:

"Постановление

«О назначении в состав комиссии дополнительных экспертов». 21 декабря 1959 года, г. Львов. Старший следователь Управления Н. Рубцов, рассмотрев материалы дела, нашел: 9 марта 1944 года в оккупированном немецкими войсками селе Боратин Подкаменского района Львовской области (в действительности в этом селе не было не только немецкого гарнизона, но и, как видно, созданной немцами вспомогательной полиции, так что хозяином положения в тех местах была УПА. - Б. С.) в доме Голубовича Степана Васильевича участниками банды оуновцев Черныгоры были захвачены двое неизвестных в форме военнослужащих немецкой армии, один из которых взорвал в руках гранату и погиб.

Из показаний свидетелей видно, что неизвестными являлись советские партизаны, переодетые в форму немецких военнослужащих, и, как устанавливается материалами следствия, ими могли быть Герой Советского Союза Кузнецов Николай Иванович и Каминский Ян Станиславович (Белов и в этом документе странно отсутствует. - Б. С.).

17 сентября 1959 года труп предполагаемого Кузнецова Николая Ивановича был эксгумирован, однако установить его личность по останкам данными следствия не представилось возможным.

Вместе с тем судебно-медицинской экспертизой установлено наличие ряда признаков, как-то: рост, строение черепа, нижней челюсти, расположение и дефекты зубов, отсутствие кисти правой руки, которые убедительно указывают на сходство со словесным портретом Кузнецова Николая Ивановича. По эксгумированному черепу была назначена специальная экспертиза, производство которой было поручено заведующему лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии Наук СССР доктору исторических наук Герасимову М. М.

Учитывая сложность экспертизы и требования тов. Герасимова М. М., руководствуясь статьей 64 УПК УССР, постановил: включить дополнительно в состав экспертов преподавателя Львовского государственного медицинского института Зеленгурова Владимира Михайловича, со стажем эксперта 13 лет,

и лично знавшего Кузнецова Николая Ивановича - Струтинского Николая Владимировича, командировав их для этой цели в Москву в Институт этнографии Академии Наук СССР".

Прочитав такое постановление, непосвященный может прийти к выводу, что Кузнецов в жизни был инвалидом, с ампутированной правой кистью. К сожалению, материалы судебно-медицинской экспертизы до сих пор не опубликованы. Из текста же постановления понять что-либо весьма трудно. Какой именно рост был у Кузнецова и у того человека, чей скелет увидели 17 сентября 1959 года? На каком основании были сделаны выводы о сходстве строения и дефектов зубов и нижней челюсти этого скелета и Кузнецова? Может быть, сохранилась стоматологическая карта Николая Ивановича? Но тогда ее одной, особенно если при ней был рентгеновский снимок полости рта, должно было хватить для надежной идентификации останков, и не было бы надобности в пластической экспертизе. Но если состояние зубов Кузнецова устанавливали по показаниям свидетелей, то заключение следователя немногого стоит.

Неясно также, были ли у скелета повреждения тазобедренных костей, что могло бы свидетельствовать о ранении в область живота. Почему в "Подвиге" упомянуто, что Кузнецов при взрыве фанаты был ранен не только в грудь и лицо, но и в живот? Придумал это писатель или позаимствовал из акта экспертизы?

Каковы же были результаты "специальной экспертизы", проведенной М. М. Герасимовым? Вот текст подписанного им заключения от 24 декабря 1959 года, также приведенный в повести Струтинского "Во имя Родины":

" В распоряжение лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР 24 октября 1959 года судебно-медицинским экспертом В. М. Зеленгуровым были переданы 18 фотографий Н. И. Кузнецова и эксгумированный череп. Перед экспертом был поставлен вопрос - является ли череп, представленный на экспертизу, черепом Н. И. Кузнецова?

Все представленные фотографии принадлежат одному лицу, сфотографированному в течение 1942- 1943 годов.

Представленный череп фрагментарен. Вся лицевая часть и свод раздроблены на 15 кусков.

Состояние черепа требовало очень сложной и тщательной реставрации. Эта ответственная работа выполнена научным сотрудником лаборатории Т. С. Сурниной.

Из всех полученных фотографий была выбрана фотография наиболее четкая, снятая с Н. И. Кузнецова в 1943 году. На ней Н. И. Кузнецов зафиксирован почти в фас с едва ощутимым поворотом влево, поза строгая, но не напряженная (см. фото № 1). Эта фотография была переснята. На полученном негативе карандашом были сделаны отметки: линия волос, нижняя часть крыльев носа, углы рта, углы нижней челюсти. Через наружные углы глаз была проведена прямая. Из этих точек были опущены две прямые, соединяющиеся в наиболее выступающей точке подбородка. Таким образом был пос-

троен треугольник, основание которого проходило под радужками глаз, а вершина была обращена к подбородку (см. фото № 2). На подлинном черепе были приклеены полоски бумаги, фиксирующие линии разреза глаз. К точкам, соответствующим наружным углам глаз, были приклеены полоски бумаги, которые соединялись в наиболее выступающей части подбородка. Кроме того, были сделаны отметки линии волос, нижней части крыльев носа и углов нижней челюсти (см. фото № 3), фотографирование черепа производилось через негатив лица. Совмещение треугольников на черепе и на лице свидетельствовало о совпадении ракурса лица и черепа. Негативы лица и черепа были совмещены. Полученные отпечатки прилагаются (см. фото № 4).

Заключение:

1. Рассмотрев представленные фотографии, прихожу к заключению, что все они представляют собой фотографии одного и того же лица. По данным постановления они принадлежат Н. И. Кузнецову.

2. Представленный на экспертизу череп был раздроблен, что подтверждает гибель в результате осколочного ранения при близком разрыве фанаты или мины.

3. Выполнение реставрации черепа (работа Т. С. Сурниной) правильно.

4. Проведенное совмещение фотографии лица и черепа дает отчетливое представление о полном совпадении всех морфологических деталей лица и черепа, принадлежащих одному и тому же человеку.

По условиям экспертизы, представленные фотографии принадлежат Н. И. Кузнецову. Эксгумированный и переданный на экспертизу череп также принадлежит Н. И. Кузнецову".

Казалось бы, заключение лаборатории пластической реконструкции однозначно устанавливает, что в могиле в урочище Кутыкы Рябого был похоронен Николай Иванович Кузнецов. Однако опять возникает целый ряд вопросов. Ведь, как явствует из слов Струтинского, Герасимов уже через несколько дней, еще до того, как была проведена реставрация черепа, был на 99,9 процента убежден, что этот череп принадлежит человеку, изображенному на фотографиях, т. е. Кузнецову. А заказчик экспертизы был очень серьезный - КГБ. Создается впечатление, что чекистам очень хотелось, чтобы останки неизвестного, найденные в урочище Кутыкы Рябого, оказались останками прославленного разведчика. А тут еще и состояние представленного на экспертизу черепа было таким, что очень многое зависело от того, как именно будет проведена реставрация. А когда эксперты настроены почему-либо пристрастно, всегда есть опасность, что результаты промежуточных операций будут подогнаны под заранее заданный конечный результат.

Настораживает и другое. Судя по описанию в экспертном заключении, череп неизвестного был очень сильно поврежден именно в лицевой части. И не просто поврежден, а раздроблен на 15 частей. Нет и гарантии, что в руки экспертов попали все фрагменты черепа. В этом случае результат экспертизы тела более зависел от того, насколько точно будет проведена реставрация. А

пристрастность экспертов заставляет усомниться в том, что реставрация была выполнена безукоризненно.

Замечу также, что повреждения, которые были нанесены перед смертью черепу - скажем так - неизвестного, слишком уж велики для обычной осколочной фанаты. Можно предположить, что Кузнецов не успел метнуть гранату, поскольку его сразили выстрелы бандеровцев, и граната взорвалась у разведчика в правой руке у груди, оторвав кисть и поразив лицо и грудную клетку. Однако не верится, что осколочная граната могла так основательно разрушить череп, раздробив его сразу на 15 фрагментов. И уж, конечно, человек с раздробленным черепом ни секунды бы не жил после взрыва и никак не мог, как утверждает Струтинский, смотреть на своих убийц "спокойным и строгим лицом". От лица-то ничего не осталось.

Если же Кузнецов взорвал в хате Голубовича не осколочную, а гораздо более мощную противотанковую фанату, тогда непонятно, как вообще уцелела хата и почему находившиеся вместе с ним бандеровцы получили осколочные ранения. Струтинский ведь говорит именно об осколочных ранениях. И как, интересно, ухитрились уцелеть те несколько бойцов УПА, что находились в момент взрыва совсем рядом с Кузнецовым, в частности те, кто давал прикурить "немецкому офицеру". Кстати сказать, ни в постановлении следователя, ни в заключении эксперта, ни в тексте самого Струтинского - нигде не упоминается, что в черепе из урочища Кугыкы Рябого были найдены осколки гранаты. А они ведь должны были там быть. По осколкам можно было бы определить тип гранаты или иного взрывного устройства, мины, снаряда или авиабомбы. Может быть, неизвестный погиб не от взрыва гранаты, а от взрыва бомбы, мины или снаряда? Тогда все встает на свои места. Эти более мощные заряды вполне могли причинить те ужасные повреждения черепу, описанные в заключении Герасимова. Учитывая, что от взрыва человек обычно инстинктивно закрывается правой рукой, можно объяснить, почему у неизвестного помимо ран в груди, животе и на лице оторвана правая кисть.

Если предположить, что неизвестный из урочища Кугыкы Рябого погиб от бомбы или снаряда, то сразу приходит на ум свидетельство жителей Боратина о немецком офицере, убитом бомбой с советского самолета в те дни, когда германские войска держали оборону у этого села. Возможно, на самом деле причиной его смерти стал близкий разрыв мины или артиллерийского снаряда. Эта версия представляется мне наиболее правдоподобной. И погиб безымянный офицер вермахта вовсе не в неравной схватке с бойцами УПА на окраине Боратина. Самой этой схватки, скорее всего, и не было. Эпизод с неизвестным, подрывающим себя и врагов последней гранатой, вполне могли придумать специально для героического мифа о Кузнецове.

Поставить точку над могла бы только самая верная, генетическая, экспертиза. Для ее проведения нужна добрая воля родственников Николая Ивановича Кузнецова, а также правительства Украины и городских властей Львова. Оплатить такую экспертизу, отнюдь не дешевую, могло бы, наверное, правительство России. Ведь, по сути, Кузнецов - наш национальный герой, и рос-

сийские власти должны быть заинтересованы в точном установлении факта: кто же именно похоронен на Холме Славы во Львове под камнем с барельефом знаменитого разведчика и надписью "Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов"? Боюсь, однако, что родственники героя будут против новой экспертизы из-за опасения, что в могиле окажутся останки не легендарного разведчика. Украинские же власти могут возражать против этой экспертизы из опасений прямо противоположных: а вдруг подтвердится, что в могиле захоронен именно русский герой Кузнецов и никто другой?! Думаю, что в действительности здесь шансы "за" и "против" - пятьдесят на пятьдесят.

Если выяснится, что на львовском Холме Славы покоится Кузнецов, можно будет рассмотреть вопрос о переносе его праха на родину, на Урал. На Украине сейчас считаются героями бойцы Украинской Повстанческой Армии, от рук которых погиб Николай Иванович. И отношение к советскому разведчику здесь теперь иное, чем в 1960 году. Неудивительно, что его могила уже подвергалась варварскому осквернению. Наверное, лучше Кузнецову теперь бы лежать в родной земле.

Если же экспертиза докажет, что на Холме Славы покоится не Николай Иванович, а другой человек, то в этом тоже можно усмотреть некий нравственный смысл. Кузнецов два самых прекрасных года своей жизни блестяще играл роль обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. А после его смерти неизвестный павший германский офицер принят за легендарного советского разведчика. И может быть, сделать тогда это захоронение Могилой Неизвестного Немецкого Солдата? Сотни тысяч их вместе с миллионами красноармейцев нашли свою смерть на украинской земле, мужественно выполняя свой долг, веря, пусть обманываясь, что сражаются за родину и свой народ и не неся ответственности в своей подневольности и жертве за преступления нацистского режима.

- Мой друг Дэвид Глэнц свою книгу "Величайшее поражение Жукова. Впечатляющая неудача Красной Армии в операции «Марс», о сражении на ржевско-вяземском плацдарме осенью и зимой 1942 года, посвятил "памяти десятков тысяч советских и германских солдат, которые сражались и погибли или выжили в ужасной мясорубке этой операции только для того, чтобы быть забытыми историей". Наверное, и нам через пятьдесят с лишним лет после окончания Второй мировой войны стоит так же относиться к нашим бывшим врагам и не считать солдат вермахта фашистами и преступниками?

И зачем нам этот миф? Пусть место и время смерти Кузнецова, подробности его последнего боя навсегда останутся неизвестны. Пусть мы не узнаем даже, погибли Николай Иванович в бою или был пленен, а потом расстрелян, убили ли его украинские повстанцы как немецкого офицера или как большевистского агента. Это был один из последних рыцарей нашей отнюдь не романтической эпохи, свято веривший в свою миссию. 20 сентября 1943 года, перед тем как пойти уничтожить заместителя Коха Даргеля (тот чудом уцелел), Николай Иванович оставил в отряде Медведева письмо, которое просил

вскрыть только в случае своей гибели. Вот что писал он в этом своеобразном завещании:

"25 августа 1942 года в 24 часа 05 минут я спустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробираясь в самое логово сатрапа - германского тирана на Украине Эриха Коха. Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик (хотя членом партии Кузнецов так и не стал, мировоззрение у него было коммунистическое; о таких говорили: "беспартийный большевик". - Б. С.). Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце. Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны... Я пойду на смерть с именем моего Сталина, отца, друга, учителя. Передайте ему привет".

Николай Иванович Кузнецов обрел бессмертие. Мы не знаем, где его могила, но образ обер-лейтенанта Зиберта, бесстрашно расстреливающего высокопоставленных нацистов, навсегда останется в нашей памяти. Почти все жертвы кузнецовских пуль в той или иной мере были причастны к военным преступлениям или преступлениям против человечества. Эрих Кох в 1961 году польским судом был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением (гаулейтер скончался в 1986 году). И в этом же ряду преступников, только рангом повыше, стоял тот, с чьим именем Николай Иванович Кузнецов шел на смерть, ничего не зная о злодеяниях сталинского режима.

Конечно, Кузнецова, гениального разведчика, обязательно стоило послать на многолетнюю нелегальную работу в Германию. Но, несомненно, начавшаяся война перечеркнула для него возможность такого предназначения. Времени на "акклиматизацию" нового резидента и создание в Рейхе его агентурной сети уже совсем не было. И Николая Ивановича, с его уникальными способностями, использовали как рядового фронтового разведчика, добывавшего сведения главным образом тактического характера, и как террориста, уничтожавшего чинов преступной оккупационной администрации. И в этом - тоже драматизм его судьбы...

ОХОТА НА СТАЛИНА ОСЕНЬЮ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО: НЕВЗОРВАВШИЙСЯ КОМ ГРЯЗИ

К тому времени, когда разворачивалась "одиссея" агентов Грегора и Игоря и происходило действие в романе Богомолова, в конце лета и осенью 1944-го, относится, возможно, и единственная попытка немецкой разведки организовать убийство Сталина. Хотя и здесь до сих пор больше вопросов, чем от-

ветов, и нет уверенности, что такой план реально существовал, а не был придуман уже после войны заправилками немецких и советских спецслужб.

О попытке покушения на Сталина рассказал в своих мемуарах Шелленберг. Вот как это было по немецкой версии мемуаров:

"Рейхсминистр иностранных дел попросил меня приехать к нему по срочному делу в замок Фушль в Австрии. По дороге я заехал к Гиммлеру, который в то время находился в своем специальном поезде в Берхтесгадене (дело происходило в середине 1944 года. - Б. С.) Он сообщил мне в общих чертах, что Риббентроп собирается обсудить со мной вопрос о покушении на Сталина. Самому ему, сказал Гиммлер, очень нелегко отдавать такой приказ, так как он, как и Гитлер, верит в историческое провидение и считает Сталина великим вождем своего народа, призванным выполнять свою миссию. То, что Гиммлер решил все же устроить покушение на Сталина, свидетельствовало, насколько пессимистически он смотрел теперь на наше военное положение.

Когда я прибыл в Фушль, Риббентроп сначала завел разговор о США, о возможности повторного избрания Рузвельта на пост президента и о прочих вещах. Я поддерживал разговор и уже собирался откланяться, как вдруг Риббентроп переменял тон и с серьезным выражением лица попросил меня задержаться. Ему нужно, сказал он, обсудить со мной одно очень важное дело, в которое никто не посвящен, кроме Гитлера, Гиммлера и Бормана. Он тщательно ознакомился с моей информацией о России и считает, что для нас нет более опасного врага, чем Советы. Сам Сталин намного превосходит Рузвельта и Черчилля по своим военным и государственным способностям; он единственный, кто действительно заслуживает уважения. Но все это заставляет рассматривать его как опасного противника, которого необходимо устранить. Без него русский народ не сможет продолжать войну. Риббентроп сообщил, что он уже беседовал с Гитлером на эту тему и заявил ему, что готов пожертвовать в случае необходимости собственной жизнью, чтобы осуществить этот план и тем самым спасти Германию. И Риббентроп начал излагать свой план. Необходимо попытаться, сказал он, привлечь Сталина к участию в переговорах, чтобы в удобный момент застрелить его. Правда, Гитлер заметил, сказал Риббентроп, что провидение отомстит за это, но все же поинтересовался, кто мог бы взяться за проведение этого плана в жизнь или кого можно наметить хотя бы в сопровождающие. Тут Риббентроп уставился на меня своим неподвижным взглядом и сказал: «Я назвал фюреру ваше имя». После этого, добавил он, Гитлер поручил ему еще раз как следует обсудить это дело со мной. «Вот почему, - заключил он, - я попросил вас приехать». Думаю, что лицо мое во время этого монолога не дышало интеллектом, так как план показался мне более чем сумбурным. Но хоть какой-то ответ дать было необходимо. Однако не успел я раскрыть рта, как Риббентроп сказал, что продумал до малейших деталей практическое выполнение плана. Разумеется, сказал он, следует ожидать, что советская охрана будет крайне бдительной, поэтому вряд ли удастся пронести в зал заседаний ручную гранату или пистолет. Но он знает, что наш технический отдел разработал модель авторучки, в корпус

которой вмонтирован револьверный ствол. Пуля обычного калибра, выпущенная из этой «ручки» на расстоянии от шести до восьми метров, попадает точно в цель. Поскольку такая авторучка вряд ли вызовет подозрения охраны, этот план, считал Риббентроп, можно успешно осуществить, лишь бы рука не дрогнула.

Рассказывая, Риббентроп воодушевился до самозабвения и стал похож на подростка, начитавшегося «индейских» романов о похождениях Винету. Но отвечать ему было нужно, лишь тщательно взвешивая каждое слово: ведь он обо всем доложил бы Гитлеру. Я сказал, что хотя план представляется мне осуществимым с технической точки зрения, но главная проблема заключается в том, как вообще усадить Сталина за стол переговоров. Опираясь на опыт в делах с русскими, накопленный мной в Стокгольме, я полагал, что это будет очень нелегким делом. (Через своего сотрудника д-ра Лангбена я попробовал установить контакты с Россией, чтобы обсудить вопрос о возможности сближения между Германией и Советским Союзом. Тем самым я хотел оказать давление на западных союзников, распространяя информацию о таких переговорах с помощью третьей стороны. Но мои попытки не дали результатов, так как Сталин - явно не доверявший нам, чему способствовало неуклюжее вмешательство Риббентропа, резко изменил курс. Могло быть и так, что Сталин намеревался провести всего лишь тактический маневр, чтобы со своей стороны оказать давление на западных союзников.) Я не утаил также, что вряд ли имеет смысл устанавливать контакты с русскими через меня, так как я уже подорвал свою репутацию в их глазах. Поэтому я предложил Риббентропу попробовать самому установить эти контакты. Если ему это удастся, я всегда готов помочь ему и советом, и делом.

«Я подумаю, - сказал Риббентроп, - поговорю с Гитлером и вновь вернусь к этому вопросу». Этим, видимо, и закончился план о ликвидации Сталина, ибо Риббентроп впоследствии в разговорах со мной ни разу не затрагивал этой темы.

Гиммлер, которого обрадовал мой ответ Риббентропу, считал, однако, что определенные шаги в этом направлении необходимо предпринять. Уступая непрерывному давлению сверху, наши специалисты в конце концов разработали специальную аппаратуру, принцип действия которой был таков.

Наш агент должен был прикрепить к одному из автомобилей Сталина небольшой комок клейкого вещества, внешне напоминающего пригоршню глины. Это была высокоэффективная взрывчатка, легко пристающая к любому предмету под нажатием руки. В ней было вмонтировано регулируемое по радио взрывное устройство.

Входивший в состав оборудования передатчик распространял ультракороткие волны на расстояние до семи километров, которые автоматически включали взрыватель, в результате чего происходил взрыв. Это задание было поручено двум военнопленным офицерам Красной Армии, которые долгое время провели в заключении в Сибири и ненавидели Сталина. На большом транспортном самолете, на борту которого находился русский милицейский авто-

мобиль, агентов доставили в окрестности Москвы. Под видом патруля они должны были успешно проникнуть в центр русской столицы, так как не только затратили несколько месяцев на подготовку, но и были снабжены всеми необходимыми документами. Но план все же провалился. Так никогда мы и не узнали, что случилось с этими людьми".

В варианте мемуаров Шелленберга, изданных в английском переводе, более подробно объясняется, почему был избран столь экзотический способ покушения: с глиной - взрывчаткой и камуфляжем взрывного устройства. Оказывается, два упомянутых советских офицера сами предложили немцам свои услуги по осуществлению убийства Сталина. При этом один из них утверждал, что хорошо знаком с механиком кремлевского гаража, который может помочь им в исполнении задуманного.

О своем плане устранить Сталина во время возможной мирной конференции в нейтральной стране с помощью стреляющей "авторучки" сам рейхсминистр Риббентроп в мемуарах не говорит ни слова. Однако надо принять во внимание условия, в которых Риббентроп писал свои воспоминания: в Нюрнбергской тюрьме, в ожидании суда и жесточайшего приговора. Мемуары ведь должны были помочь ему в ведении защиты на процессе. Признание же в намерении лично убить, и ценою собственной жизни, одного из трех лидеров антигитлеровской коалиции могло только приблизить виселицу, от которой Риббентроп все равно не ушел. Поэтому не исключено, что в этом случае Шелленберг говорит правду. Другое дело, что план устранения Сталина во время гипотетической советско-германской мирной конференции казался шефу разведки, как он прямо признается в американском варианте своих мемуаров, бредовым.

Действительно, если уж прогнозировать возможность личного участия Сталина в каких-либо переговорах, то это могло произойти только в переговорах с Гитлером, а никак не с Риббентропом, который слишком уступал советскому диктатору по месту в правящей иерархии и реальному политическому весу. Фюрер же совершать ценою своей жизни покушение на Сталина во спасение Германии явно не собирался. Вообще Гитлер относился к Сталину с определенным пиететом, сознавая сродство их тоталитарных режимов и диктаторских душ. В 1942 году, в период наибольших побед вермахта, он называл Сталина "одной из самых необычных фигур в мировой истории", а в самом начале войны выражал надежду, что Сталин примирится с Германией, уступив европейскую часть СССР, но оставив себе обширные владения в Азии. 22 июля 1942 года в предназначенной "для истории" застольной беседе фюрер предупреждал:

"Было бы глупостью пренебрежительно относиться к стахановской системе. Вооружение и снаряжение русских армий являются лучшим доказательством ее эффективности в использовании промышленной рабочей силы. Сталин также заслуживает нашего безусловного уважения. По-своему он чертовски хороший парень! Он знает свои образцы, Чингисхана и других, очень хорошо, а масштаб его индустриального планирования превзойден лишь нашим

Четырехлетним планом. И нет сомнений, что он очень решительно выступает за то, чтобы в СССР не было безработицы, обычного явления в капиталистических государствах вроде Соединенных Штатов Америки..."

А месяц спустя, 22 августа, Гитлер утверждал, что не имел бы ничего против того, чтобы Сталин сбежал куда-нибудь в Китай.

Словом, "друг Адольф" с тяжелым сердцем вел войну против "друга Иосифа". Но что тут поделаешь? Рейху нужно было "жизненное пространство", а оно открывалось только на Востоке. СССР как политическая и экономическая, во многом мистифицированная сила, стоял на пути Германии к мировому господству, а расовая теория немцев требовала порабощения славянских "недочеловеков", способных лишь прислуживать арийской "расе господ".

Совсем иная ситуация, чем в середине 1942-го, сложилась два года спустя, в середине 1944-го, после высадки союзников в Нормандии и новых сокрушительных поражений немецких войск на Восточном фронте. Теперь, если верить Шелленбергу, Гитлер, пусть не без колебаний, как говорится, скрепя сердце, был готов санкционировать покушение на советского вождя в призрачной надежде, что успех теракта может вывести растерянную, дестабилизированную Россию из войны. Эти расчеты конечно же никакого под собой серьезного основания не имели, да и вероятный преемник Сталина - упрямый Молотов никакой склонности к сепаратному миру не проявлял. И вообще, непонятно, как это советские руководители могли упустить ставшую уже верной победу ради каких угодно договоренностей со столь одиозной, дикой фигурой, как Гитлер.

Очевидно, в то время Шелленберг уже несколько не сомневался в поражении Германии и не хотел связывать свое имя с таким черным в ту пору делом, как покушение на Сталина, чтобы не усугублять свою вину перед победителями. Из его мемуаров видно, как упорно он уходил от этого поручения, стремясь переложить его на Риббентропа или Гиммлера. Да и понимал шеф германской разведки, опытный профессионал, что сущую ерунду предлагает почтенный рейхсминистр иностранных дел. Не такой Сталин человек, чтобы доверчиво отпрапляться в какую-то нейтральную страну для встречи с высокими немецкими представителями.

Возможен и такой вариант. Шелленберг не испытывал особо теплых чувств к Риббентропу. Рейхсминистр иностранных дел был сторонником соглашения со Сталиным, тогда как шеф внешней разведки выступал за заключение сепаратного мира с западными державами. После казни Риббентропа Шелленберг мог его, поверженного, попросту дискредитировать, выдумав историю со стреляющей авторучкой, с намерением рейхсминистра убить Сталина. Вот и выходило, что все слова Риббентропа о необходимости достичь договоренности с Россией были не более чем хитрой уловкой, с целью заманить советского лидера в смертельную ловушку, ну а он, Шелленберг, представал как горячий сторонник достижения взаимопонимания с Англией и США в историческом деле противостояния коммунизму.

Наводит на сомнения и то обстоятельство, что в этой истории с несостоявшимся покушением все, кто участвовал в его обсуждении - Риббентроп, Гимлер и Гитлер, - ко времени работы Шелленберга над мемуарами были уже мертвы и не могли ни подтвердить, ни опровергнуть им написанного. Так что, по сути, полету шелленберговской фантазии уже ничто не препятствовало.

Существовал ли план Риббентропа в действительности или нет, ясно одно; в 1944-м любому здравомыслящему человеку должна уже была быть очевидна его полная несостоятельность и неосуществимость. За все время пребывания у власти Иосиф Виссарионович за границу выезжал только дважды: в Тегеран и в Потсдам, на встречи с главами союзных государств. Однако "заграница" эта была тогда чисто условная, географическая, поскольку в обоих случаях вождь пребывал на территориях, оккупированных советскими войсками.

Сталин рисковать без нужды не любил, а после убийства Кирова очень опасался за свою жизнь. Тот же Судоплатов свидетельствует: "До убийства Кирова Сталина нередко можно было встретить на Арбате в сопровождении Власика - начальника личной охраны и двух телохранителей. Он часто заходил к поэту Демьяну Бедному (тоже жившему в Кремле. - Б. С.), иногда посещал своих знакомых, живших в коммунальных квартирах. Сотрудники НКВД и ветераны, имевшие знак "Почетный чекист", на котором изображен щит и меч, и удостоверение к нему, могли беспрепятственно пройти на Лубянку; они имели право прохода всюду, кроме тюрем. Вся эта система была немедленно изменена: убийство Кирова явилось предлогом для ужесточения контроля, который никогда уже больше не ослабевал". И немецкие агенты в Москве наверняка знали, как сильно охраняется Кремль и что Сталин и другие члены Политбюро передвигаются по улицам только в бронированных машинах и под сильной охраной. Да что агенты - и немецкие дипломаты в предвоенной Москве не могли не заметить, сколь жестко поддерживается режим безопасности в Кремле.

Несмотря на это, по утверждению Шелленберга, руководители Рейха все давили на него, и, когда осенью 1944 года появился-таки вариант покушения, имевший какой-то шанс на успех, конечно минимальный, он решил рискнуть. Одно дело - посылать агентов на верную смерть, без какой-либо надежды на успех и совсем другое - когда на задание идет человек, лично знакомый с механиком, обслуживающим сталинские лимузины. Тут не исключено, что террорист сумеет проникнуть в окружение Сталина и, чем черт не шутит, организовать его убийство. И вот в расчете на знакомство агента с сотрудником кремлевского гаража и был разработан план покушения с использованием специально изобретенной для этого теракта глины-взрывчатки.

Как сообщается в американской версии мемуаров Шелленберга, самолет с двумя террористами благополучно приземлился, но потом никаких сообщений от них не поступило, хотя у них и были коротковолновые передатчики. Этому обстоятельству бывший начальник немецкой разведки дает следующее объяснение: "Лично я не верю, что они пытались предпринять попытку

покушения на Сталина. Скорее всего, они были схвачены на месте приземления или добровольно сдались". Видимо, Шелленберг не вполне верил двум пленным советским офицерам, подозревая, что они или сразу сдадутся контрразведке и выложат все в расчете на помилование, или скроются - благо документы и деньги есть, затерявшись на бескрайних просторах Советов, чтобы постараться начать новую жизнь, забыть и сибирские лагеря и немецкий плен.

В СССР первые публикации о попытке немецкой разведки организовать покушение на Сталина появились в начале 1970-х. В 1971 году в журнале "Смена" был напечатан очерк Андрея Соловьева "Сентябрь сорок четвертого...". В нем сообщалось, что 5 сентября 1944 года вблизи райцентра Карманово Смоленской области патруль задержал немецких агентов, имевших документы на имя заместителя начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта майора Петра Ивановича Таврина и секретаря того же отдела младшего лейтенанта Лидии Яковлевны Шиловой. Они, как говорилось далее, были высажены с тяжелого десантного самолета "Арадо-332", обладавшего большой дальностью и высотой полета и приспособленного к посадке на необорудованные площадки. Таврин и Шилова на немецком мотоцикле направлялись в Москву с заданием осуществить покушение на Сталина, но были арестованы и во всем сознались.

Соловьев приводит подробности биографии Таврина. По его словам, подлинное имя агента - Петр Иванович Шило. Он родился в 1909 году в Черниговской области в крестьянской семье. В 1932 году в Саратове его арестовали за растрату крупной денежной суммы, однако Шило из-под ареста бежал и скрывался под фамилиями Серкова, Гаврина и Таврина. В 1935 году его арестовали вторично, но Петр Иванович опять бежал. В 1941 году Шило под фамилией Таврин призвали в армию, а 30 мая 1942 года на Северо-Западном фронте он добровольно сдался в плен. У немцев Петр Иванович Таврин будто бы стал агентом гестапо, работал в качестве провокатора в лагерях для военнопленных и даже почему-то в Венской тюрьме, а затем, в июле 1943 года, его будто бы вторично вербуют сотрудники РСХА (хотя гестапо как раз и было одним из отделов имперского Главного управления безопасности). Тогда же, в июле, Таврина направляют в Берлин, где начальник восточного отдела РСХА обер-штурмбанфюрер Грейфе предложил ему "осуществить важнейший террористический акт в Москве". С конца сентября 1943 года в течение двух месяцев будущий террорист проходил усиленную подготовку, затем в декабре вернулся в Берлин, где встретился с Отто Скорцени и генералом Власовым. Ему якобы еще не сказали, кого именно придется убить (хотя с самого начала знали, что речь идет о Сталине). С января 1944 года Таврина готовили к заброске в советский тыл, сшили форму, изготовили документы, а также снабдили высшими советскими орденами и Золотой Звездой (по легенде он - Герой Советского Союза). В апреле 1944 года агента опять вызвали в Берлин, где наконец назвали имя объекта покушения, а потом снова повезли на встречу с Власовым. В начале августа 1944-го подготовка Таврина была

закончена. Его вооружили пистолетами различных систем с отравленными пулями, ручным бронебойным гранатометом "панцеркнаке", умещающимся в рукаве шинели, магнитными минами, а также снабдили рацией и 500 тысячами рублей советских денег. В качестве радистки летела сожительница Таврина Л. Я. Шилова. 4 сентября агента с радисткой самолетом забрасывают в район между Ржевом и Вязьмой, причем при посадке "Арадо" потерпел аварию и взлететь уже не смог.

Андрей Соловьев полагал, что при втором посещении Власова Таврин попал в поле зрения советской разведки. В Москву ушло предупреждение, когда именно и где ждать террористов, собирающихся убить Верховного Главнокомандующего. Автор очерка опубликовал также фотографию Таврина в форме советского офицера вместе с оберштурмбанфюрером Грейфе. Правда, при внимательном рассмотрении ракурсов, в которых оба они изображены на этом фото, создается впечатление, что оно смонтировано из двух разных снимков. И действительно, как мы увидим дальше, сфотографироваться с Тавриным перед отправкой его на задание Грейфе попросту никак не мог. Интересно другое: на фотографии на груди Таврина отчетливо видны советские награды: Золотая Звезда Героя, орден Ленина, орден Александра Невского, два ордена Красного Знамени и один Красной Звезды (этот перечень орденов нам еще пригодится).

Заметим, что возить агента, которого в глубокой тайне готовили для убийства Сталина в штаб генерала Власова, где, как догадывались и сами немцы, было немало советских информаторов, да еще посвящать самого генерала-коллаборациониста в суть тавринского задания - это верх нелепости и нарушение элементарных правил конспирации. Не случайно, когда в 1976 году Соловьев включил очерк о неудавшемся покушении на Сталина в свою книгу с захватывающим названием " Волки гибнут в капканах", то эпизод с посещениями Тавриным Власова и некоторые другие явно сомнительные подробности предусмотрительно изъяс.

Так же совершенно непонятно, почему для выполнения столь ответственного, трудного задания немцы используют рядового агента-provokatora, не имевшего никакого опыта ни разведчика, ни диверсанта, ни террориста в советском тылу. Что же, у Шелленберга людей поопытнее не нашлось?

Новые вопросы к соловьевскому очерку возникают после знакомства с вышедшей в том же году книгой Кукриджа. Здесь Таврину посвящено две страницы. Стоит процитировать их полностью:

"Летом 1942 года офицеры Гелена, занимавшиеся допросами военнопленных, обнаружили в лагере советского офицера, который, подобно Минишкию, был армейским политработником. Его звали Петр Иванович Таврин, и он был захвачен в плен 30 мая 1942 года в районе Ржева. Пленный заявил захватившим его немцам, что награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского за службу на фронте и с гордостью показал им эти награды (тут Кукридж, как говорится, пулю льет: орден Александра Невского был учрежден позднее, в июле 1942 года. - Б. С.); но после обычной идеоло-

гической обработки он выразил готовность вернуться обратно уже как шпион. Гелен отобрал Таврина для специальной подготовки, и в сентябре он был переброшен за линию фронта. В течение двух лет Таврин оставался в России и последовательно назначался на ряд ответственных постов, сначала в Наркомате обороны, затем в Верховном штабе (по-видимому, Кукридж имеет в виду Генеральный штаб или Ставку Верховного Главнокомандования. - Б. С.) и в конце концов в чине полковника штабе маршала (в действительности - генерала армии. - Б. С.) Ивана Черняховского. После кровавых сражений за Днепр в 1943 году он был одним из 306 солдат и офицеров, которые вместе со своим командующим были удостоены высшей государственной награды - Золотой Звезды Героя Советского Союза. За весь этот период он отправил целый поток донесений.

Однако в августе 1944 года Таврин послал сообщение, что попал под подозрение. (Ну прямо как в романе Богомолова! Уж не был ли Таврин прототипом Матильды, тем более что, согласно данным Соловьева, по документам должен был служить на 1-м Прибалтийском фронте, как и безымянный шифровальщик, на связь к которому шла группа "Неман". - Б. С.). Гелен решил отозвать его и обратился к подразделению "Цепелин" с просьбой эвакуировать агента на "Мессершмитте" (имеется в виду уже известный нам "Арадо-332", выпускавшийся фирмой "Мессершмитт". - Б. С.). Посадка самолета за линией фронта для того, чтобы забрать агентов, предпринималась в исключительных случаях и только тогда, когда спасаемый был немцем. Гелену поэтому пришлось скрыть национальность Таврина. Что случилось дальше, мы можем узнать из официальной советской версии, которая звучит следующим образом:

" 5 сентября 1944 года на дороге в Карманово недалеко от Смоленска патруль остановил мужчину и женщину, ехавших на мотоцикле. Мужчина был одет в форму полковника Советской Армии (так у Кукриджа; коль он действительно цитирует документ времен Великой Отечественной войны, в оригинале должно быть: "Красной Армии". - Б. С.). Он с возмущением предъявил свои документы, но патрульный забрал его на пост военной разведки (скорее - контрразведки СМЕРШ или просто в райотдел НКВД. - Б. С.), где провели досмотр его вещмешка. Там нашли немецкую радиостанцию, не менее семи пистолетов с патронами и кожаный портфель с Золотой Звездой Героя Советского Союза, орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды и несколькими медалями. В швы были зашиты шифровальные блокноты и написанные шифром заметки на папиросной бумаге. После соответствующих допросов (это с побоями, что ли? - Б. С.) мужчина признался, что является немецким шпионом и что он и его жена собирались встретить немецкий самолет на тайной посадочной площадке на лугу вблизи Карманова. Туда была послана воинская часть, и, когда самолет приземлился, три члена экипажа были пленены, а один, оказавший сопротивление, убит. Расследование показало, что П. И. Таврин, бывший офицер, перешедший на сторону гитлеровских фашистов в 1942 году и позднее вернувшийся на Родину, злостно обма-

нывал Советскую власть. Он был назначен на ответственные посты и получил высокие награды, в то время как, делая вид, что служит Родине, многократно ее предавал.

Предатель Таврин и его женщина (или сожительница, как именуют Л. Я. Шилову источники, восходящие к КГБ. - Б. С.) понесли заслуженное наказание за свои преступления".

Таков советский доклад, облеченный в знакомую форму партийного жаргона (к сожалению, Кукридж дает только английский перевод документа, и мы лишены возможности оценить всю прелесть специфической кагэбэшной разновидности смехотворного партийно-бюрократического языка. - Б. С.). Это был конец Таврина, но сделанное им, выразившееся в нескольких сотнях сообщений, собранных втри пухлых досье ФХО, не может быть уничтожено".

Легко убедиться, что версия Кукриджа прямо противоположна соловьевской. При этом бывший британский разведчик ссылается на сборник документов "Советские органы государственной безопасности", изданный на основе материалов Центрального государственного архива СССР. Трудно сказать, какой именно архив имеется в виду. И сборника документов с таким названием мне пока что найти не удалось. С другой стороны, вряд ли Кукридж, очень часто путающийся в датах, относящихся ко времени Великой Отечественной войны, и вообще в советских реалиях, мог сам сочинить вот такой документ о поимке Таврина, да еще придать ему черты партийно-бюрократического жаргона.

Попробуем сравнить версии Соловьева и Кукриджа.

У Соловьева Таврин (подлинная фамилия его Шило) - сначала военный служащий неизвестного звания и должности на Северо-Западном фронте, добровольно сдавшийся в плен (дата пленения - 30 мая 1942 года - у обоих авторов совпадает), затем осенью 1944-го - майор из СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта.

У Кукриджа фамилия агента - тоже Таврин, но она единственная. Сперва он - политработник неустановленного звания, против своей воли взятый в плен у Ржева. В момент задержания Петр Иванович - полковник, Герой Советского Союза, но его должность не называется.

Соловьев утверждает, что Таврина Героем Советского Союза сделали немцы для облегчения выполнения задания по ликвидации Сталина. Кукридж же настаивает на том, что Таврин действительно был удостоен этого высокого звания за форсирование Днепра. А между тем, по данным Министерства обороны СССР и ряда исследований, среди тех, кто в годы войны был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза, нет лиц с фамилией Таврин или Шило. Указ от 17 октября 1943 года, на который ссылается Кукридж, действительно содержит имена 307 солдат и офицеров 60-й армии И. Д. Черняховского, включая и самого командующего, но фамилии Таврин здесь нет.

В своей книге Соловьев приводит фотографию будто бы изъятой у Таврина подделанной газетной вырезки с подлинным указом периода битвы за

Днепр (но не от 17 октября), где в конце списка подставлена отсутствующая в оригинале фамилия Таврина. Если же верна версия Кукриджа, то возможны два объяснения. Или Таврин действительно служил в СМЕРШ и его могли наградить закрытым указом, а после разоблачения героя как немецкого шпиона все следы присвоения ему высокого звания чекисты, быть может, уничтожили. Или настоящая фамилия агента была не Таврин, не Шило, а совсем другая, и с помощью фальшивых документов на имя Таврина он пытался добраться к месту посадки присланного за ним немецкого самолета. В этом случае подлинную фамилию агента следует искать в первую очередь в указе о присвоении звания Героя Советского Союза от 17 октября 1943 года, где до сих пор неидентифицированными остаются несколько десятков человек. Представления на Героя писались второпях, от руки, в боевой обстановке. Тут было не до каллиграфии. И когда в вышестоящих штабах расшифровывали командирскую скоропись, рождались люди с совершенно фантастическими фамилиями - как подпоручик Кижэ у Юрия Тынянова. Среди них может быть и подлинная фамилия немецкого агента.

Кстати, по утверждению Соловьева, Золотая Звезда у Таврина была подлинная, но принадлежала другому лицу, оказавшемуся в плену у немцев. Во всяком случае, почти несомненно, что в момент ареста Таврин имел подлинную Золотую Звезду, выданную в период битвы за Днепр, раз имел вырезку с указом того времени (любой патруль по номеру мог установить, когда примерно произошло награждение).

В очерке Соловьева утверждается, что в бытность свою агентом-provocатором, "прикидываясь то крупным советским командиром, то сотрудником органов госбезопасности, якобы выполняющим "специальное задание", умело легендируя свою "героическую" деятельность на фронте и в немецком тылу, Таврин втирался в доверие к советским военнопленным и усердно выявлял коммунистов и командно-политический состав, своевременно предупреждал гитлеровцев о готовящихся побегах из лагерей". Практически во всех этих ипостасях предстает Таврин и у Кукриджа. Скорее всего, сведения обоих авторов в конечном счете восходят к какому-то одному и тому же кругу источников, но что здесь правда, а что умелый вымысел, с уверенностью сказать нельзя.

Соловьев считает, что Таврин и его спутница были высажены в советском тылу с приземлившегося немецкого самолета, Кукридж - что они, наоборот, пробирались к месту посадки "Арадо-332", который должен был эвакуировать оказавшихся в опасности агентов в Германию. И оба называют одну и ту же дату и одно и то же место приземления самолета - 5 сентября 1944 года, вблизи райцентра Карманово Смоленской области. И здесь они не ошибаются. В откликах на очерк Соловьева, присланных в журнал "Смена", местные жители подтверждают, что в сентябре 1944 года распространился слух о приземлении немецкого самолета и о мотоцикле с мужчиной и женщиной, задержанных сотрудниками НКВД. По воспоминаниям бывшей сотрудницы службы ВНОС (Воздушное наблюдение, оповещение и связь) Н. А. Носковой

(Сунцовой), засекшей "Арадо", "потом сообщили, что самолет ждал сигнальных огней (костров) на поляне, но их не было, и самолет в темноте врезался в лес, повредив моторы". Это обстоятельство, а также свидетельство, что экипаж самолета был задержан позже, чем двое на мотоцикле, говорит как будто в пользу версии Кукриджа. Тем более что у Соловьева ничего не сказано о том, что на месте приземления самолета, доставившего Таврина и Шилову, должны были гореть сигнальные костры.

Можно предположить, что Таврин со своей спутницей должны были в заранее назначенное время зажечь сигнальные огни, чтобы обозначить пилотам поляну, на которую надо садиться. Однако агентов арестовали еще на пути к месту встречи, и поэтому разводить костры оказалось некому. А когда Таврин после допроса "с пристрастием" указал место посадки посланной туда группе захвата и воинской части для прочесывания леса, не составило большого труда выловить экипаж поврежденного самолета (не исключено, что к моменту посадки чекисты уже успели окружить поляну).

Итак, либо Соловьев вольно или невольно пытается умалить разведывательную деятельность ценного немецкого агента П. И. Таврина, утверждая, что он был не разведчик, а террорист, притом неудавшийся; либо Кукридж создает легенду о Таврине-разведчике, скрывая провалившуюся попытку покушения на Сталина, к организации которого мог быть причастен не только Шелленберг, но и столь симпатичный Кукриджу Гелен.

В 1993 году в № 3 журнала "Служба безопасности" появились новые документы по делу Таврина, извлеченные из архивов советской госбезопасности. Казалось, они наконец-то все расставят по своим местам. Однако при более тщательном изучении опубликованные "Спецсообщение о задержании агентов немецкой разведки Таврина и Шиловой" и "Протокол допроса Таврина Петра Ивановича" (оба документа недатированные) только еще больше запутывают вопрос о Таврине-Шило и попытке организации покушения на Сталина осенью 1944-го..

"Спецсообщение" утверждает, что служба ВНОС обнаружила летящий в направлении Можайска вражеский самолет в 1 час 50 минут ночи 5 сентября 1944 года. В 3 часа утра самолет, будто бы после обстрела на станции Кубинка, повернул обратно и с загоревшимся мотором стал приземляться в районе деревень Яковлево и Завражье Кармановского района. Через час командир Запрудковской группы охраны порядка Алмазов сообщил в Кармановский райотдел НКВД, что самолет приземлился и от него на мотоцикле немецкой марки отъехали мужчина и женщина, оба в советской военной форме, которые в деревне Яковлево спрашивали дорогу на Ржев (к тому времени к месту падения самолета уже направлялась группа чекистов). Местные жители показали этим двоим дорогу на Карманово, но на их задержание уже отправилась опергруппа Гжатского НКВД. Дальше хочется процитировать документ дословно - уж больно забавные вещи в нем сообщаются:

"В 2 километрах от поселка Карманово в направлении деревни Самуйлово начальник райотдела НКВД товарищ Ветров заметил мотоцикл, движущийся

в поселок Карманово, и по приметам определил, что ехавшие на мотоцикле являются те лица, которые выехали от приземлившегося самолета, стал на велосипеде преследовать их и настиг в поселке Карманово".

О, энкавэдэшник Ветров вполне оправдал свою фамилию и достоин занесения в Книгу рекордов Гиннеса. Думаю, он единственный человек в мире, которому на велосипеде удалось догнать мотоцикл. Да не простой, а немецкий "Цундап", даже с грузом и людьми способный развивать скорость до 120 километров в час. На такой или близкой к ней скорости по проселку агенты вряд ли ехали, но не со скоростью же велосипеда! Ведь и Соловьев и авторы "Спецсообщения" сообщают, что Таврин и Шилова очень торопились уйти из опасной зоны.

Далее "Спецсообщение" в основном повторяет те же сведения, что и в соловьевском очерке. Единственное существенное различие: задержание террористов было произведено в 6 часов утра не патрулем, а опергруппой старшего лейтенанта милиции Ветрова из шести человек. Когда после запроса в Москву выяснилось, что никакого майора Таврина в СМЕРШ 39-й армии нет и никогда не было, Петр Иванович "был обезоружен и сознался, что он переброшен на самолете немецкой разведкой для диверсий и террора".

Интересен перечень изъятого при обыске: "3 чемодана с разными вещами, 4 орденов, 5 орденов, 2 медали, Золотая Звезда Героя Советского Союза и гвардейский значок, ряд документов на имя Таврина, денег совзнаками 428 400 рублей, 116 мастичных печатей, 7 пистолетов, 2 охотничьих ружья центрального боя, 5 гранат, 1 мина и много боеприпасов". Настораживает отсутствие здесь радиостанции, об изъятии которой у Таврина после ареста говорят и Соловьев, и Кукридж. А вот число пистолетов во всех трех источниках названо одно и то же - семь. Зато пресловутый "панцеркнаке" в описи изъятого не фигурирует.

В целом "Спецсообщение" оставляет впечатление, что сотрудники НКВД действовали как часы, как безотказный механизм, контролируя буквально каждый шаг Таврина и Шиловой по родной земле, словно давно уже ждали их прибытия. Все у чекистов получилось гладко, чисто, без сучка и задоринки. Единственное, что вылезает, - так это суперпробег опера Ветрова на велосипеде, а ведь даже маленькая ложь, как известно, внушает уже недоверие.

Но вот первый же допрос Таврина порождает множество неразрешимых вопросов. Он признается, что подлинная его фамилия - Шило, а Тавриным стал потому, что вынужден был скрываться от милиции: был не в ладах с уголовным кодексом из-за неоднократных растрат казенных денег. На фронте Таврин командовал пулеметной ротой в 369-й дивизии 30-й армии и 30 мая 1942 года добровольно сдался в плен, поскольку накануне особист поинтересовался, почему он из Шило стал Тавриным.

На допросе Петр Иванович сразу заявил: "Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя Советского государства И. В. Сталина". Об обстоятельствах же своей вербовки немецкой разведкой он показал следующее: "В июне 1943 го-

да в городе Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо Байер и Тельман и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие". Несколько странно, согласитесь, что в разведку вербует гестапо, призванное заниматься контрразведывательными операциями, а в качестве объекта вербовки выбирают человека, после года плена пытавшегося совершить побег. Причину, вызвавшую внезапное доверие немцев к нему, Таврин толком так и не объяснил, а следовательно этим обстоятельством почему-то не озадачился. Его заинтересовало лишь то, почему именно Таврину доверили убийство Сталина, полагая не без резона, что тот до получения столь неслыханного задания еще и позанимался "предательской работой". Таврин ответил, что оберштурмбанфюрер Грейфе поручил ему исполнение теракта, поскольку его соответствующим образом порекомендовал ему Жиленков".

Георгий Николаевич Жиленков, ближайший сотрудник генерала Власова, познакомился с Тавриным в начале сентября 1943 года в Занденбергском лагере, где были собраны агенты из числа бывших военнопленных. Незадолго до этого Грейфе предложил Таврину подумать, какое направление деятельности избрать: собственно разведку, террор или диверсии. Петр Иванович подошел к Жиленкову, посетившему лагерь вместе с Власовым. Они разговорились. Вот эта беседа в изложении Таврина:

"Я рассказал ему, что согласился работать на германскую разведку и зачислен в "Особую команду". Жиленков одобрил мое поведение, заявив: "Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно". Затем я сообщил Жиленкову о вызове к Грейфе и о сделанном им предложении о работе в пользу германской разведки в советском тылу... Выслушав меня, он стал в резкой форме высказывать злобу против руководителей советского правительства и доказывать мне, что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против И. В. Сталина, так как, по заявлению Жиленкова, за этим последует развал Советского государства. В конце нашего разговора Жиленков рекомендовал мне принять задание по террору и заявил, что по возвращении в Берлин он примет необходимые меры к ускорению моей переброски в СССР. Тут же он сделал какие-то заметки в своей записной книжке. И действительно, вскоре после отъезда Власова и Жиленкова я снова был вызван к Грейфе".

Дальше идут вещи совсем удивительные. Таврин сказал, что готов заняться террором. Грейфе дал ему задание представить в письменном виде подробный план теракта, и Таврин, ничтожесумняшеся, попросту переписал план покушения на Сталина, разработанный Жиленковым.

Георгий Николаевич до войны был секретарем Ростокинского райкома Москвы и членом МКК ВКП(б), неоднократно бывал на мероприятиях, где присутствовал Сталин, и он считал, что более благоприятные условия для совершения теракта - на торжественных заседаниях.

Грейфе план Жиленкова-Таврина одобрил и направил его будущего исполнителя в распоряжение начальника главной команды "Цеппелин-Норд" штур-

мбанфюрера СС Отто Крауса в Псков - команда занималась подготовкой агентуры. И опять странно. Инициатива в подготовке покушения на Сталина исходит от власовца Жиленкова, и служба безопасности (СД) его план с одобрением принимает и начинает подготовку исполнителя еще в сентябре 1943 года. Получается, что хвост вертит собакой. А между тем власовцев до осени 1944 года немцы рассматривали почти исключительно как орудие пропаганды и разведки, но никак не политическую силу и держали под своим неусыпным контролем. Затем, из мемуаров Шелленберга мы знаем, что решение устранить Сталина Гитлер и Гиммлер с тяжелым сердцем и мыслями о мстящем провидении приняли лишь в середине 1944 года. Грейфе никакие мог начать подготовку агента так рано, самочинно, без санкции фюрера - это ясно как Божий день. Или немцы хотели свалить все потом на власовцев?

Другая странность рассказанного Тавриным заключается в том, что, по его словам, Грейфе и Краус поручили ему совершить теракт не только против Сталина, но, если представится возможность, и против других членов советского правительства - В. М. Молотова, Л. П. Берии и Л. М. Кагановича. Это уж совсем странно! Неужели немцы всерьез думали, что убийство Кагановича или даже Молотова пошатнет Советское государство, способствуя заключению советско-германского сепаратного мира?

Вообще бедняге Таврину немцы и власовцы надавали заданий под самую завязку. Он должен был и Сталина убить, и пару-тройку других советских руководителей уничтожить, и еще, оказывается, и установить связь с якобы действующей в Красной Армии подпольной антисоветской организацией "Союз русских офицеров"...

Грейфе и Краус конечно же прекрасно понимали, что даже в случае успеха теракта Таврин попадет в руки чекистов. Однако, готовя его с другими агентами, тот же Краус за "товарищеским ужином" охотно делился с ним планами засылки агентуры в СССР. Несколько агентурных групп Таврин охотно раскрыл следователям. Одна из них направлялась как раз в район Вологды, где будто бы уже действовали агенты "Цеппелина" (не было ли это чекистской игрой?).

Таврин перечислил советские ордена, выданные ему немецкой разведкой. Те самые, что видны на нем на снимке, где он с Грейфе, но на фото почему-то нет двух медалей "За отвагу", названных Тавриным. На следствии он показал, что Грейфе погиб в автомобильной катастрофе в самом начале января 1944 года, так что фотографироваться с ним перед вылетом на задание в советской форме, со всеми орденами и Золотой Звездой Таврин никак уже не мог.

Таврин сообщил такую еще подробность: хотя обычно немцы фабриковали для своих агентов поддельные советские ордена, ему, ввиду чрезвычайной важности выполняемого задания, выдали подлинные награды. Но непонятно, зачем им понадобилось снабжать его таким богатым иконостасом, по его словам, офицером СМЕРШ он должен был оставаться только до прибытия в Москву, а там сменить документы и превратиться в офицера Красной Армии

в отпуске. Немцы считали, что оставаться в Москве с документами смершевца слишком опасно: офицерам разведки, и контрразведки звание Героя присваивали очень редко. Даже прославленный Судоплатов так и не получил этой высшей награды. Майор СМЕРШ с Золотой Звездой вызвал бы если не подозрение, то особый интерес у любого патруля, а это для агента совершенно излишне.

Еще Таврин утверждал, что Шилова ничего не знала о задании и сопровождала его только как радистка (с ноября 1943 года они являлись мужем и женой). Его показания о имевшихся у него рации и "панцеркнаке", стрельбе из которого он обучался, правдоподобны, но не подтверждаются: эти предметы не были найдены у него при задержании и в протоколе не зарегистрированы.

Таврин заявил также, что площадка для посадки самолета никем не готовилась и летчики приземлились на первое же место, показавшееся им подходящим. Это противоречит утверждению бывшей сотрудницы ВНОС Н. А. Носковой: самолет ожидал сигнальных костров на поляне.

Таврин ничего не говорит об обстреле самолета, что противоречит данным "Спецсообщения", но вполне согласуется с утверждением Носковой, что половина постов ВНОС опознали самолет как свой, а половина - как чужой. В такой ситуации ПВО вряд ли рискнуло бы открыть огонь по самолету, опасаясь сбить свой.

В комментарии к этой публикации в журнале "Служба безопасности" сообщается, что потом Таврин и Шилова использовались для радиоигры с немецкой разведкой и последняя радиограмма ушла от них 9 апреля 1945 года. И еще: Любовь Яковлевну Шилову будто бы звали Анной Адамчик, но при этом никак не объясняется, почему ее вымышленная фамилия так созвучна с подлинной фамилией Таврина: Шило.

По окончании войны агентов несколько лет держали на конспиративной квартире в Москве в расчете, что кто-нибудь выйдет к ним на связь. Однако связник так и не пришел. Таврина-Шило расстреляли 28 марта, а Шилкову-Адамчик - 2 апреля 1952 года.

Надо сказать, что многое из рассказанного о Таврине в публикациях, появившихся в нашей стране, выглядит неубедительным. Например, почему Таврин не оказал сопротивления столь чудесным образом догнавшему его милиционеру, а спокойно дал себя задержать? Ведь не мог же террорист не понимать, что раз за ним так гнались, то никакие самые надежные документы уже не помогут и НКВД не отпустит задержанных, не сделав запроса в Москву о том, действительно ли в СМЕРШ 39-й армии служат люди по фамилии Таврин и Шилова.

Еще одна странность: Таврин уже на первом допросе показал, что ему поручено убить Сталина и что инициатива осуществления теракта исходила от него с Жиленковым. Непонятно, зачем так сразу подписывать себе смертный приговор. Можно было бы представиться рядовым агентом, придумать легенду: по малодушию дал завербовать себя и впервые переброшен в советский

тыл с заданиями по разведке и диверсиям. Все был бы шанс сохранить себе жизнь.

Впрочем, этой легенде сильно мешали семь пистолетов и наличие Золотой Звезды. Кстати, эти семь пистолетов, одинаково указываемые всеми источниками, тоже своего рода загадка. Чтобы убить Сталина, Таврину вполне хватило бы одного, максимум - двух стволов. Другое дело, если верна версия Кукриджа: такой арсенал мог пригодиться Таврину и его спутнице, если бы пришлось прорываться, скажем, к месту посадки самолета. Во всяком случае, тому Таврину, каким его рисует чекистская версия, на худой конец можно было бы сказать, что оружие и Золотую Звезду он должен был спрятать в тайнике, предназначенном для другого агента. Ну что стоило Петру Ивановичу и его немецким начальникам придумать заранее хоть какую-нибудь легенду на случай провала, а не ставить себя в совершенно безвыходное положение и - что совсем бессмысленно - выдавать замысел покушения на Сталина?

Но совсем удивительно то, что такое вопиющее, клеймящее продажей советского отечества преступление, как подготовка теракта против вождя партии и государства, многократно склонявшееся на множестве открытых и закрытых процессов в СССР, не было инкриминировано Власову, Жиленкову и их кругу ни на следствии, ни на суде, несмотря на прямые показания на этот счет Таврина.

Думаю, я достаточно уже показал читателям все противоречия и несуразности в "Спецсообщении" и протоколе допроса Таврина. У меня до сих пор больше доверия вызывает версия Кукриджа о том, что Таврин был немецким разведчиком, а не террористом и его из-за угрозы провала пытались, но неудачно эвакуировать самолетом. Очень странно, что Таврин и Шилова после своего провала под контролем чекистов вели столь интенсивный обмен с Берлином: от них за 8 месяцев поступило несколько сотен сообщений. Ведь их задачей была не разведка, а террор, и выходить на связь они должны были только в редких, экстренных случаях. Другое дело - Таврин-разведчик. Если, как утверждает Кукридж, он действительно почти два года действовал в советском тылу, то вполне мог успеть отправить такое большое количество радиограмм. Петр Иванович, вероятно, был и Героем Советского Союза, но, скорее всего, был на самом деле не Тавриным, не Шилов, а человеком совсем с другой фамилией. Кстати говоря, если в руки чекистов действительно попала подлинная Золотая Звезда, изъятая у Таврина, то в каких-то документах должен же быть зафиксирован ее номер. Значит, можно документально установить, кому же в действительности она была вручена. А это - еще одно направление поиска.

Российский историк Николай Зенькович, имевший доступ к архивам ЦК КПСС и КГБ, в 1998 году в книге "Покушения и инсценировки" опубликовал свою версию неудавшегося покушения на Сталина, в котором должны были участвовать Таврин и его жена. В целом этот рассказ мало отличается от очерка Соловьева и публикации в журнале "Служба безопасности", но содержит несколько новых важных деталей, заставляющих поставить под сомне-

ние аутентичность связанных с этим делом материалов из архива госбезопасности. Вот что, в частности, пишет Николай Александрович:

"Эта операция по сей день считается самой серьезной из всех попыток покушения на Сталина. К ее реализации немецкие спецслужбы приступили летом 1944 года.

Главным действующим лицом и исполнителем выступил бывший командир пулеметной роты с Калининского фронта Петр Иванович Таврин.

Когда его задержали и привезли в Москву в контрразведывательное управление НКВД СССР, он охотно рассказал о себе: 1909 года рождения, уроженец села Бобрик Нежинского района Черниговской области Украинской ССР, русский, в 1942 году на фронте был принят кандидатом в члены ВКП(б), образование незаконченное высшее. До войны работал начальником Туринской геологоразведочной партии на Урале. В Красную Армию призван в августе 1941 года.

Однако уже выборочная проверка основных биографических данных показала, что они легендированные. На самом деле у арестованного была другая фамилия - Шило. Правда, имя и отчество совпадали - Петр Иванович...

В начале декабря 43-го Таврин приехал в Ригу, и уже через пару недель ему представили жену - милостивую Лидию Бобрик. Девушка обучалась в рижской радиошколе команды "Цеппелин".

Добрый Грейфе преподнес молодым поистине королевский подарок - предоставил полуторамесячный отпуск...

Таврину надлежало быть майором, заместителем начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии. Специалисты СД изготовили удостоверение за номером 298, ничем не отличавшееся от советского аналога.

Кроме того, ему предстояло быть Героем Советского Союза, кавалером пяти боевых орденов и двух медалей. Обычно немецкая разведка снабжала своих агентов фальшивыми знаками отличия. На этот раз все было настоящее - Золотая Звезда Героя, которая принадлежала погибшему в боях генералу Шепетову, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, две медали "За отвагу"...

Надежные документы подготовили и для его супруги. Лидия Бобрик превратилась в Лидию Шилову, младшего лейтенанта административной службы, секретаря особого отдела дивизии.

Обоим выдали командировочные предписания о том, что они следуют по вызову в Москву, в Главное управление контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР.

По этим документам Тавриным надлежало лишь проникнуть в Москву. Жить в городе следовало уже по другим, для чего имелись чистые бланки документов командиров Красной Армии".

Тут бросается в глаза следующее обстоятельство. По подложным документам на имя Таврина, которыми пользовался Шило до того, как дезертировал из Красной Армии, он числился уроженцем украинского села Бобрик. И по странному совпадению подлинная фамилия новой жены Петра Ивановича то-

же Бобрик. А ведь такая фамилия - отнюдь не самая распространенная среди украинцев или белорусов. Ну-ка, читатель, прикинь, какова вероятность совпадения фамилии жены Таврина с названием деревни, где он будто бы родился? Да это просто невероятно. Однако если вся эта история легендирована, то такое совпадение можно даже объяснить, равно как и в случае с Шило и Шиловой, подлинной фамилией агента и мнимой фамилией его жены. У тех, кто пишет такую вот легенду, фантазия не богата, а ум не тонок, и бездумно они могут фамилию одного лица сделать местом рождения другого. Немецкая разведка такую легенду создать никак не могла, поскольку и село Бобрик и фамилия Бобрик, если верить Зеньковичу, относились к действительной, еще советской жизни агентов, еще до их контактов с разведорганом "Цеппелин". Значит, легенду стряпали советские органы госбезопасности.

То же и с генералом Шепетовым, чья Золотая Звезда попала в руки немцев и была якобы впоследствии отдана Таврину-Шило: на самом деле он не погиб на поле боя. Согласно капитальному исследованию украинского историка Александра Маслова "Погибшие советские генералы", вышедшему, к сожалению, пока только на английском языке, генерал с такой фамилией не числится среди павших в сражениях советских военачальников Великой Отечественной войны. И не числится совершенно правильно. Потому что генерал Иван Михайлович Шепетов погиб в германском лагере для пленных генералов и старших офицеров Флоссенбург. Генерала Шепетова 21 мая 1943 года расстреляли за попытку побега. Иван Михайлович Шепетов, чья биография помещена в словаре-справочнике "Герои Советского Союза", был удостоен Золотой Звезды Героя за форсирование Днепра... только не при наступлении в 1943-м, а при отступлении в начале войны. В августе 1941 года его 96-я горнострелковая дивизия героически прикрывала отход 38-й армии за Днепр в районе Николаева, у станций Грейгово и Залесье. За эти бои Иван Михайлович был так высоко отмечен, а его дивизия стала 14-й гвардейской. Указ о награждении генерала Золотой Звездой вышел 9 ноября 1941 года, а уже в мае 1942-го Шепетов со своей дивизией попал в окружение под Харьковом и был пленен. Так что Таврину его Золотая Звезда была бы только во вред, коли сопроводили ее фальшивым указом, датированным сентябрем 1943-го. Слишком уж далеко отстоял номер шепетовской Звезды от порядка номеров Звезд "днепровских героев", что не могло не броситься в глаза при рассмотрении. Проще было бы изготовить фальшивую Золотую Звезду, а не перебивать номер на фальшивый. И потом, если уж во что бы то ни стало хотели снабдить Таврина наградой Шепетова, то что стоило заготовить фальшивый указ от ноября 1941-го? Правда, тогда, в начале войны, Герои Советского Союза были наперечет, и обладатели первых Золотых Звезд были хорошо известны в армии. О том же Шепетове в конце 1941 -го - начале 1942-го, до его пленения, я нашел целых четыре заметки во фронтовых и флотских газетах и еще по одной - в "Правде" и "Красной звезде". А вот офицеру СМЕРШ всегда можно было сослаться на то, что он был награжден в закры-

том порядке, без публикации в печати, и этим объяснить отсутствие газетной вырезки с текстом указа.

Накладка с Шепетовым для германской разведки вряд ли была возможна. Зато если допустить, что вся история с Тавриным-террористом рождалась в темных недрах Комитета государственной безопасности уже в 1960-е или 1970-е годы, то такой ляп вполне объясним. Как раз в 1967 году, накануне годовщины начала войны, на родине генерала, в Днепродзержинске, тоже у Днепра, была открыта мемориальная доска с такой надписью: "Шепетов Иван Михайлович, генерал-майор, Герой Советского Союза, погиб в 1943 году. Именем его названа эта улица". Не исключено, что автор легенды о Таврине поленился проверить биографические данные Шепетова и решил, что генерал получил Звезду Героя в 1943-м, незадолго до гибели, за форсирование Днепра и что немцы, захватив советские позиции на плацдарме, сняли Золотую Звезду с тела Ивана Михайловича. Возможен и другой вариант: зная о гибели Шепетова в плену и что звание Героя он получил за бои у Днепра, один из чекистов тотчас заключил, что это бои за форсирование реки в 1943-м. Так мог появиться фальшивый указ касательно Таврина, датированный сентябрем 1943 года.

Эта путаница в истории генерала Шепетова склоняет нас к предположению о том, что версия о Таврине-террористе неудачно выдумана советской стороной. Коль пришлось изобретать небылицу про будто бы данную Таврину немцами Золотую Звезду Шепетова, то, быть может, прав Кукридж, и агент под именем Таврин на самом деле и сам был Героем Советского Союза и выступал в роли немецкого разведчика, а не террориста.

Что же касается документов, опубликованных журналом "Служба безопасности", их происхождение можно объяснить двояко. Не исключено, что после задержания Таврин придумал версию с покушением на Сталина, чтобы скрыть от чекистов свою подлинную шпионскую деятельность и выиграть хотя бы несколько месяцев жизни, пока советские органы будут разбираться с подготовкой мнимого покушения (может быть, он надеялся совершить побег). Однако такая версия требовала очень многих благоприятных для Таврина совпадений. В сущности, она могла вводить в заблуждение только до ареста НКВД летчиков с разбившегося самолета. (Кстати, если Кукридж говорит только о 4 членах экипажа, то слухи среди местных жителей увеличили это число до 17!) Не исключено, конечно, что Таврин заранее условился со своими немецкими хозяевами, что в случае провала экипаж "Арадо-332" должен показать советской контрразведке, что высадил, а не собирался забрать двух агентов. В этом случае встает, однако, вопрос, каким образом Таврин, действуя в советских штабах, был хорошо осведомлен об окружении Власова и последних делах немецкой разведки, если даже допустить, что он несколько раз на короткое время мог являться к немцам через линию фронта, что почти фантастично.

Думаю, гораздо реальнее иное предположение: "Спецсообщение" и другие документы по делу Таврина из архивов госбезопасности появились на свет

Божий в результате какой-то дезинформационной операции, проведенной советскими органами или в самом конце войны, или уже в послевоенные годы.

Вполне вероятно, что документ о поимке Таврина и протокол его допроса были составлены советскими органами безопасности еще позднее, в 1960-1970-е годы, когда на Западе уже появились публикации о Таврине, в том числе и книга Кукриджа. Кукридж даже мог воспользоваться каким-то сборником "для служебного пользования" с пресловутым текстом сообщения о задержании Таврина. На мысль о фальсификации материалов наводит, в частности, то обстоятельство, что фотография, на которой Таврин изображен с Грейфе, безусловно, поддельная. Эту догадку сначала подтвердил мой добрый знакомый режиссер Леонид Георгиевич Марягин, человек, сведущий в кино- и фотомонтаже. Он резонно указал, что на фотографии тени ложатся не так, как это должно было быть, если принять во внимание, откуда падает свет.

Напомню: впервые эта фотография была воспроизведена в 1971 году при публикации статьи Соловьева и повторена на гораздо более высоком полиграфическом уровне в 1993 году в журнале "Служба безопасности". Кому-то очень надо было смонтировать эту фотографию, чтобы показать Таврина в мундире советского офицера и с Золотой Звездой Героя рядом с офицером немецкой разведки. И с тем же успехом этот "кто-то" из числа отнюдь не рядовых сотрудников КГБ мог сфабриковать подходящие материалы, подтверждающие версию о Таврине-террористе.

И никто из сочинителей не задался элементарным вопросом: каким образом в архивах КГБ могла оказаться фотография Таврина с Грейфе? Сам Петр Иванович, что ли, прихватил ее на "долгую память", когда летел в советский тыл?

Не исключена и иная версия: вся история Таврина как несостоявшегося убийцы Сталина была сочинена вскоре после публикации в 1950-е годы мемуаров Шелленберга, где рассказывалось о подготовке покушения на советского вождя осенью 1944-го. В этом случае возникает подозрение, что такое покушение в действительности никогда не готовилось и мы имеем дело с вымыслом шефа немецкой разведки, с целью придать своим мемуарам особую сенсационность.

А может быть, в начале 1970-х советские органы безопасности решили "раз и навсегда" опровергнуть историю Таврина как выдающегося немецкого агента, почти два года действовавшего в советском тылу? Ведь эта история сильно была по престижу чекистов. К тому же, если Таврин действительно был Героем Советского Союза, это било и по мифу о том, что на службу к немцам шли только подлецы и трусы. А тут еще подвернулась возможность связать "Таврина-террориста" с известным сообщением Шелленберга о попытке покушения на Сталина. Тогда и Золотая Звезда Героя у агента (подлинная - об этом во всех публикациях) находила свое якобы убедительное объяснение: высокая нафада выщана Таврину, чтобы ему проще было проникнуть на торжественный прием в Кремль по случаю годовщины Октябрьской

революции. При этом намеренно упускалось из виду то, что у офицера СМЕРШ Золотая Звезда слишком бросается в глаза, тем более патрулю. Но через три десятка лет в такие тонкости мало кто вникал, а на Западе это всегда было китайской грамотой, так что КГБ в 1970-е очень просто, а уж как выгодно было представить известного нам сегодня Таврина-Шило как псевдогероя.

История Таврина в чекистском изложении могла питать миф о всемогуществе советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны и отсутствии у немцев сколько-нибудь серьезной, успешно действовавшей агентуры в СССР. Считалось несомненным, и народ верил - чуть ли не все германские шпионы либо были быстро разоблачены, либо действовали под контролем СМЕРШ.

Иногда Таврина и его жену отождествляют с упоминаемыми Шелленбергом двумя пленными советскими офицерами, согласившимися осуществителю покушение на Сталина. Так, например, Федор Раззаков в книге "Век террора", вышедшей в 1997 году, используя публикацию в журнале "Служба безопасности", цитируя шелленберговские мемуары, приходит к выводу, что история Таврина отражает подробности задуманной Шелленбергом операции. Однако тут возникает слишком много несуразностей, которые трудно объяснить только тем, что руководителя немецкой разведки могла подвести память. Выходит, найдите, сколько сможете, различий между двумя картинками, нарисованными Шелленбергом и КГБ.

Прежде всего, у Шелленберга агенты - мужчины, офицеры Красной Армии. По версии же КГБ, убить Сталина собирались мужчина и женщина, при этом, если Таврин до того, как попал в плен, действительно был военным, командиром Красной Армии, то о военной в прошлом службе Шиловой в документах КГБ ничего не говорится. На допросе Таврин назвал прежнюю профессию своей жены: бухгалтер.

Шеф германской разведки пишет, что террористы были высажены с самолета в окрестностях Москвы и должны были добираться до столицы под видом патруля на милицейском автомобиле. По версии же советских органов госбезопасности, Таврин и Шилова приземлились довольно далеко от Москвы, в Смоленской области, и передвигались на немецком мотоцикле под видом офицеров СМЕРШ. Совершенно непонятно, абсурдно, почему агентам дали новейший мощный немецкий мотоцикл, который наверняка в Красной Армии был в диковину, если вообще такой наши успели захватить в качестве трофея. Этот "Цундап" тотчас привлек бы внимание патруля.

Далее, Шелленберг пишет, что самолет с агентами приземлился благополучно. Самолет же с Тавриным и радисткой, как мы помним, при посадке потерпел аварию. Шелленберговские агенты должны были совершить покушение с помощью особой, новоизобретенной глины-взрывчатки, которую собирались незаметно прилепить, словно комочек грязи, к автомобилю Сталина при содействии знакомого одному из агентов механика правительственного гаража. Терракт планировалось совершить во время поездки Сталина по Моск-

ве или на его подмосковной даче. Среди же предметов, изъятых у Таврина при аресте, глина-взрывчатка отсутствует. И сам Петр Иванович на допросе о таком замысловатом способе покушения не говорил. Он сказал о ином варианте теракта: выстрел из бронебойного гранатомета по машине вождя, но это в крайнем случае, а основной план состоял в покушении на Сталина во время торжественного заседания (посвященного годовщине Октябрьской революции), и тут, скорее всего, ему очень пригодилась бы Золотая Звезда Героя...

Таврин на следствии показал, что должен был действовать в одиночку и в Москве никаких сообщников не имел.

Шелленберг пишет, что убийство Сталина начали готовить только в середине 1944 года. По показаниям же Таврина, подготовка к покушению полным ходом шла уже с сентября 1943-го.

Наконец, агенты Шелленберга (если, конечно, они существовали в действительности, а не в воображении мемуариста) после приземления исчезли и на связь с ним никогда не выходили. А Таврин и Шилова, по сведениям госбезопасности, после ареста в течение восьми месяцев вели с немцами успешную дезинформационную радиоигру.

Есть и еще одна, почти фантастическая версия насчет Таврина. Его и Шиллову немцы направили в наш тыл в расчете, что они либо сами сразу явятся в НКВД с повинной, либо очень быстро будут схвачены и сразу выложат, что подосланы убить Сталина, чем отвлекут внимание органов от действительного покушения. В этом случае Шелленберг вполне мог использовать Таврина "втемную", но не исключено, что Петр Иванович, будучи убежденным врагом советской власти, готов был пожертвовать жизнью во имя уничтожения тирана.

Тавринские показания ориентируют на вариант, по которому Сталин должен был быть застрелен во время торжественного заседания. Тут и вещественные доказательства подходящие: семь пистолетов с отравленными пулями. Покушение же во время движения Сталина по городу или окрестностям требовало ручного гранатомета...

Похоже, внимание НКВД упорно отвлекалось от варианта с использованием мин. Настоящие террористы, пользуясь тем, что после захвата самолета и Таврина противник расслабился, благополучно приземлились недалеко от Москвы и начали готовить покушение на пути следования машины Сталина. Милицейские форма и автомобиль легко позволяли им сойти за дорожный патруль. Предстояло заложить мину или в автомобиль Сталина, или на маршруте сталинских поездок. Радиоигра сдавшегося Таврина давала понять немцам, что Советы клюнули на приманку.

Допускаю, что Шелленберг был несправедлив к двум нашим офицерам: они предприняли попытку осуществить задуманное, но безуспешно.

В интервью "Комсомольской правде" Михаил Степанович Докучаев, бывший заместитель начальника теперь уже тоже бывшего Девятого управления КГБ, ведавшего правительственной охраной, 21 мая 1994 года сообщил следующее: "6 ноября 1944 года (этот эпизод зафиксирован в служебных доку-

ментах "девятки") теракт был совершен прямо на Красной площади против наркома и члена Государственного Комитета Обороны Микояна. Террорист долго изучал систему охраны в районе улицы Куйбышева (ныне Ильинка) и нашел слабое место. В тот день он появился на Красной площади и представился охране как присланный на усиление в предпраздничный день (вероятно, неизвестный был в милицейской форме, коль не вызвал у охраны подозрений. - Б. С.). Затем он пробрался на Лобное место, а когда автомобиль с Микояном показался из Спасских ворот, открыл огонь. Автомобиль был бронированным, и никто не пострадал. Водитель, быстро сориентировавшись, свернул на Васильевский спуск. А между террористом и охраной завязалась перестрелка. В результате взрыва гранаты он был смертельно ранен и ничего рассказать не успел".

Тут следует отметить, что в мемуарах М. С. Докучаева об этом рассказывается иначе. Покушение на Микояна произошло на Красной площади 6 ноября, но не 1944-го, а 1942 года. Названо имя стрелявшего: Савелий Дмитриев, дезертировавший из Красной Армии. Террорист в схватке с охраной не погиб, а был арестован, судим и впоследствии расстрелян.

Об этом же покушении 1942 года пишет в своих воспоминаниях и сын Л. П. Берии Серго в книге "Мой отец - Лаврентий Берия", вышедшей в 1994 году. Им названа дата расстрела Дмитриева: 25 августа 1950 года. Вот что сообщает Серго Лаврентьевич о деле Дмитриева:

"В конце сорок второго года дезертир Савелий Дмитриев произвел на Красной площади несколько выстрелов по машине, выехавшей из Спасских ворот Кремля. Засада была устроена на Лобном месте. Это была машина Микояна. Никто тогда не пострадал, а террориста тут же охрана забросала газовыми гранатами. Сам Дмитриев показал на следствии, что готовил покушение на Сталина. Отец считал, что бывший красноармеец Дмитриев, возможно, считал себя пострадавшим от Советской власти, но доминировали все же иные мотивы - психические отклонения у дезертира Дмитриева безусловно были".

Судя по рассказу сына Лаврентия Берии, Савелий Дмитриев был типичным террористом-одиночкой, у которого ненависть к советской власти, главным воплощением которой в его глазах стал Сталин, сочеталась с психической неуравновешенностью. Непонятно только, чего ждали 8 лет чекисты, прежде чем казнить его. Совпадения дня, объекта и некоторых подробностей покушения склоняют думать, что при публикации интервью Докучаева в "Комсомолке" попросту вкралась опечатка: вместо 1942-го - 1944 год. Однако личность террориста и его судьба в разных публикациях поданы совершенно по-разному, так что речь может идти и о двух различных покушениях, пусть это и маловероятно.

В любом случае Савелий Дмитриев остается единственным человеком, покушавшимся на Сталина, и его существование в истории документально доказано. В книге военных юристов А. И. Муранова и В. Е. Звягинцева "Досье на маршала", вышедшей в 1996 году, опубликована ранее хранившаяся под

грифом "Совершенно секретно" "Справка дел, рассмотренных Военной Коллегией Верховного Суда СССР в период с 24 по 30 августа 1950 года". Там под номером 15 значится: "Дмитриев Ст., ефрейтор 1 -го зенитно-пулеметного полка ПВО Московского фронта. 6.11.42 г. обстрелял автомашину".

Если же допустить, что в интервью и книге Докучаев все же говорил о разных покушениях, то можно предположить, что 6 ноября 1944 года покушение совершил один из двух офицеров, посланных Шелленбергом. Вероятно, по прибытии в Москву, если даже и удалось разыскать друга-механика, они убедились в том, что план с "глиной-взрывчаткой" неосуществим. Кортёж Сталина всегда состоял из нескольких машин, и до самой последней минуты никогда не было известно, в какой именно машине он поедет. К тому же маршруты поездок держались в строжайшем секрете, а при жестком контроле вряд ли даже у механика правительственного гаража была какая-либо возможность прикрепить взрывчатку к лимузину. Поэтому террористы вынуждены были пойти по более простому, но менее надежному пути. Они разведали систему охраны на Красной площади и, возможно получив от механика сведения, когда примерно Сталин должен выехать из Кремля, решили устроить засаду. Милицейская форма помогла одному из террористов обмануть охрану и занять позицию у Лобного места. Однако вместо Сталина в машине оказался Микоян. Не исключено, что Иосиф Виссарионович вообще в целях личной безопасности имел обыкновение пускать впереди себя Анастаса Ивановича, рассчитывая, что Микояна на расстоянии в стремительно едущей машине примут за него, Сталина. Террорист погиб в бою с охраной, и кто он - осталось неизвестным. А второй агент, естественно, не рискнул повторять такое покушение или, быть может, к тому времени был уже арестован.

Что же двигало офицерами, пытавшимися убить Сталина? Не исключено, что они действительно были репрессированы в 1930-е годы, как о том сообщает Шелленберг, и искренне ненавидели диктатора, советский строй и надеялись устранением Сталина изменить жизнь народа. Если верить Шелленбергу, офицеры обратились со своим поразительным предложением только в середине 1944 года, когда исход войны был уже совершенно ясен всем в мире. Тогда уже гибель вождя никак не могла привести нашу страну к поражению и захвату. Очевидно, сознание этого и побудило офицеров пойти на осуществление давно задуманного. К России, ее настоящему и будущему они относились подобно многим белоэмигрантам, любившим свою родину и ненавидевшим большевиков.

Французский художник русского происхождения Константин Клуге в своей книге "Соль земли" вспоминает, как его отец, полковник Белой армии, сражавшийся вместе с адмиралом Колчаком и бароном Унгерном, отреагировал на нападение Гитлера на Советский Союз:

"... Как-то рано утром к нам пришел отец (это было в Шанхае. -Б. С.). Он был чем-то сильно взволнован. Вошел, не здороваясь, сел за стол, помолчал и как-то странно прохрипел: "Нас атаквали! Эти сволочи перешли нашу гра-

ницу. Я только что услышал по радио. Но ты запомни: нас им не победить, наш народ, наша армия их уничтожит, и это будет конец Гитлера!"

Я не верил своим ушам. Два потрясающих события поразили меня: нападение Германии на Россию и внезапная, немыслимая перемена в отношении отца к его родине.

"Ты говоришь, что НАС атаквали и НАША армия победит?!"

Он с силой ударил рукой по столу, заставляя меня замолчать. "Сейчас не время для иронии. Сегодня нет ни красных, ни белых, а только русские, которые не отдадут страну своих предков!"...

"Что делать? Что можно сделать?! - повторял он в отчаянии. Никогда я так не восторгался отцом, как в это утро. Двадцать лет критики и насмешек по поводу Советской России, ее хозяев и ее армии исчезли, как только его страна, ее независимость оказались под угрозой. За отцом мне виделись миллионы русских, поднимающихся с той же решимостью на защиту своей земли.

С того дня мы жили сообщениями по радио из Владивостока и газетными сводками, доходившими из России...

На стенах папиной квартиры приколоты портреты маршалов Красной Армии. Они вырезаны им из "Правды" в четверть газетного листа. А в центре висит - во весь лист - генералиссимус Сталин! (Анахронизм: Сталин во время войны генералиссимусом еще не был. - Б. С.) Видя мое изумление, он возражает: "Я знаю, что это мерзавец, но сегодня он, и никто иной, командует всей нашей армией - это надо понимать".

Однако настроение старого полковника решительным образом изменилось, как только армия Паулюса капитулировала в Сталинграде и в военных действиях обозначился коренной перелом в пользу союзников: "Исход войны стал ясен всему миру. Мы все ликовали. Все... кроме моего отца.

Как только завершилась битва за Сталинград, отец снял со стены портреты маршалов и перестал толковать о военных действиях, только ворчал: "Неудивительно, что немцы побиты, их фронт и коммуникации недопустимо растянуты. В таких условиях даже эти генералы, не стоящие унтер-офицеров царского времени, могли свободно управлять боями. И не надо забывать, что в Москве по-прежнему сидят большевики".

Как в волшебной сказке, вчерашний воин вновь превратился в брюзжащего эмигранта.

Думаю, что таившийся в нем четверть века дух защитника своей земли заставил смолкнуть накопившуюся злобу к советской власти, как только независимость его отечества оказалась под угрозой. Увы, благое перерождение длилось лишь столько, сколько существовала сама опасность поражения".

Ясно, что наши террористы в дни Московской битвы, когда судьба страны, казалось, висела на волоске, не вешали портреты Сталина в своих блиндажах (разве что по указанию начальства). А вот что мерзавцем его считали и справедливо, - можно не сомневаться, и осуществление своей акции откладывали до времени, как минует угроза, нависшая над Россией. Конечно же они не знали, что тогда убийство Сталина было неосуществимо. Ну а Гитлера это

все равно не спасло бы, ибо весь здравомыслящий мир был заинтересован в его устранении с политической арены. Вообще, теракт против Сталина, если бы только его организацией ни занялось ближайшее окружение диктатора, изначально был обречен на провал: слишком плотное кольцо охраны окружало "дядюшкуДжо"...

ОХОТА НА ГИТЛЕРА: СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ И ГЕРМАНСКИЕ ЗАГОВОРЩИКИ

А были ли у советской разведки планы покушения на Гитлера? По утверждению Судоплатова, были. Вот что он пишет по этому поводу в своих мемуарах: " Мы создали одну автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после ее взятия. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гариковне". Но поскольку осенью 1941-го Москву немцы так и не взяли, этот план отпал.

По другому плану покушения на фюрера, как вспоминает Павел Анатольевич, группа террористов во главе с Игорем Миклашевским была направлена в 1943 году в Берлин, чтобы связаться с людьми из окружения Гитлера. В мемуарах Судоплатова читаем по этому поводу:

" Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к Радзивиллу (польский князь, которого НКВД считал своим "агентом влияния". - Б. С.) и к Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией. Она поддерживала регулярные контакты с НКВД. Первоначально предполагалось использовать именно ее для связи с Радзивиллом. У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были с помощью своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года.

Бывший чемпион по боксу Миклашевский, выступая как советский перебежчик, приобрел в Берлине немалую популярность после своего поединка с чемпионом Германии по боксу Максом Щмелингом в 1942 или 1943 году, из которого он вышел победителем. Миклашевский оставался в Берлине до 1944 года.

Дядя Миклашевского бежал из Советского Союза в начале войны и стал одним из активных участников немецкого антибольшевистского комитета за освобождение СССР. Он с гордостью принял своего племянника, оказывая ему всяческую поддержку как политическому противнику Советской власти. В 1942 году Миклашевскому удалось на одном из приемов встретиться с Ольгой Чеховой. Он передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль не проявил к этому особого интереса. В 1943 году Сталин отка-

зался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза...

Миклашевский бежал во Францию в 1944 году после ликвидации своего дяди. Во Франции он оставался на протяжении двух лет уже после окончания войны, выслеживая бежавших на Запад власовцев - остатки армии предателя генерал-лейтенанта Власова. В 1947 году Миклашевский вернулся в Советский Союз, был награжден орденом Красного Знамени и возобновил свою боксерскую карьеру, которой оставался верен до выхода на пенсию".

Увы, теперь уже невозможно проверить, истинно ли сообщение Судоплатова. Документы с планами покушения на Гитлера, если они и существуют, до сих пор не опубликованы. Неизвестна и судьба дяди Игоря Миклашевского - известного актера Всеволода Блюменталья-Тамарина, одного из соратников генерала Власова. Следы его теряются в Праге в ноябре 1944-го, где Всеволод Александрович присутствовал при создании Комитета освобождения народов России. Поскольку к тому времени Миклашевский был уже во Франции, дядю он, следовательно, не убивал. Погиб ли Блюменталь-Тамарин от чьей-нибудь пули или умер позднее своей смертью в каком-либо из лагерей для перемещенных лиц в западных зонах оккупации Германии или Австрии, - мне неизвестно. Вот только среди насильственно репатриированных власовцев Блюменталья-Тамарина не было - это известно точно.

А собирался или нет его племянник убить Гитлера - до сих пор тайна. Судя по рассказу Судоплатова, Миклашевский вполне мог быть послан в Германию с целью внедриться в окружение Власова и оповещать о его деятельности НКВД. Да еще вопрос, имела ли Ольга Чехова какое-либо отношение к советской разведке. В своих мемуарах она ничего не пишет о связях с людьми Судоплатова и Берии. Но вот сын Лаврентия Павловича упоминает Ольгу Чехову в своих воспоминаниях как глубоко законспирированного агента советской разведки. Серго Лаврентьевич, в частности, пишет: "Я знаю, кто ее вербовал и на каких основаниях это делалось, но не считаю себя вправе говорить о таких деталях из биографии разведчицы". Проверить это утверждение не представляется возможным.

Вызывает сомнение и указанное Судоплатовым время переброски агента-террориста в Берлин - начало 1942-го. Дело в том, что в 1942 году Блюменталь-Тамарин был не в Берлине, а в оккупированном Киеве, где в качестве художественного руководителя Театра русской драмы вместе с С. Э. Радловым осуществил постановку пьесы Александра Корнейчука "Фронт", в которой играл роль генерала Горлова. Спектакль шел с подзаголовком "Так они воюют..." и представлял собою злую сатиру на советскую власть и Красную Армию. Тут возможны два объяснения: либо Игорь Миклашевский "подался" к немцам только в 1943-м, когда уже после Сталинграда, если верить Судоплатову, Сталин решил фюрера не "мочить", полагая взять его живьем; либо

"перебежал" он в Германию действительно в 1942-м, но в Берлине появился позднее.

В любом случае шансов осуществить покушение на Гитлера у Миклашевского не было. В отличие от офицеров и генералов - участников заговора 20 июля - он не имел никакой возможности быть около Гитлера во время совещаний и тем более при личной встрече. Даже Власова фюрер ни разу не принял. Что уж говорить о каком-то перебежчике, пусть и прекрасном боксере, друге самого Макса Шмелинга, столь превозносимого нацистской пропагандой. Заполучить же агентом немца, вхожего в ближайшее окружение Гитлера, у советской разведки не было совершенно никакой возможности. Тут не годился сорви-голова и артист вроде обер-лейтенанта Пауля Зиберта - Кузнецова: гестапо тщательно проверяло всех желавших вступить в контакт с главой государства.

Охрана же фюрера на публичных мероприятиях была такой плотной, что исключалось покушение даже целой группой всесторонне подготовленных террористов. Начальник охраны Гитлера группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс Раттенхубер на допросе в СМЕРШ 28 ноября 1945 года, в частности, показал об охране фюрера в театрах:

"... личная охрана охраняла подходы к ложе Гитлера и контролировала соседние ложи. Обычно Гитлер незаметно для публики входил в ложу вскоре после начала спектакля. Имелись постоянные места для полиции в целях максимально четкого контроля и наблюдения за публикой. Эти места выбирались с обеих сторон ложи и сверху над ней.

Когда Гитлер отъезжал из театра, требовалась дополнительная охрана из состава местной полиции.

Более широкие охранные мероприятия предпринимались при официальных выступлениях. Места вокруг Гитлера и в известном охранном секторе выдавались только лицам по специальным спискам. Патрули наблюдали за всеми помещениями театра, вплоть до артистических уборных".

Раттенхубер описал также охранные мероприятия во время ежегодных вагнеровских оперных фестивалей:

" Восьмидневные празднества в Байрейте требовали усиленной охраны. Контролю подвергались все гостиницы, рестораны и особенно сам зал, где происходил фестиваль. Все приглашенные зрители тщательно проверялись тайной полицией еще за несколько месяцев до празднеств.

Определенные места оставались за сотрудниками тайной полиции. Сектор перед ложей Гитлера был под контролем личной охраны, которая без разрешения Гитлера к ложе никого не допускала.

Гитлер во время этих празднеств обычно проживал в Байрейте у вдовы Вагнера - г-жи Винифриды Вагнер, в доме которой бывали концерты с участием лучших артистов. В прилегающих к Байрейту местностях и на дорогах периодически проводился контроль всех жителей и приезжающих".

Еще тяжелее было положение потенциальных террористов во время собраний и митингов. Раттенхубер свидетельствовал:

" Места собраний еще за 8 дней до начала уже были объектом охраны. Все помещения проверялись, огнетушители подлежали удалению (чтобы туда, не дай бог, бомбу не положили. - Б. С.). Тщательно обследовались потолочные перекрытия. Специальные полицейские собаки охраняли все подступы к зданию. Патрульная служба действовала круглые сутки.

За 2- 3 дня до собрания я лично проверял состояние проведенных охранных мероприятий. Гестапо и областное руководство НСДАП информировало меня о принятых ими мерах.

За 24 часа до начала собрания все здание еще раз основательно просматривалось и заполнялось охраной. С этого времени доступ разрешался лишь по специальным пропускам...

Должен также отметить, что после покушения на Гитлера в Мюнхене 9 ноября 1939 года (тогда взрыв в пивной "Бюргербройкеллер", где проходило торжественное собрание по случаю годовщины нацистского "пивного путча" - 23 года, устроил террорист-одиночка столяр Георг Эльзер; Гитлер покинул зал за полчаса до взрыва. - Б. С.) охрана начала широко применять для подслушивания микрофоны, которые за несколько дней до прибытия Гитлера устанавливались между креслами в залах, где были намечены его выступления".

Не было никакого шанса убить Гитлера и во время пешеходной прогулки, так как, по словам Раттенхубера, с начала Второй мировой войны фюрер "пешком больше уже не ходил и гулял только в своем специально огороженном и обеспеченном надежной охраной парке в Берхтесгадене".

Поездки Гитлера, даже официальные, когда маршрут был известен заранее, также не оставляли террористам никакой надежды на успех. Вот что показал на допросе бывший шеф личной охраны фюрера:

"За несколько дней чиновниками криминальной полиции бралась под наблюдение вся трасса. Владельцам домов давалось указание ни в коем случае не допускать в дома неизвестных лиц. Все гаражи и автомастерские просматривались с целью обнаружения там посторонних машин. Киоски и полые колонки для афиш брались под особое наблюдение.

Устройство громкоговорителей было разрешено лишь специальной команде штурмовиков. Вывешивание лозунгов, украшение и сооружение трибуны осуществлялись под наблюдением сотрудников областного руководства НСДАП. Для фоторепортеров и кинооператоров были отведены специальные места, за которыми велось тщательное наблюдение.

Если по пути нужно было проезжать парк, то в таком случае в нем всегда находились чиновники полиции с собаками.

В день митинга улицы охранялись военизированными соединениями НСДАП и полицией. Чтобы предотвратить бросание цветов, их брали у публики и затем приносили к Гитлеру. Лиц с багажом с улиц немедленно удаляли.

Оцепление располагалось таким образом, что каждый второй охранник стоял лицом к публике, а чиновники полиции размещались среди публики и в задних рядах.

Особая осторожность была необходима на поворотах в связи с замедлением езды.

Все эти мероприятия были совершенно необходимы, так как Гитлер стоял в машине, которая ехала почти шагом. Письма передавались только охране, которая ехала на двух машинах вплотную к автомобилю Гитлера".

К этому стоит добавить, что в большой и плотной толпе, стоявшей вдоль трассы, террористу очень трудно было вытащить пистолет и произвести прицельный выстрел.

Единственное же покушение на Гитлера, чуть было не увенчавшееся успехом, произошло только потому, что Гитлер слишком доверял высшим офицерам вермахта и не позволял обыскивать их при входе в свою ставку. Раттенхубер в НКВД на допросе сообщил:

"В 1943 году из имперского Главного управления безопасности я получил два сообщения, одно из которых поступило из Испании, а другое - из Швеции. В этих сообщениях указывалось, что офицеры германской армии готовят убийство Гитлера, но конкретных фамилий этих военных заговорщиков не упоминалось.

Оба эти сообщения я доложил генералу Шмидту и рейхслейтеру Борману, которые имели по этому поводу беседу с Гитлером.

Как мне сообщил Шмидт, Гитлер считал эти сообщения выдумкой, не имевшей под собой никакого основания.

Поэтому Гитлер мне так и не разрешил обыскивать офицеров ставки.

После этого я неоднократно обращал внимание генерала Шмидта на серьезную угрозу покушения, так как была полная возможность пронести в ставку взрывчатое вещество, но он тоже не реагировал на эти мои заявления".

Раттенхубер как в воду глядел, словно предвидя события 20 июля 1944 года. В момент покушения начальник охраны, на его счастье, находился в госпитале и не пострадал ни от бомбы Штауффенберга, ни по службе. Он говорил: "Когда профессор Хассельбах сообщил мне о случившемся, то я сразу же заподозрил, что кто-либо принес взрывчатку на заседание военного совета. Так оно и получилось в действительности".

Остается добавить, что после покушения Особая комиссия гестапо, расследовавшая обстоятельства происшедшего, никакой халатности или даже легкой небрежности в действиях Раттенхубера не обнаружила - не мог же начальник охраны отвечать за то, что фюрер слишком доверял своим приближенным. С тех пор уже всех приходивших в ставку фюрера стали обыскивать. Исключение сделали только для Геринга, Гимmlера и некоторых других его приближенных - высших руководителей партии и государства.

А Сталин своим маршалам и генералам никогда не доверял и, как известно, казнил их или сажал, чтобы не успели составить заговора против его особы. До войны казнил маршалов Тухачевского, Егорова и Блюхера, а после

войны - маршалов Новикова и Кулика. И система охраны у Иосифа Виссарионовича была - комар носа не подточит!

Вспомним, как Зиберт-Кузнецов, даже добившись приема к гаулейтеру Коху (по-нашему - секретарю обкома партии. - Б. С.) и имея в кармане пистолете отравленными пулями, так и не смог осуществить теракта. А уж убить Гитлера или Сталина у рядового агента, будь то Миклашевский или Таврин, не было ровно никакой возможности. Тут могло помочь только чудо, счастливый случай. Но ни одна спецслужба, планируя устранение политического деятеля, не склонна полагаться на случайность.

А может быть, советская разведка все-таки имела агентов в самом ближайшем окружении фюрера? Утверждения такого рода содержатся в мемуарах уцелевших руководителей германских спецслужб Вальтера Шелленберга и Райнхарда Гелена. Можно ли им доверять? Давайте в заключение подробно проанализируем эти свидетельства.

ТАЙНА "КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ"

Шелленберг утверждал, что в той или иной мере советскими агентами были рейхслейтер Мартин Борман, возглавлявший партийную канцелярию, и глава гестапо Генрих Мюллер. Вот что он писал по этому поводу в американской версии своих мемуаров:

"Борман, постоянно присутствовавший в окружении Гитлера, стал незамеченным человеком именно в силу этого постоянства. Все, что имело отношение к Гитлеру, проходило через Бормана. Он находился при решении всех вопросов, больших и малых; что бы Гитлер ни переживал: возбуждение, бешеный гнев или упадок сил - свидетелем этого неизбежно был Борман. От Бормана даже зависело, как направить эти эмоции Гитлера в русло его повседневной жизни. Борман мог ловко подыскать слово, необходимое для того, чтобы сменить неприятную тему разговора и перевести внимание фюрера на новый объект, - короче говоря, он умел рассеять его опасения. Он обладал прекрасной памятью и непреклонной волей, что было особенно ценно для Гитлера, в особенности в последние годы. Так как чем более абсолютистским становился режим, тем труднее было согласовать деятельность огромной военной машины с приказами фюрера. Чем более напряжены были нервы, тем более успокаивающе действовало на него постоянное присутствие Бормана, человека с твердым и непреклонным характером, который оказывался рядом в любое время дня и ночи (читая Шелленберга, можно подумать, что фюрер был безвольным, мягким человеком, но тогда как, интересно., удалось ему увлечь за собою 80-миллионный немецкий народ и санкционировать истребление миллионов и миллионов невинных людей? - Б. С.). Борман обладал способностью уловить самую суть вопроса, изложить его в доступной и доходчивой форме и суммировать основные проблемы в виде нескольких чет-

ких формулировок. Он настолько умело это делал, что, даже слушая его самый короткий доклад, можно было понять, какого именно решения он добивается. Примеры этого мне приходилось наблюдать неоднократно...

Я однажды беседовал о личных качествах Бормана с Гиммлером, который подтвердил правильность моей оценки. "Фюрер настолько привык к Борману, - сказал он, - что было бы крайне трудно уменьшить его влияние. Я много раз пытался с ним договориться, хотя фактически мой долг - добиться его отстранения. Я надеюсь, что мне удастся перехитрить его, причем так, что отпадет сама необходимость от него отделяться. На нем лежит ответственность за многие неверные шаги фюрера; он не только соглашался с тем, что фюрер должен быть непреклонным в своих решениях, но и активно способствовал этому".

Всю жизнь Борман методично закреплял за собой завоеванные позиции. Когда-то он был управляющим поместьем в Мекленбурге; затем стал диверсантом и участвовал в движении против французов во время оккупации Рура; он также входил в состав "черного", т. е. нелегального, рейхсвера. Он вступил в национал-социалистическую партию в самом начале ее существования и сделал карьеру под покровительством Гесса, место которого он занял и использовал для увеличения своей политической власти в таких масштабах, о которых Гесс и не мечтал. В 1945 году, здраво оценивая общую ситуацию и учитывая опасность, связанную с занимаемым им положением, он предпринял решительную попытку перейти в восточный лагерь.

Вторым представителем руководящих кругов, имевших явную склонность к России, был Мюллер. Серьезные подозрения относительно искренности его работы против России у меня впервые возникли весной 1943 года после окончания совещания атташе по делам полиции в иностранных государствах. Мюллер, мои отношения с которым становились все более враждебными, в тот вечер был подчеркнута корректен и вежлив. Я думал, что была уже почти ночь и он порядком успел напиться, но вдруг он сказал, что желал бы поговорить со мной.

Разговор пошел о "Красной капелле". Он весьма настойчиво стремился выяснить причины, которые крылись за фактами измены, и хотел получить представление об образе мыслей, на основе которых такая измена стала возможной.

"Я считаю, - сказал я, что вы должны признать: советское влияние в странах Западной Европы нашло распространение не только среди рабочего класса; оно завоевало приверженцев и среди образованных людей. Я оцениваю это как неизбежное историческое явление нашей эпохи, в особенности если принять во внимание духовную анархию западной культуры, в которую я включаю и идеологию Третьего Рейха. Национал-социализм не более чем куча отбросов на фоне безотрадной духовной пустыни. В противоположность этому в России развивается единая и совершенно не склонная к компромиссам духовная и биологическая сила. Цель коммунистов, заключающаяся в осуществлении всеобщей духовной и материальной мировой революции,

представляет собой своеобразный положительный заряд, противопоставленный западному отрицанию".

Я провел эту ночь напротив Мюллера, глубоко погруженный в свои мысли. Передо мной сидел человек, ведущий борьбу с коммунизмом во всех его разнообразных формах, человек, который в ходе расследования дела "Красной капеллы" прилагал все усилия, чтобы раскрыть самые отдаленные ответвления заговора. Какая же перемена наступила теперь!

Вдруг он заявил: "Знаете, Шелленберг, то, что между нами возникли недоразумения, просто глупо. Вначале я думал, что нам удастся отбросить эти недоразумения в процессе наших личных и профессиональных контактов, но это не получилось. По сравнению со мной вы имеете ряд преимуществ. Я из низов: мои родители были бедны. Я был полицейским сыщиком, начал с облав и прошел суровую школу повседневной полицейской работы. А вы - образованный человек, юрист, воспитывались в культурной семье, путешествовали. Другими словами, вы прочно связаны с закоренелой системой консервативных традиций. Я не говорю сейчас о германском народе - он по-прежнему остается верным, настойчивым и храбрым - и не о героизме наших солдат на фронте. Я говорю об интеллигентских слоях общества и об их крайне запутанных представлениях о духовных ценностях. Национал-социализм никогда не был для них перспективным и не смог изменить их. Если нам суждено проиграть эту войну, то причиной проигрыша будет не недостаточный военный потенциал; причиной будет духовная неспособность наших руководителей. У нас нет настоящих руководителей. Правда, у нас есть наш руководитель - фюрер, но на нем все замыкается. Возьмем толпу, находящуюся в его непосредственном подчинении. Кого вы там найдете? Они дни и ночи проводят в непрерывных ссорах: одни стремятся заручиться расположением фюрера, другие хотят закрепить за собой власть. Несомненно, что фюрер давно уже это видит, но, руководствуясь совершенно непонятными для меня соображениями, по-видимому, предпочитает именно такой порядок вещей для того, чтобы властвовать. Вот в чем его главный недостаток. Как бы я ни хотел думать иначе, но я все более склоняюсь к выводу, что Сталин умеет делать эти вещи лучше. Подумайте только, что пришлось перенести его системе в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказаться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам. Германия достигла бы гораздо больших успехов, если фюреру удалось проникнуть в самое существо этого вопроса. Но у нас все замышляется и осуществляется вполсилы, и, если

мы не будем соблюдать осторожность, это нас погубит. Гиммлер проявляет твердость лишь в тех случаях, когда чувствует поддержку фюрера. Если бы этого не было, он не в состоянии был бы решить, какого курса ему придерживаться. Гейдрих далеко превосходил его в этом отношении; фюрер был прав, называя его «человеком с железным сердцем». Борман знает, чего хочет, но он слишком мелкая личность и не может думать как государственный деятель. Посмотрите на него и на Гиммлера - ведь это сцепились две змеи. Гиммлеру будет трудно забраться наверх".

Услышав, что Мюллер высказывает подобные взгляды, я был изумлен. Ведь он всегда говорил, что Борман не что иное, как преступник; чему же следовало приписать внезапную перемену отношения к нему? Я нервничал, пытаюсь понять, что нужно Мюллеру. Хочет ли он поймать меня в ловушку? Выпивая одну рюмку коньяка задругой, он отпускал такие выражения в адрес гнилого Запада и наших руководителей - Геринга, Геббельса, Риббентропа и Лея, что те, наверное, чувствовали себя в тот момент весьма дурно. Мюллер был живой картотекой, ему было известно все, самые интимные эпизоды жизни каждого из них, и поэтому он сообщил мне ряд забавных деталей. Но все омрачало не покидавшее меня чувство беспокойства. Чего добивался этот человек, которого переполняли горечь и обида, так внезапно начавший раскрывать передо мной свою душу? Раньше никто подобных вещей от Мюллера не слышал. Для того чтобы направить беседу по иному пути, я беспечным и шутливым тоном заявил:

- Превосходно, господин Мюллер. Давайте сразу начнем говорить "Хайль Сталин", и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД.

Он посмотрел на меня, в его глазах таилась зловещая усмешка.

- Это было бы превосходно, - ответил он презрительным тоном, и его баварский акцент проявился сильнее. - Тогда бы вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице.

Странная беседа закончилась, но я так и не понял, к чему стремился Мюллер. Это стало ясно несколько месяцев спустя. Наш разговор происходил как раз в то время, когда Мюллер стал идеологическим перевертышем. Он уже не верил больше в победу Германии и считал единственно возможным выходом из положения заключение мира с Россией. Это находилось в полном соответствии с его образом действий. Насколько можно было судить по ним, его концепция взаимоотношений государства с отдельной личностью с самого начала не была ни германской, ни национал-социалистической, а фактически была коммунистической. Кто знает, сколько людей тогда под его влиянием перешло в восточный лагерь?

Мюллер прекрасно знал, что ему не удалось произвести на меня впечатление. Перемирие, которое мы заключили на один вечер, закончилось. Впоследствии из-за его враждебного отношения я потратил впустую немало нервов и сил. Между нами шла своеобразная дуэль в темноте, причем преимущество было на его стороне. Враждебность его особенно усилилась с конца 1943 года, когда он установил контакт с русской секретной службой, и мне

приходилось считаться не просто с его личной неприязнью: я был объектом ненависти фанатика.

В 1945 году он присоединился к коммунистам, а в 1950 году один немецкий офицер, возвратившийся из русского плена, рассказывал мне, что в 1948 году видел Мюллера в Москве. Вскоре после той встречи Мюллер умер".

Да-а, шеф гестапо Мюллер, работающий на НКВД и симпатизирующий "восточному лагерю", душеприказчик Гитлера Борман - это вам не загадочная Ольга Чехова и боевик боксер - "перебежчик" Игорь Миклашевский. Такие люди при желании и покушение на Гитлера могли организовать куда лучше, чем Штауффенберг, и государственный переворот устроить, чтобы сделать Третий Рейх союзником Советского Союза. Да и информацию, касающуюся общей стратегии войны и замыслов Гитлера, шеф гестапо и особенно вхожий к Гитлеру и держащий в руках все нити управления начальник партийной канцелярии могли бы поставлять Советам в избытке. Но вот беда: как раз с конца 1943 года, после ареста группы Шандора Радо в Швейцарии, никакая информация стратегического характера из источников в Германии в Москву не поступала". Во всяком случае, сведения такого рода никак не отразились на планировании основных операций Красной Армии в последние два года войны.

В сообщении Шелленберга очень настораживает и то, что Генрих Мюллер, не отличавшийся излишним образованием и интеллектом и не замеченный современниками в склонности к философствованию, в "Лабиринте" предстает настоящим философом, выдвигающим оригинальную концепцию превосходства коммунизма над национал-социализмом. Похоже, что здесь под маской персонажа Мюллера в шелленберговских мемуарах говорит сам Шелленберг, человек весьма образованный. Таким вот иезуитским способом бывший шеф зарубежной разведки национал-социалистической партии, возможно, взялся объяснить Западу причины победы России во Второй мировой войне.

Гелен, вероятно, под впечатлением от книги Шелленберга, в своих мемуарах развил версию о Бормане - советском агенте. Начал он издали - со своих бесед с главой абвера адмиралом Канарисом:

"... Наша беседа приняла весьма оживленный характер после того, как Канарис с явным возмущением упомянул о полученном им от Гитлера задании убить Черчилля. Он отклонил это задание, также как за некоторое время до того проигнорировал приказ разыскать бежавшего французского генерала Жиро и "прикончить его на месте". В связи с этим следует упомянуть, что Канарис решительно отвергал политические убийства. Его глубокая религиозная убежденность абсолютно запрещала ему даже думать о подобной возможности. К этому я, с полной определенностью, могу добавить, что второй отдел его управления, в задачу которого входили диверсии или саботаж - в отличие от советского КГБ и его методов - выводил из строя лишь важные в военном отношении объекты во вражеском тылу. Указания об устранении отдельных выдающихся деятелей противника Канарисом решительно отклонялись, даже если они исходили от политического руководства Германии.

В одной из обстоятельных бесед мы с адмиралом пришли к выводу: Советы, по-видимому, имеют в высшем эшелоне власти нашей страны хорошо ориентирующийся в обстановке источник информации. Не раз, независимо друг от друга, мы убеждались, что через весьма короткий промежуток времени решения, принятые немецким руководством на самом высоком уровне, до мельчайших подробностей становились достоянием противника.

Здесь я хочу нарушить свое длительное молчание и сообщить о тщательно скрывавшемся Советами секрете, который может стать ключом к пониманию одной из самых удивительных и загадочных историй нашего века. Речь идет о роковой роли, которую сыграл ближайший соратники доверенное лицо Гитлера - Мартин Борман во время войны и первые послевоенные годы. Он был важнейшим источником информации и консультантом Советов, начав работать на Москву еще до русской кампании.

Канарис и я - каждый своим путем - установили следующий неоспоримый факт: Борман располагал единственной в Германии неконтролируемой радиостанцией. Однако для нас было абсолютно ясно: скрытно наблюдать за одним из могущественнейших людей, стоявшим в национал-социалистической иерархии сразу после Гитлера, в то время было невозможно. Любой неосторожный шаг означал бы, что с нами мгновенно будет покончено. Канарис поделился со мною казавшимся ему подозрительным фактом и попытался выяснить мотивы изменнической деятельности рейхслейтера. Он не исключал того, что Бормана шантажировали, но полагал, что, скорее всего, побудительными причинами стали безграничное тщеславие и закомплексованность, а также неудовлетворенные амбиции занять, естественно, в подходящий момент место Гитлера. Нам теперь известно, сколь искусно Борману удалось скомпрометировать в глазах фюрера поочередно своих опаснейших соперников - Геринга и Геббельса.

Мои предположения подтвердились лишь после 1946 года, когда представилась возможность провести расследование обстоятельств таинственного исчезновения Бормана из бункера Гитлера в Берлине. Неоднократно появлявшиеся в международной прессе утверждения, что бывший рейхслейтер якобы живет в непроходимых джунглях между Парагваем и Аргентиной в окружении вооруженной до зубов личной охраны, лишены всякого основания.

Две полученные мною в пятидесятые годы заслуживающие доверия информации позволяют утверждать, что Борман находился в Советском Союзе, само собой разумеется, под чужой фамилией и надежной охраной.

Бывший заместитель Гитлера по партии переметнулся к Советам в тот момент, когда Красная Армия, завершив штурм Берлина, окружила здание новой имперской канцелярии, под которым в глубоком бункере скрывался Гитлер со своими приспешниками. Сейчас Бормана уже нет в живых".

Просто фантастика, если представить себе, как два истинных патриота Рейха Канарис и Гелен, рискуя жизнью, выслеживают советского супершпиона Бормана. Вообрази себе, читатель, как адмирал и генерал (подчиненным такого дела не поручишь!) дождливой ночью хоронятся в саду бормановской

виллы, чтобы засечь, как рейхслейтер на своем не контролируемом германскими спецслужбами передатчике отстукивает морзьянку в Москву. Хороший сюжет для сенсационного детектива.

Но в сообщении Гелена истине соответствует только одна, последняя фраза: "Сейчас Бормана уже нет в живых". Для 1971 года, когда вышли в свет мемуары Гелена, это утверждение было абсолютно верно. В остальном же абсурдность этих сведений в книге бывшего начальника отдела "Иностранные армии - Восток" лезет, как говорится, в глаза.

Взять хотя бы эпизод с замышляемым покушением на Черчилля. Не исключено, что Канарису действительно было не по душе готовить убийство главы государства, пусть и вражеского. Трудно, однако, поверить, что после отказа от столь ответственного задания адмирал остался во главе абвера. Его не арестовали бы, но отдела его отстранили бы немедленно. И потом, почему Гитлер после "неудачи" с Канарисом не поручил этот теракт века Шелленбергу, который отличался куда меньшей щепетильностью, чем "маленький адмирал"? Нет, в своих мемуарах Гелен о таком поручении ничего не пишет, а он вряд ли стал бы скрывать, если бы оно было. Ведь написал же Шелленберг о несостоявшемся покушении на Сталина, которое он будто бы готовил осенью 1944-го - соответственно, по поручению самого фюрера.

Будь Борман советским агентом еще до вторжения немцев в Советский Союз - Сталин знал бы во всех деталях "Барбаросса", но он не знал даже о дне вторжения.

Гелену был недоступен захваченный советскими войсками среди прочего дневник рейхслейтера за последние месяцы Третьего Рейха. 29 апреля 1945 года Борман, например, с возмущением записал: "... предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас большевикам" (а чего возмущаться - радоваться бы советскому агенту). 27 апреля он клянется: "Мы будем бороться и умрем с нашим фюрером - преданные до могилы". И свое слово Борман сдержал: после того как предпринятая 1 мая 1945 года попытка вырваться из кольца советских войск в Берлине потерпела неудачу, рейхслейтер в ночь на 2 мая раскусил ампулу с цианистым калием. Вскоре после публикации книги Гелена останки Бормана были обнаружены в Берлине при проведении строительных работ и идентифицированы по схеме зубов, точно зафиксированной его бывшим стоматологом. Поэтому в 1973-году прокуратура ФРГ признала Бормана умершим. Однако кое-какие сомнения в процедуре опознания остались. И вот время от времени "следы рейхслейтера" находили то в Италии, то в Чили, то в Аргентине. Чтобы положить конец этим спекуляциям, родные Бормана согласились на генетическую экспертизу останков, найденных недалеко от вокзала Лертер Банхоф. Экспертиза в 1997 году однозначно подтвердила, что это останки Бормана. Версия о Бормане - советском агенте исчезла в мгновение ока.

Генрих Мюллер нашел свой конец тоже в Берлине 2 мая 1945 года. Его имя и дата смерти стоят на могиле одного из берлинских кладбищ. Эكсгумация показала, что в захоронении покоятся останки шести человек. На то, что

один из них мог быть Мюллером, указывает найденный в могиле погон группенфюрера. Это звание имел шеф гестапо, а пропавших без вести группенфюреров в Берлине в последние дни войны, кроме него, не было.

Но, может быть, все-таки есть в свидетельствах Шелленберга и Гелена какая-то крупица истины? Почему они так настойчиво указывали на связи Бормана и Мюллера с Советским Союзом? Думаю, что ответ вытекает из того разговора с Мюллером, который цитирует в своих мемуарах бывший шеф 6-го управления РСХА. Конечно же Шелленберг добавил немало отсебятины, но основную мысль Мюллера, похоже, передал верно: надо во что бы то ни стало заключить сепаратный мир со Сталиным. Для Шелленберга, тайно желавшего достичь соглашения с западными державами, такой вариант был совершенно неприемлем. Не случайно в немецкой версии его мемуаров Мюллер на шутовское ему предложение возглавить НКВД язвительно отвечал: "Вас-то, по носу видать, на Запад тянет".

Для того чтобы попытаться предложить Сталину сепаратный мир, нужна была независимая от германского МИДа и других спецслужб связь с Москвой. Таким каналом легко могла стать только что разоблаченная гестапо разветвленная советская разведывательная сеть в Западной Европе, которой немцы дали условное наименование "Красная капелла". По свидетельству Шелленберга, именно Борман, по партийной линии, курировал расследование деятельности "Красной капеллы". Так вот эта группа советских агентов располагала мощными радиопередатчиками - чем не возможность передачи советской стороне предложения о сепаратном мире?

Неожиданное подтверждение этой версии мы находим в мемуарах руководителя "Красной капеллы" советского разведчика Леопольда Треппера, названных им "Большая игра".

Треппер был арестован 24 ноября 1942 года в Париже. Он согласился работать под немецким контролем, рассчитывая предупредить Центр о провале агентурной сети и всех радиопередатчиков. Уже 29 декабря французские коммунисты сообщили в Москву об исчезновении Треппера, но там оставили эту информацию без внимания и продолжали принимать сообщения радиостанций, работавших под колпаком немцев, за чистую монету. Трепперу, однако, удалось тайно от гестапо, через оставшуюся на свободе связную сообщить о провале группы. Сообщение поступило в Москву 7 июня 1943 года, а в сентябре Треппер бежал и скрывался до освобождения Парижа войсками союзников в августе 1944-го.

По свидетельству Леопольда Треппера, приставленный к нему гестаповец Карл Гириг уже на следующий день после ареста, 25 ноября, сформулировал основное содержание информации, которую резиденту следовало передавать в Центр:

"Единственная цель Третьего Рейха состоит в том, чтобы заключить мир с Советским Союзом... Все более разрастающаяся кровавая битва между вермахтом и Красной Армией может радовать только капиталистов-плутократов. Разве не сам фюрер назвал Черчилля алкоголиком, а Рузвельта - несчаст-

ным параликом? Но вот какое дело: если в нейтральных странах легко войти в контакт с представителями англо-американцев, то там почти невозможно встретить эмиссаров советского правительства. Эта проблема долго оставалась для нас неразрешимой. Но наконец нам пришла в голову мысль использовать для этого "Красный оркестр". Когда его сеть будет "повернута в обратную сторону", т. е. будет действовать под нашим руководством, ее передатчики станут инструментами для достижения этого мира..."

Далее, по словам Треппера, Гириг продемонстрировал несколько радиogramм, переданных подконтрольными передатчиками, и с удовлетворением заявил, что в Москве еще ни о чем не догадываются. Передаваемый материал содержит первоклассную военную и политическую информацию. Ведь надо сохранять доверие советской стороны.

"Уж так и быть, - поверял гестаповец подопечному арестанту, - в течение нескольких месяцев мы будем идти на маленькие жертвы во имя великого дела, и в тот день, когда мы убедимся, что у русских нет ни малейших подозрений относительно их сетей, работающих на Западе, именно в тот день начнется второй этап. Тогда к вашему Директору станет поступать информация решающего значения, исходящая из самых высоких кругов Берлина. Эта информация будет содержать неопровержимые заверения в том, что мы ищем сепаратного мира с Советским Союзом..."

Этот пассаж Треппер прокомментировал в мемуарах следующим образом:

"Так, значит, вот куда он клонил! Вот смысл всей этой-подготовленной для меня инсценировки, вот вывод из пространных речей! Нацисты предлагают мне альтернативу: либо работать на них, имея в виду "перемену союзников", и тогда я становлюсь одной из главных фигур на новой шахматной доске, либо смириться с тем, что меня попросту "устранят"..."

Какой чудовищный шантаж! По мере того как шеф зондеркоманды разглагольствует, я лихорадочно, сосредоточенно и быстро оцениваю размах этого маневра, прекрасно вижу расставленный для меня капкан. И я прихожу к первому выводу: не так уж сильно это меня удивляет. Действительно, не удивляет. Мне уже приходило на ум, что немцы не столько старались уничтожать наши рации и физически ликвидировать наших людей, сколько стремились, так сказать, "повернуть их на 180 градусов". В годы второй мировой войны подобная тактика стала нормой, и, как покажет практика, я далеко не единственный, которым пытались манипулировать таким образом. Только Гириг и его друзья - и это мой второй, отнюдь не менее важный вывод - нахально лгут, утверждая, будто Третий Рейх желает заключить с Советским Союзом сепаратный мир. В ноябре 1942 года я твердо знаю (впрочем, знаю я это еще с осени 1939 года), что в руководстве партии, равно как и в некоторых высокопоставленных политических и военных нацистских кругах лелеют надежду на компромисс с Западом и что если и будет какой-то сепаратный мир, то заключат его с "капиталистами-плутократами" - будь они "алкоголиками" или "паралитиками" - и, само собой разумеется, за спиной СССР.

На подобной позиции могли бы стоять скажем, абвер или адмирал Канарис (кстати, его игра прояснится окончательно только после войны). Но чтобы такая инициатива исходила от шелленбергов, гейдрихов, мюллеров, гиммлеров, хозяев гестапо! Ну уж нет! Мне хочется крикнуть Гириргу: "Как же вы заставите нас поверить, что готовы замирииться с первой социалистической страной?" Для этих фанатиков не могло быть и речи о сепаратном мире, они добивались только одного: подорвать антигитлеровскую коалицию. Вот чему должна была служить эта громоздкая адская машина, к которой меня хотели подключить и в которой таилась главная опасность: возбудить недоверие, а затем и взаимную враждебность среди союзников, а затем пожинать ее плоды. Но мы, бойцы "Красного оркестра", всегда считали неизбежной войну между гитлеровской Германией и Советским Союзом; эту нашу точку зрения не поколебал даже пакт о ненападении 1939 года".

В доказательство того, что "хозяева гестапо" не думали всерьез о "замирении" с Советским Союзом, Треппер цитирует следующее место из французского издания мемуаров Шелленберга: "Было очень важно войти в контакт с русскими в момент вступления в переговоры с Западом. Растущее соперничество между союзными державами укрепило бы наши позиции". Получается, что переговоры с СССР были нужны немцам только как средство давления на западные державы, средство сделать их сговорчивее. Но чтобы убедить нас в этом, Трепперу приходится не брать в расчет разговор Шелленберга и Мюллера, когда шеф гестапо так убежденно говорил о необходимости сепаратного мира с Советами. В другом месте своих мемуаров он упоминает об этом разговоре как о не заслуживающем доверия: "... Шелленберг пытается доказать, что Мюллер постепенно превратился в поклонника Сталина и его режима. Вместе с Борманом он его подозревает даже в том, что тот вел собственную игру с Москвой, хотя ничем не доказывает этого". Ссылка на этот эпизод в мемуарах Шелленберга понадобилась Трепперу только для иллюстрации наличия противодействий между руководителями спецслужб Третьего Рейха, но отнюдь не в контексте выбора сепаратного мира.

Бросается в глаза и другая несообразность в рассказе Треппера. Гирирг будто бы стремился убедить схваченного советского резидента в том, что немцы заинтересованы в заблуждении Москвы: агенты ее "Красной капеллы" все еще на свободе и поставляют ценную информацию. Но разве можно решать столь громадной важности вопрос, не будучи уверенным, что к вам через каких-то посредников обращаются от имени лиц, действительно имеющих реальную власть и полномочия? И действующий в подполье агент советской разведки - не самый лучший канал для зондажа условий сепаратного мира. С чего это вдруг Гиммлер, Шелленберг или Мюллер станут обращаться к Трепперу, по легенде - скромному французскому коммерсанту Жану Жильберу, совладельцу экспортно-импортной фирмы "Симэкс"? И как тогда воспримет Москва подобное сообщение? В лучшем случае - как ходящие в Париже слухи. Совсем другое дело, если Центр будет знать, что Треппер и его радисты действуют под контролем гестапо. Тогда в Кремле действитель-

но могут поверить, что предложения сепаратного мира исходят от Мюллера или кого повыше. Значит, гестапо было чрезвычайно важно дать понять советской стороне: Треппер и его люди взяты и передают теперь только то, что хотят передать в Москву германские спецслужбы.

По свидетельству Треппера, сменивший Гирига на посту руководителя зондеркоманды "Красная капелла" Хайнц Паннвиц считал, что одних радиogramм недостаточно:

"Паннвиц объяснял мне - и я слушал его с якобы напряженным, а на самом деле наигранным вниманием, - что давно уже следует перейти к политическому этапу... Новый шеф зондеркоманды предложил мне переселиться из тюрьмы в Нейи на частную виллу, где я мог жить под незаметной для меня ненавязчивой охраной. По мнению Паннвица и его начальства, контакт с Москвой при помощи одних только радиоволн стал недостаточным, и теперь, на следующем этапе, необходимо установить с ней прямые связи. Он задумал весьма престижный план отправки в Центр эмиссара, который проинформировал бы Москву о желании довольно многочисленной группы германских военных обсудить вопрос о сепаратном мире с Советским Союзом. Предполагалось, что этот специальный посланник повезет с собой документы, отражающие подобные настроения в офицерских кругах. Но в его багаже будут и такие бумаги, из которых видно, что другие представители германских вооруженных сил тоже тяготеют к сепаратному миру, но... с Западом.

Излишне говорить, что вся эта хитроумная стратегия преследовала одну единственную цель - взорвать антигитлеровскую коалицию, и в этом смысле проявлялось большое упорство...

Гиммлер, ознакомившись с планом Паннвица, сказал, что посылать в Москву "коммивояжера" слишком рискованно. Как разъяснил мне Паннвиц, он побоялся воздействия притягательной силы коммунизма на добропорядочного нациста. В его памяти еще был свеж пример берлинской группы "Красного оркестра". То, что люди вроде Шульце-Бойзена или Арвида Харнака могли стать "советскими агентами", то, что мужчины и женщины, отлично чувствующие себя в высшем обществе и свободные от финансовых забот, втянулись в антинацистскую борьбу, - все это было непостижимо для гестаповских мозгов.

Но Паннвиц не унывал. Он поведал мне другой вариант. На сей раз речь шла уже о прибытии представителя Центра в Париж. Ни секунды не колеблясь, больше того, симулируя живейшее одобрение, я ответил ему, что такая идея кажется мне вполне осуществимой...

Поэтому в Центр было отправлено подробное донесение, в котором говорилось, что группа офицеров желает вступить в контакт с Москвой. Одновременно предлагалось отрядить своего эмиссара к немцам. Этот план получил достаточно далеко идущее развитие, поскольку упомянутая встреча была назначена на бывшей квартире Гилеля Каца (одного из сотрудников Треппера. - Б. С), на улице Эдмон-Роже № 8.

Однако эмиссар из Москвы не прибыл.

Действительно ли этот зондаж имел целью осложнить отношения между партнерами по антигитлеровской коалиции, а не достичь сепаратного мира с Советским Союзом? Если так, то странен способ, избранный немцами для выполнения задачи. Ведь тогда необходимо было разглашение в нужный момент сведений о секретных советско-германских переговорах с целью посеять недоверие между союзниками. Но тут избранный канал для связи был самым неудачным. Ну каким образом, кроме как от самих немцев или русских, западные державы могли узнать о существовании "Красной капеллы"?

Советский Союз сведения о переговорах с Германией о сепаратном мире, естественно, таил бы от союзников до последней возможности. Ну а если бы сведения о стремлении Сталина к сепаратному миру с немцами поступили бы в Лондон и Вашингтон от немцев, то вряд ли бы они вызвали там доверие. Слишком очевидна была в данном случае заинтересованность Германии. Уж коли Борман, Мюллер и другие руководители Рейха хотели заронить взаимное недоверие во вражеской коалиции, то резонней было бы начинать переговоры с Москвой в какой-нибудь нейтральной стране. Даже посылка своего эмиссара в советскую столицу давала больше шансов для огласки вверенного ему задания, хотя бы через аккредитованных там западных дипломатов. Однако от отправки человека в Москву со столь решительным поручением Гиммлер, как явствует из мемуаров Треппера, отказался. Видимо, опасался за секретность переговоров. Не очень понятно, почему Паннвиц, по Трепперу, говорит о "довольно многочисленной группе немецких офицеров", якобы желавших сепаратного мира с Россией. Неужели в Берлине были настолько наивны, что полагали: Сталин всерьез заинтересуется стремлением капитанов и полковников вермахта к советско-германскому соглашению? А как дезинформация такое сообщение вообще не имело смысла. Ясно, что предложение, исходящее ниже чем от командующего одной из германских групп армий, никакой реакции с советской стороны вызвать не могло. И уже совсем иное дело, если сепаратного мира желают Борман и Мюллер, люди из ближайшего окружения Гитлера, к тому же и сами обладающие немалой властью. Тогда сведения о том, что и кто-то другой в нацистской верхушке - например, Гиммлер и Шелленберг - желает сепаратного мира с Западом, могут пригодиться для торга на советско-германских переговорах, если они все-таки начнутся.

Ну а об опасениях Гиммлера, будто посланный в Москву курьер будет распропагандирован и встанет на путь немецких участников "Красной капеллы", Треппер наверняка придумал. Слишком уж приписываемые рейхсфюреру слова близки к тем, что вкладывает в уста Мюллера Шелленберг в немецком и французском вариантах своих мемуаров: "Я вот думаю о некоторых людях из "Красной капеллы" - о Шульце-Бойзене или Харнаке. Они тоже были людьми из вашего мира (круга, к которому принадлежал Шелленберг, выходец из состоятельной интеллигентной семьи. - Б. С.), но они были людьми совсем другого сорта - они не цеплялись за полумеры, а были настоящими прогрессивными революционерами, которые всегда искали окончательных решений и остались верны своим убеждениям до самой смерти".

В пользу версии, что с "Красной капеллой" была связана реальная попытка кого-то из германских руководителей достичь сепаратного мира с Советами, говорят многие подробности побега Леопольда Треппера. Вот как описан этот знаменитый побег в его книге "Большая игра":

" Былое недоверие Берга (заместителя начальника зондеркоманды «Красная капелла», приставленного к Трепперу. - Б. С), благодаря сложившимся между нами отношениям, притупилось... Вдобавок Берг, в результате несчастия, постигшего его семью, очень уязвим. Страдая скверным здоровьем, он ищет утешения в бутылке. Почти всегда в промежутке между двумя выпивками он жалуется на резкие боли в животе.

Уязвимость Берга, его склонность к спиртному - один из крупных дефектов в броне зондеркоманды, и я широко использовал это, стремясь завоевать его доверие... Я расспрашиваю его о здоровье, советую как следует полегчить и обещаю когда-нибудь зайти с ним в аптеку Байи на улице Рима № 15, где, я уверен, он найдет идеальное средство от своих болей. Мое предложение не случайно, ибо эта аптека давно уже фигурирует мысленно в составленном мною списке мест, наиболее благоприятных для побега... Аптека Байи отличается одной очень интересной особенностью: в ней два выхода - один на улицу Рима, другой на улицу дю Роше... Завтра Берг, как обычно, приедет за мной, чтобы вместе поехать на улицу де Соссэ (где находилась явочная квартира. - Б. С.), куда мы прибудем около полудня. Он мне почти наверняка предложит отправиться в аптеку и войдет в нее со мной. Тогда я проследую к прилавку, оттуда к кассе, чтобы затем уйти через противоположный выход. Сперва Берг окажется в невыгодном положении: окруженный французами (в аптеке Байи всегда полно покупателей), он закричит по-немецки, и это едва ли даст что-нибудь. Откроет ли он по мне стрельбу? Вряд ли: слишком велик риск попасть в другого. Если попытается погнаться за мной, то тут я рассчитываю на свою резвость и... на его почти перманентное состояние опьянения. Очутившись на улице, надеюсь за несколько минут добраться до станции метро, доехать до конечной остановки линии на Нейи, потом пересесть на автобус в Сен-Жермен, где разыщу своего человека. Уехать поездом с вокзала Сен-Лазар? Исключено! Конечно, будет объявлена тревога, и гестапо, несомненно, оцепит всю округу, раскинет огромную сеть. Я хорошо помню, что на руках у меня подлинный документ, ибо всякий раз перед нашим отъездом Берг... вручает мне удостоверение личности и некоторую сумму денег..."

Гестаповец сам пошел навстречу плану Треппера. Вот как описано далее развитие событий в книге "Большая игра":

" 13 сентября. Меня чуть лихорадит, надеюсь, ничто не нарушит мой план, что Берг чувствует себя не хуже обычного и не отменит свой визит ко мне, не пошлет никого взамен себя. Нет, все идет хорошо: он приезжает ровно в одиннадцать тридцать. Мы садимся в машину и выезжаем за ворота..."

Мы с Бергом едем по Парижу, приближаемся к цели. Берг, как и полагается, вручил мне мое удостоверение и банкноту в пятьсот франков. С предельно участливым видом я осведомляюсь:

- Как вы себя чувствуете сегодня?

- Все хуже и хуже... (Кажется, он как-то особенно удручен...) Нам нужно заехать в аптеку.

Мы подъезжаем к аптеке Байи. Берг объят полудремой. Я легонько толкаю его локтем и говорю:

- Приехали, вы войдете?

В ответ я слышу совершенно невероятное:

- Поднимитесь, купите лекарство и быстро возвращайтесь...

Что у него на уме? Что еще за маневр? Хочет меня испытать? Я очень спокойно смотрю ему в глаза и говорю:

- Но, позвольте, Берг, в этой аптеке есть другой выход.

- Я всецело доверяю вам, - отвечает он, смеясь, - и потом, я слишком устал, чтобы карабкаться по этажам.

Я не заставляю его повторять это дважды. Вхожу в аптеку и... почти сразу же покидаю ее с другой стороны. Через несколько минут я в метро. Сажусь в поезд. Еду. Пересаживаюсь в сторону Пон де Нейи. Мне просто неслыханно везет. У выхода из метро сажусь в автобус на Сен-Жермен. Мало-помалу я обретаю спокойствие. Тем не менее машинально, рефлекторно оглядываюсь вокруг. Никто на меня не смотрит. Тогда я начинаю размышлять о возможных реакциях Берга. Первые десять минут он не станет удивляться - за это время можно лишь зайти в большой магазин и что-то купить. К тому же в полдень везде толчея... Потом, не понимая, почему меня нет, заинтригованный, он поднимется на второй этаж аптеки и будет искать меня по всем углам. На это уйдет еще добрых десять минут. Зондеркоманда прибудет на место, откуда я бежал, не раньше чем через сорок - пятьдесят минут. Но тогда я уже буду находиться в гораздо более спокойном районе... В половине первого я в Сен-Жермене. Я свободен..."

А как ты думаешь, дорогой читатель, не слишком ли невероятно поведение Берга, да и самого шефа зондер-команды Паннвица? Сначала они переводят арестованного Треппера из тюрьмы на виллу. Затем снабжают его удостоверением, деньгами и устраивают ежедневные поездки по многомиллионному городу Парижу, где не так уж сложно затеряться в толпе. Да еще разрешают по дороге заезжать в аптеки и магазины. Берг же, узнав, что в аптеке Байи два выхода, беспечно отпускает туда Треппера одного. Не знаю, как у тебя, читатель, а у меня складывается впечатление, что у гестапо в тот момент была только одна задача: всеми силами заставить Треппера бежать. Вильгельм Берг, наверно, мысленно давно внушал Леопольду Трепперу: "Беги же, дурак, никто тебя не тронет". И действительно не тронули. Ведь Берг, проявивший, казалось бы, невообразимую халатность, благополучно сохранил свой пост. Зато почти всех подпольщиков, с которыми контактировал Треппер во

время своей парижской одиссеи, гестапо удалось арестовать. Думаю, что прямо от аптеки Байи за Треппером пошел "хвост".

Кстати, еще в январе 1943-го бежал другой арестованный - радист "Красной капеллы" Иоганн Венцель, при этом тоже при странных обстоятельствах. Гестаповцы, видите ли, оставили ключ от радиопункта с наружной стороны двери. Венцель запер их в этом пункте-квартире и успел убежать, пока сотрудники зондеркоманды ломали дверь изнутри. Однако связь с Центром с помощью самодельного передатчика ему установить так и не удалось.

Очевидно, немцы, после того как Треппер с воли передал радиограмму о провале, как раз и убедили Москву, что все передатчики "Красной капеллы" работают под контролем гестапо, передают ценную информацию и - что, следовательно, к их предложению о сепаратном мире можно относиться с доверием.

Радиообмен по этому вопросу продолжался до самого конца войны. Я думаю, что Борман и Мюллер рассчитывали сначала договориться с советской стороной об условиях мира, а потом сообщить о них Гитлеру, рассчитывая на его одобрение. Никакого заговора против фюрера у них и в мыслях не было, и конечно же никакими советскими агентами они не были. И Борман, и Мюллер слишком погрязли в преступлениях Третьего Рейха - в частности, в "окончательном решении еврейского вопроса", чтобы надеяться уцелеть при любом другом режиме, кроме гитлеровского.

Сталину сепаратный мир с Гитлером был совершенно не нужен. Сильная Германия всегда оставалась бы большой помехой для советской гегемонии в Восточной Европе и барьером для продвижения в Западную Европу. Иосифу Виссарионовичу нужны были только слухи о возможности советско-германского сепаратного мира, чтобы сделать Рузвельта и Черчилля сговорчивее. Материалы, получаемые от "Красной капеллы", как раз и создавали такие слухи.

В последние дни войны из Берлина поступила команда уничтожить документы, связанные с "Красной капеллой". Начальник зондеркоманды Хайнц Паннвиц, эвакуировавшийся вместе с подчиненными в Германию, часть документов все-таки сохранил. Он здраво рассудил, что надо сдаваться в плен Красной Армии, а не западным союзникам. Ведь во Франции Паннвица могли обвинить в репрессиях против участников движения Сопротивления и повесить или, в лучшем случае, осудить к длительному сроку тюремного заключения. В СССР же документы по делу "Красной капеллы", равно как и сам бывший начальник одноименной зондеркоманды, представляли определенный оперативный интерес для органов госбезопасности. И Паннвиц не прогадал, хотя рисковал сильно. Как свидетельствует Судоплатов:

"Разоблачения Паннвица... имели лишь ограниченный интерес в глазах руководства разведки. Широкая известность Паннвица на Западе исключала возможность использования его для наших активных операций. Поскольку он мог сообщить о тех осведомителях гестапо, которых мы вместе с британской разведкой все еще продолжали разыскивать, было решено не ликвидиро-

вать его, а держать и дальше в тюрьме. Треппер, Радо и Гуревич (брюссельский радист "Красной капеллы", оставшийся с Паннвицем до конца войны и потом приписывавший себе честь "переворботки" гестаповца; думаю, что на самом деле Паннвиц сам предложил свои услуги Советам, используя Анатолия Гуревича в качестве посредника. - Б. С.) разделили его судьбу: они остались в живых только потому, что их показания могли понадобиться в дальнейшем. После десяти лет пребывания в тюрьме Паннвица репатриировали в Германию".

Документы, доставленные в Москву Паннвицем, до сих пор хранятся неопубликованными в архиве ФСБ. Только их обнародование может пролить свет на суть тех предложений, что делали в 1943-м и позднее Мюллер с Борманом, а также на то, какова была реакция на это советской стороны,

В заключение я хочу остановиться на единственном покушении на Гитлера, которое едва не привело к успеху. Речь идет о бомбе, которую полковник граф Клаус фон Штауффенберг взорвал в ставке Гитлера "Волчье логово" в Восточной Пруссии 20 июля 1944 года. В отличие от призрачных покушений японской и германской разведок на Сталина и советской - на Гитлера, это было вполне реальное покушение, и его участниками двигали легко объяснимые мотивы. Видя, что Гитлер ведет Германию в пропасть тотального поражения и безоговорочной капитуляции, Штауффенберг и другие участники заговора рассчитывали убить фюрера, захватить власть в стране и добиться заключения мира со странами антигитлеровской коалиции на условиях сохранения Германии как независимого государства в границах 1937 года. Если бы покушение удалось - какие-то шансы на исполнение такого плана у заговорщиков были. Хотя это еще вопрос, что возглавляемые Гиммлером войска СС после смерти Гитлера сдались бы без боя и основная часть вермахта подержала бы Бека, Герделлера, Вицлебена, Гепнера и Штауффенберга.

Интересное свидетельство о том, как развивались события в гитлеровской Ставке в день покушения, оставил Ганс Раттенхубер:

" В четверг, 20 июля 1944 года, на 14 часов дня было назначено заседание военного совета, где между прочим должен был обсуждаться вопрос о вооружении дивизий " народных гренадеров" (ополченцев).

В связи с этим Гитлер пригласил принять участие в заседании непосредственно занимавшегося формированием упомянутых дивизий полковника графа фон Штауффенберга (начальник штаба армии резерва. - Б. С.). Геринг и Гиммлер должны были также присутствовать на совещании.

Штауффенберг вместе с обер-лейтенантом Хефтером и начальником связи германской армии генералом Фельгибелем вылетели из Берлина в ставку и доложили о своем прибытии фельдмаршалу Кейтелю.

По неизвестной мне причине в последний момент начало совещания было перенесено на 13 часов 30 минут - на полчаса раньше. Так что об этом изменении не успел и даже оповестить Геринга и Гиммлера.

Незадолго до того как Кейтель со Штауффенбергом пришли на совещание, последний незаметно, посредством плоскогубцев, вытащил предохранитель

из адской машины, действие которой было рассчитано максимально на 30 минут, а затем заказал телефонный разговор с верховным командованием сухопутных сил.

Кейтель и Штауффенберг пошли на совещание, а Фельгибель и Хефтер остались у помещения офицера Зандера, руководившего узлом связи в ставке. Здесь же остановилась также автомашина, на которой Штауффенберг и Фельгибель приехали с аэродрома.

По пути к бараку, где проводилось совещание, адъютант Кейтеля - майор Ион хотел было помочь Штауффенбергу нести портфель (так как у Штауффенберга были раньше тяжело ранены обе руки), но Штауффенберг это резко отклонил.

Они вошли в барак, где уже были офицеры и куда вскоре вошел сам Гитлер.

На столе были разложены карты: слева - Восточного фронта, справа - карта Южного фронта, а на середине стола - карты Центрального и Северного фронтов.

Штауффенберг после приветствия Гитлера поставил портфель на пол, прислонив его к правой ножке стола, немного поговорил с генералом Буле (начальником управления оснащения сухопутных сил) и вышел из помещения к узлу связи под предлогом необходимости разговора по телефону, где его ожидали Фельгибель и Хефтер.

За это время обсуждение вопроса о положении на Южном фронте закончилось, и Гитлер подошел к середине стола, где находилась карта Центрального фронта.

В это же время генерал Буле вызвал Штауффенберга, так как хотел ему передать какие-то распоряжения.

Когда Гитлер наклонился над столом, а Буле также подошел к этому столу, - последовал взрыв. Правая ножка стола была совершенно уничтожена. Находившаяся над ней часть стола с картой Южного фронта была выбита, а висевшая над столом люстра упала на голову генерал-полковнику Йодлю.

Штурмбанфюрер СС Гюнше и майор Ион, стоявшие у окон, были выброшены силой взрыва наружу вместе с оконными рамами. Стенографу Бергеру оторвало обе ноги. Тяжелые ожоги и ранения получили генералы Шмундт и Кортен, а также подполковник Брандт, капитан Ассман, подполковник Боркман и генерал Боденшац. Бергер, Шмундт, Кортен, Брандт впоследствии умерли от полученных ран. Лишь один фельдмаршал Кейтель случайно остался невредимым.

Гитлер получил незначительные повреждения правой руки и стал плохо слышать на одно ухо. Взрывной волной брюки Гитлера были разодраны в клочья. Получив нервный шок, он не смог сам идти, и два охранника с трудом помогли ему в таком виде добраться до своего бункера.

Немедленно после взрыва Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер выехали на автомашине на аэродром, не узнав подробности о результатах произведенного покушения.

Начальник 1 -го отдела охраны штурмбанфюрер СС Хегель был на пути к бараку, когда раздался взрыв. Он увидел столб дыма и пыли и немедленно приказал закрыть входы и выходы из ставки.

Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер доехали до караульного поста, где были задержаны, но после телефонного разговора с адъютантом коменданта ставки были пропущены. Так они добрались до аэродрома и немедленно вылетели в Берлин.

Хегель направился в помещение, где было совершено покушение, и после осмотра установил, что взрыв последовал не из-под половиц, а что взорвался предмет, стоявший на полу.

Хегель спросил вахмистра Адама, кто выходил из помещения во время заседания. Адам ответил, что выходил Штауффенберг и что он его ищет, так как им заказан телефонный разговор с Берлином. Свои подозрения в отношении Штауффенберга Хегель доложил Кейтелю и приехавшему в это время Гиммлеру. Тотчас же было установлено, что Штауффенберг, Хефтер и Фельгибель с подозрительной поспешностью вылетели в Берлин.

С санкции Гиммлера Хегель позвонил в Берлин начальнику IV управления СД Мюллеру и сообщил ему о происшедшем и подозрениях на Штауффенберга, для принятия соответствующих мер. Мюллер немедленно учредил наружное наблюдение за Штауффенбергом, Фельгибелем и Хефтером сразу же после их прибытия на аэродром для установления круга заговорщиков.

Наружное наблюдение сопровождало их до квартир отдельных участников заговора... а затем в штаб генерал-полковника Фромма (командующего армией резерва. - Б. С.).

Когда Штауффенберг и Хефтер (Фельгибель поехал в другое место) доложили Фромму об "удавшемся покушении", последний их застрелил. Вероятно, Фромм уже знал, что покушение не удалось.

По приказу Гиммлера в ставку была направлена "особая комиссия гестапо" для проведения тщательного расследования на месте. Из членов комиссии припоминаю специалиста по взрывчатым веществам - штурмбанфюрера СС Видемана...

В самом барাকে, где произошел взрыв, комиссия обнаружила остатки портфеля, плоскогубцев, капсуля, и к концу дня вся картина покушения была уже ясна.

Шофер, отвозивший трех офицеров на аэродром, показал на допросе, что во время поездки почувствовал толчок, как будто кто-то из пассажиров выбросил что-то из машины. При осмотре местности была найдена вторая адская машина, выброшенная из автомобиля.

Анализ взрывчатки, как говорил мне Видеман, показал, что взрывчатое вещество было английского происхождения, однако оно могло быть воспроизведено и в химической лаборатории имперского Управления криминальной полиции.

В последующие дни были арестованы фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гепнер и Штиф, обергруппен-фюрер СА граф Гельдорф, а ряд офицеров,

в том числе генерал Вагнер и полковник Фрейтаг фон Лорингофен, покончили жизнь самоубийством.

В соучастии в покушении на Гитлера подозревался также начальник имперской криминальной полиции группенфюрер СС Небе, которому удалось бежать и некоторое время скрываться, пока он не был арестован в окрестностях Берлина...

Следует отметить, что, как показал генерал Штиф, покушение на Гитлера планировалось вначале в Берхтес-гадене, однако не было осуществлено, так как заговорщики в силу особо тщательной охраны этого района не смогли бы оттуда выбраться.

Затем было намечено осуществить покушение в начале июля 1944 года около замка Клесхейм, где Гитлер должен был осматривать новые типы танков и военного обмундирования. Заговорщики хотели положить в ранцы трех солдат, демонстрировавших обмундирование, мины, которые должны были взорваться при малейшем натягивании одного из ремней на ранце. В этих целях взрывчатка была принесена в ставку командования сухопутных сил (лес Мауэрвальд), где ее хотели было зарыть, однако этому помешали сотрудники тайной полевой полиции, обнаружившие эту взрывчатку. По приказу заговорщика генерал-квартирмейстера Вагнера расследование по этому делу было прекращено.

Далее было установлено, что Штауффенберг приезжал с адской машиной также и в ставку Гиммлера, но имел ли он намерение совершить там покушение на Гиммлера, - осталось невыясненным.

До осени 1944 года точного происхождения взрывчатого вещества, посредством которого заговорщики осуществляли покушение на Гитлера, не было установлено (взрывчатка оказалась трофейной, английской, и была предоставлена Штауффенбергу участвовавшими в заговоре офицерами абвера. - Б. С.). Возможно, что поэтому поводу дал показания Небе, однако мне это неизвестно".

Опыт покушения 20 июля доказывает, что даже возможность пронести бомбу в помещение, где находился Гитлер, отнюдь не гарантировала успеха. Штауффенберг, потерявший в Тунисе правую руку и два пальца левой, не мог использовать для покушения пистолет, да и вытащить его и произвести прицельный выстрел во время совещания было почти невозможно. Не мог он и взорвать бомбу или гранату, непосредственно метнув ее в фюрера. Оставалась только бомба с взрывателем замедленного действия. Но в этом случае покушающийся не мог предугадать, в каком положении по отношению к заложенному заряду окажется жертва в момент взрыва. Гитлера спас дубовый стол, над которым он склонился, рассматривая карту обстановки на фронте группы армий "Центр". Кроме того, полковник Брандт, которому мешал портфель Штауффенберга, передвинул его по другую сторону ножки стола, так что теперь массивная тумба заслонила фюрера от бомбы. Даже при столь благоприятно сложившихся поначалу обстоятельствах для покушения - Штауффенберг сумел поставить портфель с бомбой у самых ног Гитлера! - успех

зависел только от случая. По воле случая совещание было внезапно из-за жары перенесено в барак, а если бы оно проводилось, как обычно, в бункере, где взрывная волна нанесла бы гораздо больший ущерб, то у Гитлера было бы гораздо меньше шансов уцелеть.

Коль фюрер остался жив, заговор был обречен. Штауффенберг и его соратники сразу после приземления самолета в Берлине, по свидетельству Раттенхубера, оказались "под колпаком" слежки у шефа гестапо Мюллера. У заговорщиков не было поддержки ни в народе, ни среди основной массы солдат и офицеров вермахта.

Гитлер, убежденный атеист, приписал свое спасение не Богу, а Провидению. Через восемь часов после покушения он выступил с обращением к германской нации по радио. Его русский перевод опубликовала власовская газета "Доброволец". Этот замечательный в своем роде, о многом нам говорящий текст я процитирую почти полностью:

"Немецкие граждане и гражданки!

Я не знаю, в который уже раз на меня подготавливалось и производилось покушение. Если я к вам сегодня обращаюсь, то делаю это по двум причинам:

1. Для того чтобы вы слышали мой голос и знали бы, что я невредим и здоров;
2. Для того чтобы вы узнали подробности преступления, которое не имеет себе подобного в истории немецкого народа.

Совсем маленькая клика тщеславных, бессовестных и в то же время преступно глупых офицеров создала конспиративный заговор, с целью устранить меня и вместе со мной ликвидировать командный штаб германских вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Ею был очень тяжело ранен ряд ценных моих соратников - один из них скончался.

Я сам остался вполне невредим, если не считать легких накожных ссадин, ушибов и ожогов. Я это воспринимаю как подтверждение данного мне Провидением поручения стремиться и впредь к осуществлению моей жизненной цели так, как я это делал до сих пор.

Ибо я могу перед всей нацией торжественно объявить, что с того дня, как я пришел на Вильгельмштрассе, у меня была лишь одна мысль - добросовестно исполнять мой долг, и что с тех пор, как я убедился в неизбежности и неотложности войны, я знал, собственно говоря, только заботу и труд, и в бесчисленные дни и в бессонные ночи я жил только для моего народа.

В час, когда германская армия ведет тяжелейшую борьбу, и в Германии, подобно тому как в Италии, нашлась ничтожная маленькая группа людей, которая помогала, что сможет нанести нации удар в спину, как в 1918 году. На этот раз они жестоко ошиблись.

Утверждение этих узурпаторов, что меня нет в живых, опровергается с момента, в который я, мои дорогие немецкие сограждане, обращаюсь к вам с этой речью. Круг, представляемый этими узурпаторами, исключительно мал (тут вспоминаются знаменитые ленинские слова: "Узок круг этих революци-

онеров, страшно далеки они от народа". -Б. С.). С германскими вооруженными силами и, в частности, с германскими сухопутными войсками, он не имеет ничего общего. Это ничтожно маленькая шайка преступных элементов, которая теперь будет беспощадно уничтожена.

Чтобы окончательно водворить порядок, я назначил рейхсминистра Гимmlера командующим всеми тыловыми войсками. Чтобы заменить временно выбывшего по болезни начальника Генерального штаба, я призвал вместо него в Генеральный штаб генерал-полковника Гудериана и назначил его, одного из испытаннейших военачальников Восточного фронта.

Во всех других учреждениях Рейха все остается без перемен. Я убежден, что мы после ликвидации этой ничтожной клики предателей и заговорщиков создадим в тылу ту атмосферу, в которой нуждаются бойцы на фронте. Ибо совсем недопустимо, чтобы в то время, когда на передовых позициях тысячи и миллионы солдат жертвуют последним, в тылу ничтожная шайка честолюбивых и жалких тварей могла бы пытаться препятствовать этой жертвенности.

На этот раз мы рассчитаемся с ними так, как это принято у нас, национал-социалистов. Я убежден; что в этот час каждый порядочный офицер и каждый храбрый солдат поймут наши действия.

Какая участь постигла бы Германию в случае, если бы покушение удалось, это могут представить, наверное, только совсем немногие. Я лично благодарен Провидению и Создателю не за то, что Он сохранил мне жизнь - жизнь моя состоит в заботе и труде для моего народа, - но я Ему благодарен за то, что Он мне дал возможность и впредь заботиться о народе и продолжать мою работу так, чтобы я мог ответить за нее перед моей совестью.

Долг каждого немца, кем бы он ни был, оказывать беспощадный отпор этим элементам, либо немедленно арестовывать, либо, при малейшем сопротивлении, без колебания уничтожать. Приказы по всем воинским частям отданы. Они будут беспрекословно исполнены согласно тем традициям повиновения, что присущи Германской армии.

Еще раз я особо приветствую вас, мои старые соратники, потому что мне оцять удалось избежать участи, которая для меня самого не таила ничего ужасного, но которая принесла бы много ужасов немецкому народу. Я вижу в этом перст Провидения, указывающий на то, что я должен продолжать мое дело и поэтому я его и буду продолжать".

Продолжать свое черное дело фюреру оставалось недолго. Через девять месяцев в бункере рейхсканцелярии, в пылающем Берлине, по улицам которого громыхали советские танки, Адольф Гитлер покончил счета с жизнью, приняв яд и тотчас застрелившись, для надежности. Заговорщики же оказались отнюдь не "ничтожно малой шайкой". По обвинению в причастности к событиям 20 июля было арестовано несколько тысяч человек, из них около двухсот казнено, а еще несколько десятков офицеров предпочли самоубийство.

Гитлер, предавая арестованных беспощадному так называемому Народному суду, заметил:

"На этот раз я расправлюсь с ними безо всякого. Эти преступники предстанут не перед военным судом, где сидят их пособники и где затягиваются процессы. Они будут вышвырнуты из вермахта и предстанут перед Народным судом. Они не получают честной пули, а будут повешены как подлые изменники! Суд чести вышвырнет их из вермахта, и тогда можно будет судить их как гражданских лиц, так что они не запятнают престижа вермахта. Судить их следует молниеносно; не позволять им произносить никаких речей. И приводить приговор в исполнение в течение двух часов после его вынесения! Их следует вешать тут же без всякой жалости. И самое главное - не давать им времени для длинных речей. Ну, Фрейслер (председатель Народного суда. - Б. С.) уж об этом позаботится. Это - наш Вышинский".

Фюреру импонировал опыт советской "скорорасстрельной" юстиции 1930-х годов.

Опубликовавшую речь Гитлера 20 июля власовскую газету "Доброволец" редактировал тот самый Г. Н. Жиленков, имя которого фигурирует в протоколе допроса Таврина в деле о попытке покушения на Сталина. В редакционном комментарии, озаглавленном "Рука убийц отведена", по поводу неудавшегося заговора Жиленков верноподданнически клеймил Штауффенберга и его соратников:

"Жалкие твари хотели воспротивиться Провидению. Обезумевшие, неспособные мыслить, они решились на поступок, который, в случае его удачи, принес бы не только немецкому народу, но и всему цивилизованному миру безграничное несчастье (цивилизованный мир был совсем иного мнения. - Б.С.).

Нас пока не интересует, кто стоит за этими преступниками, подкуплены ли они были или уговорены. Для нас только важно установить, что нашлись негодяи, готовые на это преступление... История учит, что всегда и при всех обстоятельствах находились люди, преступный инстинкт или болезненное честолюбие которых делало их орудиями либо их порочного характера, либо их вдохновителей. Народы Франции, Англии, Америки, России и ряда других государств знают на своем опыте о подобных преступлениях и о связанных с ними последствиях (здесь бывший секретарь райкома партии имел в виду революции и террористические акты, столь роковые в истории этих стран. - Б. С.). Преступное знамя, под которым стояли покушавшиеся на жизнь фюрера, не имеет ничего общего с той непоколебимой законностью истории, которая рождает все великое путем жертв и страданий...

Мы, русские люди, ставшие на совместную борьбу против врагов культуры и цивилизации, большевиков и плутократов, счастливы, что вождь европейской освободительной борьбы Адольф Гитлер может продолжать свою историческую миссию. Мы знаем, что рука человека не в состоянии задержать развитие того, что решает высшая справедливость. И мы знаем также, что наша совместная борьба приведет к освобождению нашей любимой Ро-

дины, нашего великого русского народа, все чаяния которого устремлены на час его освобождения...

Адольф Гитлер покажет и нам путь к счастливому будущему. В уверенности этого мы приносим вождю общеевропейской освободительной борьбы наше искреннее и радостное приветствие. Да здравствует русско-немецкое боевое содружество!"

Власова, Жиленкова и других руководителей РОА можно понять. Ведь они находились в самом тесном контакте со многими из заговорщиков, в частности, с самим Штауффенбергом и полковником бароном Фрейтагом фон Лорингофеном, покончившим с собой через несколько дней после покушения. Власовцы могли всерьез опасаться, что и их притянут к заговорщикам со всеми вытекающими отсюда драматическими последствиями. Вот и заверяли - тактический ход - немцев в своей полной лояльности и выказывали восторг по поводу чудесного спасения Гитлера, ненароком, правда, выдавая свой страх перед тщательным расследованием связей Штауффенберга и его друзей: "... нас не интересует, кто стоит за этими преступниками". В интимном же кругу Власов отзывался о Гитлере совершенно по-другому. Например, одному из немецких офицеров связи Сергею Фрелиху он говорил: "Как это могло случиться, что немецкий народ бежит за этим злым карликом! Ведь я этот народ ценю и почитаю и представлял его моим офицерам как образец храбрости, мужества, сознания долга и работоспособности". Двух диктаторов, Сталина и Гитлера, Андрей Андреевич справедливо ставил на одну доску:

"Оба правят железной рукой, оба нуждаются в помощи опытейших осведомительных и карательных органов, оба используют слабые стороны человеческой души, оба распространяют чувство страха, из-за чего никто не смеет высказать властелину критическое мнение. Поэтому они окружены оппортунистами-подхалимами и потеряли реальное представление о происходящем. Особенно роковым это становится в военной области. Из этих двух преступников Сталин, без сомнения, умнее и значительно опаснее, поэтому против него в первую очередь надо вести борьбу. Если мне удастся для этой цели заручиться помощью другого преступника, то я уверен в успехе не только в борьбе со Сталиным, но и в последующем неизбежном конфликте с Гитлером".

Генерал-предатель предпочитал не вспоминать, как верой и правдой служил "более умному и опасному преступнику". И продолжал бы служить и, возможно, брал бы Берлин весной 1945-го, если бы не попал в плен летом 1942-го.

Штауффенберг, надо сказать, лелеял благородный, но несбыточный план: после убийства Гитлера Германия с помощью РОА сбрасывает Сталина и заключает почетный мир с созданным Власовым новым русским правительством. На самом деле даже в случае успеха заговора судьба власовцев все равно была бы печальна. Положим, хоть в это и верится с трудом, державы антигитлеровской коалиции соглашаются иметь дело с новым германским правительством и отказываются от условия безоговорочной капитуляции. Тогда

независимая Германия во главе с Бекем, Герделером и тем же Штауффенбергом могла бы сохраниться, пусть и не в тех, по сравнению с 1937 годом, границах. Но непременно обязательным условием любого мирного соглашения в любом случае была бы безоговорочная выдача всех руководителей власовской Русской освободительной армии. Так что для Власова и его соратников - куда ни кинь, всюду клин.

В таком же незавидном положении находились и некоторые из участников заговора против Гитлера. Взять хотя бы шефа криминальной полиции Артура Небе (ранее, на Восточном фронте, командовал зондеркомандой, осуществлявшей "окончательное решение еврейского вопроса"). Поэтому его и в случае успеха покушения 20 июля ждала бы виселица за преступления против человечества.

Интересно, что как раз 20 июля 1944 года Власова должен был принять Гиммлер. Но из-за покушения эта встреча была отложена и состоялась только 14 сентября. На советском суде в июле 1946-го Жиленков показал:

"...После моей поездки в район Львова и установления связи с представителем Гиммлера д'Алькеном при посредничестве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать д'Алькену, что Власов не свинья и не дурак".

Может быть, рейхсфюрера СС Георгию Николаевичу и удалось убедить в этом, а вот советских неправедных судей - конечно же нет.

Давайте вообразим себе на минуту, что покушение на Сталина, которое будто бы должен был осуществить осенью 1944-го Таврин-Шило, все-таки состоялось, но окончилось, как и покушение Штауффенберга, полной неудачей. Лично я думаю, что никакого покушения на советского вождя немцы в действительности не планировали, но давайте все-таки немного пофантазируем.

Итак, 6 ноября 1944 года майор Таврин проникает в Большой театр на совместное торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы, посвященное 27-й годовщине Октябрьской революции, и производит выстрел из "панцеркнакке". Да вот промазал. Мина разорвалась в нескольких метрах от Сталина и лишь чуть контузила его. Террорист схвачен подоспевшей охраной. А через несколько часов пришедший в себя Иосиф Виссарионович выступает с обращением к советскому народу по радио:

"Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей Армии и Флота!

К вам обращаюсь, друзья мои. Подлые наймиты германского фашизма пытались уничтожить Верховного Главнокомандующего Красной Армии. Вы слышите мой голос. Я жив и почти невредим. Мина, выпущенная вражеской рукой, взорвалась в трех метрах от меня, убив и ранив нескольких моих дорогих сотрудников. Жалкая кучка пигмеев составила заговор, чтобы вместе со

мною уничтожить военный и политический штаб советского народа, сделать наших людей рабами немецких фашистов. Но им не удастся повернуть вспять ход истории и украсть у нашего народа победу в Отечественной войне, которая уже близка.

Я остался цел, если не считать нескольких царапин и ушибов. Ничто не мешает мне сдержать клятву, данную над телом великого Ленина, и добиться торжества коммунизма в нашей великой и счастливой стране. Я могу подтвердить эту клятву и сегодня. Я всегда думал только о благе нашего советского народа, которое для меня превыше всего.

В час, когда Красная Армия, навсегда освободив нашу землю от гитлеровской нечисти, с тяжелыми боями приближается к логову фашистского зверя, чтобы водрузить над Берлином Знамя Победы, нашлись ничтожества, попытавшиеся нанести ей удар в спину. Но они жестоко просчитались. И сейчас, мои дорогие соотечественники, я обращаюсь к вам с этой речью. Эти мерзавцы не представляют никого, кроме германской разведки. С нашей доблестной Красной Армией они не имеют ничего общего. Это горстка отщепенцев, которая будет беспощадно уничтожена.

Чтобы обеспечить надежный порядок в тылу, я назначил члена Государственного Комитета Обороны, наркома внутренних дел товарища Берия командующим всеми войсками как НКВД, так и Красной Армии, в тыловых районах и подчинил ему органы военной контрразведки СМЕРШ. Я назначил своего заместителя Маршала Советского Союза товарища Жукова, испытанного боевого командира, командующим 1-м Белорусским фронтом, наступающим на Берлин.

Я убежден: после ликвидации этой ничтожной кучки предателей и заговорщиков мы окончательно создадим в тылу ту атмосферу, которая необходима бойцам на фронте. Совсем недопустимо, когда тысячи и миллионы солдат в окопах жертвуют своей жизнью и здоровьем, - в тылу гнусная шайка бандитов и двурушников мешает этой героической борьбе. Мы рассчитаемся с ними беспощадно, по-большевистски. Я верю, что каждый порядочный и честный офицер и каждый храбрый красноармеец поймут оправданность наших беспощадных мер для сохранения спокойствия на фронте и в тылу.

Какая участь постигла бы Советский Союз в случае, если бы покушение удалось? Я уверен, что народы нашей страны сплотились бы вокруг партии, ее ленинского Центрального Комитета и Советского Правительства и не позволили бы коварному врагу украсть выстраданную нами Победу. Это преступление не смогло бы поколебать морально-политического единства советского общества, закалившегося в пламени войны, не разрушило бы дружбы народов СССР, не уничтожило бы советского патриотизма. Жизнь моя принадлежит народу, и я сегодня счастлив только тем, что могу спокойно продолжать свою работу на благо нашей прекрасной страны.

Долг каждого советского патриота, кем бы он ни был, оказывать решительный отпор преступным, предательским элементам, незамедлительно арестовывать, а при малейшем сопротивлении уничтожать их на месте.

Уже арестованы основные идейные вдохновители заговора - бывший начальник военной контрразведки СМЕРШ Абакумов, бывший заместитель начальника Главного управления формирования Красной Армии Кулик, бывший командующий армией Гордов и еще несколько предателей, направивших руку покушавшегося - агента германской разведки Таврина, схваченного на месте преступления. Некоторые за рубежом, наверное, будут утверждать, что очищение Красной Армии от шпионов, убийц и вредителей "ослабит" ее боевую мощь, внесет "разложение" в ряды наших славных Вооруженных Сил и даже "поколеблет" сам советский строй. Как может поколебать и разложить Красную Армию и советский строй ликвидация вредных и враждебных элементов? Только уничтожение с корнем троцкистско-бухаринской заразы, расстрел Тухачевского, Якира, Уборевича, Рыкова, Бухарина и других оборотней очистило наш тыл от фашистской "пятой колонны" и позволило нам выстоять и сломать хребет Гитлеру в Отечественной войне. Жалкая кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшихся перед заграницей, проникнутая рабским чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей, готовая пойти к нему в шпионское услужение, - разве кому-нибудь нужна эта банда продажных рабов? Кого она может "разложить"? Они сами давно уже разложились и смердят, словно трупы.

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует наш славный Военно-Морской Флот!

Да здравствует могучий советский народ!

Да здравствует наша великая Родина!

Смерть немецко-фашистским захватчикам и их подлым приспешникам и наймитам!"

Можно предположить, что, поскольку Таврин имел на руках документы офицера СМЕРШ, первое подозрение пало бы на главу военной контрразведки В.С. Абакумова. Руководителя столь мощной спецслужбы, пронизывающей всю Красную Армию, Виктора Семеновича немедленно бы арестовали. Тут же, конечно, выяснилось бы, что удостоверение у Таврина фальшивое, но Абакумова все равно освободить не стали бы. На самом деле, он был арестован 13 июля 1951 года, но найдись повод - Сталин убрал бы Абакумова и раньше - например, 6 ноября 1944 года. К тому же участие начальника СМЕРШ придало бы мнимому "заговору" столь ценный органами размах. Точно так же опальный маршал Григорий Иванович Кулик, разжалованный в 1942-м в генерал-майоры, был бы очень подходящим кандидатом на роль заговорщика. Здесь я в своей фантазии тоже не слишком далеко отклонился от истины. Очередь Кулика, его непосредственного начальника командующего Приволжским военным округом генерала Василия Николаевича Гордова (бывший маршал служил у него заместителем) и начальника штаба округа генерала Филиппа Трофимовича Рыбальченко пришла в 1946 году. Их сначала уволили в отставку, а в начале следующего 1947-го года арестовали по обвинению в антисоветской агитации. Поводом послужили записи интимных разговоров генералов между собой и с женами, записанные на пленку людьми

министра госбезопасности Абакумова. Вот что, в частности, говорил Кулик Гордову в голодном 1946-м (голодном, естественно, не для генералов) после одного из застолий с обилием крепких напитков:

" Берия - это еще тот фрукт. Вот погодите, станет он вместо Сталина, а это будет точно, поплачем все вместе... Это пока цветочки. Рыков не ошибался, когда говорил, что через 10-15 лет Советская власть станет такой жестокой, что царские порядки побледнеют..."

Колхозы как система хозяйствования на земле нерентабельны. Потому-то рабочие и крестьяне голодают, тогда как члены Советского правительства живут как помещики..."

Думается, в бывшем маршале взбродила старая эсеровская закваска: Григорий Иванович был членом партии социалистов-революционеров с 1913 по октябрь 1917 года. Да и жила память о бедняцкой семье, в которой он родился и вырос.

Гордова тоже возмущала беспросветная советская нищета: " Нашему крестьянину сегодня что надо? Раз в год в бане с мылом помыться да зажечь керосиновую лампу. При царе не было столько разных министерств по топливу, а деревня имела керосин. От кого? От одного Нобеля... За год мы не смогли после войны сделать то, что та же Чехословакия - за три месяца. Депутатам на рты замки из благ повесили, вот мы и молчим на сессиях. Попробуй покритикуй правительство..."

Рыбальченко вторил друзьям: "А-а, что там говорить, у нас в стране управляющих больше, чем работающих. Совсем по пословице: один с сошкой, а семеро с ложкой".

Адъютанту же маршала Жукова генерал-лейтенанту Василию Григорьевичу Терентьеву Гордов говорил и вовсе крамольные слова: "Правительству плевать на народ и смерть миллионов, оно занято самообеспечением".

И с женой Василий Николаевич делился сокровенными мыслями после унижительной отставки:

- Я хочу умереть. Чтобы ни тебе, ни кому не быть в тягость.

- Ты не умирать должен, а добиваться своего и мстить этим подлецам. - Супруга, Татьяна Владимировна, в новогоднюю ночь 1947-го была настроена решительно.

- Ни тебе, ни мне это невыгодно, - возразил Василий Николаевич.

- Выгодно, - не унималась жена, не подозревавшая, что в их спальне коллеги Серго Берии давно уже установили микрофоны. - Мы не знаем, что будет через год. Может быть, то, что делается, все к лучшему.

- Тебе невыгодно, чтобы ты была со мной, - трезво рассудил Гордов, видно, уже предчувствуя, что гулять на свободе осталось недолго.

- Что ты обо мне беспокоишься? - возмутилась Татьяна Владимировна. - Эх, Василий, слабый ты человек!

- Я очень много думаю, - признался генерал, - что мне делать сейчас. Вот когда все эти неурядицы кончатся, что мне делать? Ты знаешь, что меня переворачивает? То, что я перестал быть владыкой... - В своем округе Василий

Николаевич ощущал себя и царем, и богом, а не только воинским начальником. А тут - перспектива жизни на одну только, пусть и немалую, генеральскую пенсию, без бывшего почета и уважения, забытым сослуживцами, покинутым друзьями, опальным генералом! Было от чего прийти в отчаянье.

- Я знаю. Плюнь ты на это дело! Лишь бы Сталин тебя принял, - попробовала утешить его супруга.

Но от таких утешений Гордов распалился еще больше и окончательно избавился от иллюзий насчет "доброго Сталина" и "лихих бояр", его окружающих:

- Угу. А с другой стороны, он все погубил.

- Может быть, то, что произошло, даже к лучшему, - философски заметила Татьяна Владимировна.

Но Василий Николаевич, видно, уже в глубине души чувствовал, что лучшего не дождется, и напоследок резал правду-матку:

- А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед ("далее следуют непечатные выражения в адрес т. Сталина", отметили чекисты, деликатно не решаясь доверить бумаге ту хулу, что возвел генерал на генералиссимуса. - Б. С.)...

- Я уверена, что он просидит еще только год, - высказала совсем уж крамольную мысль жена. При желании эти слова легко можно было истолковать как умысел на теракт или как участие в заговоре с целью подготовить государственный переворот.

- Я говорю, - продолжал Гордов, - каким он был... (тут опять непечатные слова об Иосифе Виссарионовиче. - Б. С.), когда вызвал меня для назначения... (снова матерные ругательства. - Б. С.), плачет, сидит жалкий такой (речь шла о назначении Гордова командующим Сталинградским фронтом в момент, когда дивизии Паулюса рвались к городу. - Б. С.). И пойду я к нему теперь? Что - я должен пойти и унизиться до предела, сказать: "Виноват во всем, я предан вам до мозга костей", когда это неправда? Я же видеть его не могу, дышать с ним одним воздухом не могу! Это... (опять матерится. - Б. С.) которая разорила все. Ну как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить твоему подлому делу, да?..

- А тогда чего же ты переживаешь? - удивилась супруга.

- Ну да, сказать, что хочу служить твоему делу? Для этого ты меня посылаешь? Не могу я, не могу. Значит, я должен себя кончить политически... Что сделал этот человек - разорил Россию, ведь России больше нет. А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь: иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: "Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно". Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут! Эх, если бы ты знала что-нибудь!

- Тогда не надо так переживать, - пыталась успокоить разнервничавшегося мужа Татьяна Владимировна. Но остановить Василия Николаевича уже не было никакой возможности.

- Что меня погубило, - признался опальный генерал, - то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя гибель, - пророчески добавил Василий Николаевич. - Я поехал по районам, и когда все увидел, все это страшное, - тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, мышления (очевидно, размышления. - Б. С.), я стал их высказывать тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

На этот патриотический порыв Татьяна Владимировна ответила словами, которые одинаково точно характеризуют настроения в стране как сразу после Второй мировой войны, так и на исходе 20-го столетия:

- Сейчас никто не стремится к тому, чтобы принести какую-нибудь пользу обществу. Сейчас не для этого живут, а только для того, чтобы заработать кусок хлеба. Неинтересно сейчас жить для общества...

- Нет, это должно кончиться, конечно, - с неизбывным русским оптимизмом подытожил невеселый разговор Гордов. - Мне кажется, что, если бы Жукова еще годика на два оставили на месте (в июне 1946-го попал в опалу, смещен с поста главкома Сухопутных войск и отправлен командовать второстепенным Одесским военным округом. - Б. С.), он сделал бы по-другому...

В одном из разговоров Рыбальченко заявил Гордову: "Я все-таки думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет (он ошибся только в сроках: Советский Союз развалился не в середине 1950-х, а в начале 1990-х. - Б. С.)... Как наш престиж падает, жутко просто! Даже такие, как венгры, чехи, и то ни разу не сказали, что мы вас поддерживаем. За Советским Союзом никто не пойдет..."

В принципе, разговоры опальных генералов можно рассматривать как своего рода пародию на антигитлеровский заговор 20 июля: в отличие от германских заговорщиков у Кулика, Гордова и Рыбальченко дальше разговоров дело не пошло, да и не могло пойти. На следствии Кулик на одном из последних допросов заявил: "Прошу мне верить, что никаких практических мер по террору против членов Советского правительства при мне не обсуждалось". Да и как, спрашивается, даже в бытность свою на командных постах в Приволжском военном округе, три генерала могли на деле подготовить и осуществить террористический акт против не то что Сталина - Молотова или Маленкова? О каком военном перевороте могли они помышлять, сидя в Куйбышеве, за сотни километров от Москвы? Но Сталин за разговоры карал также строго, как и за конкретные дела. Генералиссимус хотел приструнить победителей Германии и Японии, покорителей Берлина и Вены, Праги и Будапешта.

На суде, состоявшемся 24 августа 1950 года, Кулик признал свою вину в том, что критиковал сталинскую стратегию ведения войны: "...Когда я был в Германии по подготовке боевой операции, ко мне приехал Жуков, который после осмотра позиций пригласил к себе обедать. Во время обеда завязался разговор о методах ведения войны, и Тимошенко вновь начал разыгрывать меня, высказав при этом, что всех нас, стариков, отстранили от командования и в ход пошла молодежь. Что война сейчас идет не качеством, а количеством (будто Тимошенко, Кулик и Жуков воевали качеством! - Б. С.). Я с этим высказыванием Тимошенко соглашался, разделял его высказывания, принимал участие в критике обиженных лиц руководства Главного Командования".

Председательствовавший на процессе В. В. Ульрих зачитал Григорию Ивановичу показания Гордова: "В беседах с Рыбальченко и Куликом, которые были более близки ко мне, высказывал угрозу по адресу руководителей ВКП (б) и правительства. При этом я неоднократно называл руководителей ВКП (б) и правительства правящей кликой и кучкой тиранов и обвинял их в том, что они ради личного обогащения якобы разграбили страну и сделали ее нищей... Разделяя мои вражеские настроения, Рыбальченко и Кулик также злобно клеветали на правительство и, обвиняя его в неспособности руководить страной, договорились до того, что такое правительство необходимо свергнуть..."

И бывший маршал вынужден был признать: "Был случай, когда Гордов вышел из госпиталя и зашел вместе с Рыбальченко ко мне на квартиру, у нас возник разговор, и Гордов сказал: "Черт знает, довели страну до нищего состояния". Затем, когда был болен Сталин, Гордов высказался так, что существует какая-то правительственная кучка тиранов. При мне о Сталине и о свержении Советского правительства Гордов и Рыбальченко никогда не говорили, так как они знали, что я был близок к Сталину, и они боялись меня. Возможно, это они говорили вдвоем, без моего присутствия... Да, Гордов и Рыбальченко - антисоветские люди, с которыми я вел антисоветские разговоры, чего раньше не замечал и осознал это только в тюрьме".

В последнем слове Кулик просил о снисхождении: "Я был озлоблен против Советского правительства и партии, чего не мог пережить, как большевик, и это меня привело на скамью подсудимых. Я допускал антисоветские высказывания, в чем каюсь, но прошу меня понять, что я в душе не враг, что я случайно попал в это болото, которое меня затянуло, и я не мог выбраться из него. Я оказался политически близоруким и не сообщил своевременно о действиях Гордова и Рыбальченко".

Сталин Кулика не пощадил. 25 августа 1950 года его расстреляли. В тот же день судили Гордова и Рыбальченко. Они признали свою вину, но жизнь все равно не спасли. Василий Николаевич на закрытом заседании Военной Коллегии Верховного Суда согласился, что вел "нездоровые разговоры о коллективизации и во время одного такого разговора допустил выпад против Сталина", но уверял, что не является ни врагом, ни контрреволюционером и горячо любит свою Родину.

Германские заговорщики 20 июля в большинстве своем на суде пощады не просили, да и понимали неизбежность смертных приговоров. Они утверждали, что в устранении Гитлера видели единственный путь для спасения Германии. Советские генералы-псевдозаговорщики не стали на процессах отстаивать свои антисталинские взгляды. Здесь сыграли роль сразу несколько обстоятельств. Немецкие генералы и политики держали ответ за неудавшееся покушение на фюрера и реальный заговор с целью захвата власти. Гордова, Кулика и Рыбальченко судили за одни только разговоры. Они уже несколько лет провели в тюрьме и надеялись, что высшей меры наказания к ним применять не будут. Сказалась и разная ментальность германских аристократов, составлявших костяк заговора 20 июля, и советских выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды. Штауффенберг, Бек и их соратники рассчитывали после убийства Гитлера ликвидировать нацистский режим и вернуться к демократии Веймарской республики. Кулик, Гордов и Рыбальченко дальше мыслей об улучшении советской власти и замены Сталина кем-либо более терпимым и менее жестоким не шли. Кулик, например, показал на суде: "... Мы обсуждали, если что-либо случится со Сталиным, то кто его может заменить? Я сказал, что может заменить его Молотов, но он тоже уже стар, а Гордов или Рыбальченко сказал, что его лучше может заменить Вознесенский".

Устранить же Сталина мнимые заговорщики имели еще меньше возможностей, чем агенты германских или японских спецслужб.

* * *

Были ли у Сталина планы покушения на Гитлера, а у Гитлера - планы устранения Сталина и других членов " Большой тройки "? Собиралась ли японская разведка с помощью бывшего комиссара госбезопасности Люшкова уничтожить советского лидера? Боюсь, что сегодня на все эти вопросы придется дать скорее отрицательный, чем положительный ответ.

Как же повлияли шпионские страсти военного времени на исход войны? Думаю, что почти никак. Порой немецкие агенты сообщали действительно ценные сведения стратегического значения, но вот использование их определялось общей стратегической концепцией и видением войны самим Гитлером и ближайшими к нему генералами. И главные решения по проведению основных военных операций принимались обыкновенно независимо от наличия тех или иных агентурных донесений.

Хотя после окончания войны прошло уже более полувека, подготовка спецслужбами покушений на Сталина и Гитлера, действия немецкой разведки в советском тылу и советской разведки на территории Рейха и на оккупированных территориях остаются одним из наиболее темных вопросов истории. Белых пятен, как смогли убедиться читатели, здесь гораздо больше, чем твердо установленных фактов, когда мы можем уверенно сказать: было так, а не иначе. Ведь нам приходится опираться главным образом на воспоминания бывших сотрудников спецслужб и на документы, публикуемые теми же

спецслужбами. Здесь правда всегда причудливо переплетается с вымыслом, благодаря чему всегда остается несколько возможных версий одного и того же события, биографии того или иного знаменитого агента. Поэтому о разведке и несостоявшихся покушениях на великих мира сего, особенно когда временная дистанция с прошлым составляет лишь несколько десятилетий, чаще писали и будут писать повести и романы, а не исторические исследования. Моя же книга, для которой я старался не только брать твердо установленные факты, но и анализировать все существующие версии и гипотезы, завершена. В конце пути вопросов осталось не меньше, чем было вначале. Но иначе и не может быть до тех пор, пока не будут открыты для независимых исследователей архивы советских, германских и японских спецслужб эпохи Второй мировой войны. Наверное, этого придется ждать еще не одно десятилетие. Так что оставим окончательный ответ на все вопросы историкам XXI века.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев Д. Л. Собрание сочинений в 3 т. (Т. 3 - в 2 кн.). М.: Московский рабочий; Присцельс; Урания, 1993-1997.

Беляев В. Генерал - почетный гражданин города. Заметка о генерал-майоре И. М. Шепетове» // Красная звезда, 1967, 22 июня.

Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993.

Берия С. Л. Мой отец - Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Бобринев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993.

Гелен Р. Служба/ Пер. с нем. М.: Терра, 1997.

Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1-2. М.: Воениздат, 1988.

Гладков Т. К. С места покушения скрылся... М.: Гея, 1998.

Глантц (Глэнц) Д. М. Операция "Марс" (ноябрь - декабрь 1942 г.) - Пер. с англ. // Вопросы истории, 1997. № 8.

Дайнес В. О. В. К. Блюхер: Страницы жизни. М.: Знание, 1990.

Дневник Мартина Бормана// Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.

Доброволец, Берлин, 1944, 23 июля.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.

Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М.: Олма-Пресс, 1998.

Катунцев В., Коц И. Инцидент: Подоплека хасанских событий // Родина, 1991, № 6-7.

Клюге К. Соль земли. М.: Искусство, 1992.

Колесник А. Д. Генерал Власов: предатель или герой? М.: Те-хинвест, 1991.

Колесник А. Д. РОА - власовская армия. Судебное дело А. А. Власова. Харьков: Простор, 1990.

Конин Г. К. Так начиналась легенда. Кудымкар, 1995.

Коровин В. В. Поединок с абвером // Военно-исторический журнал, 1995, №1.

Кузнец Ю. Л. "Длинный прыжок" - в никуда: Как был сорван заговор против "Большой тройки" в Тегеране. М.: Финансы и статистика, 1996.

Медведев Д. Я. Сильные духом. М.: Воениздат, 1951.

Муранова А. К., Звягинцев В. Е. Досье на маршала: Из истории закрытых судебных процессов. М.: Андреевский фпаг, 1996.

Папчинский А. А., Тумшис М. А. "Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов" или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон. Новый часовой, 1998. № 6-7.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1-2. М.: Политиздат, 1957.

Раззаков Ф. И. Век террора: Хроника покушений. М.: ЭКСМО, 1997.

Садовский Б. А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990.

Сентябрь сорок четвертого: Отклики читателей// М.: Смена, 1972. №8.

Скорцени О. Секретные задания РСХА/ Пер. с нем. // Короли диверсий. М.: Прибой, 1997.

Собственноручные показания начальника личной охраны А. Гитлера Ганса Ратгенхубера// Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.

Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 1998.

Соколов Б. В. Цена победы (Великая Отечественная: Неизвестное об известном). М.: Московский рабочий, 1991.

Соловьева А. К. Волки гибнут в капканах. М.: Воениздат, 1976.

Соловьева А. А. Сентябрь сорок четвертого//М.: Смена, 1971. №18-19.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполит-издат, 1939.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Воениздат, 1949.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1995.

Струтинский Н. В. Во имя Родины // Байкал, Улан-Удэ, 1972, №6; 1973, №1-2.

Струтинский Н. В. Подвиг. 2-е изд. Львов: Каменяр, 1965.

Судоплатов А. Я. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. Т. 1-2. М.: Олма-пресс, 1998.

Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930- 1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. 28 ноября - 1 декабря 1943 г.: Сборник документов. М.: Политиздат, 1984.

Треппер Л. Большая игра: Воспоминания советского разведчика/ Пер. с франц. М.: Политиздат, 1990.

Убить Сталина // Служба Безопасности: Новости разведки и контрразведки, М., 1993. № 3. (Эта публикация посвящена делу П. Н. Таврина.)

Фрелих С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / Пер. с нем. Теналфи, 1990.

Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока, 1990. №№ 3,4,5; 1991. №№3,5,6,7.

Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.

Черчилль У. Вторая мировая война/ Пер. с англ. Т. 1-6. М.: Терра, 1997.

Шелленберг В. Мемуары/Пер, с нем. М.: Прометей, 1991.

Bryant A. The Turn of the Tide. A History of War Years. Based on the Diaries of the Field-Marshal Lord Alan Brooke, Chief of the Imperial General Staff. N. Y., 1957.

Cookridge E. H. Gehlen Spy of the Century. L. etc, 1971; 2nd Ed.: N.Y.: Random House, 1972.

Coax A. D. The Lesser of Two Hells: NKVD General G. S. Lyushkov's Defection to Japan, 1938-1945//The Journal of Slavic Military Studies, L, Vol. 11, # 3, September 1998; #4, December 1998.

Erickson J. The Road to Berlin. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1983.

Erickson J. The Road to Stalingrad. L: Weidenfeld and Nicolson, 1983 (1st Ed.-1975).

The Foreign Office and the Kremlin. British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941-1945. Cambridge Univ. Press etc, 1984.

Glantz D. И/. Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1999.

Kahn D. Hitler's Spies: German Military Intelligence in World War II, L: Hodder Stoughton, 1978.

Lucas J. War on the Eastern Front 1941-1945: The German Soldier in Russia. N. Y.: Bonanza Books, 1982.

Maslov A. A. Fallen Soviet Generals: Soviet General Officers Killed in Battle. Translated from Russian. L: Frank Cass, 1998.

Shellenberg W. The Labyrinth. N. Y.: Harper Brothers, 1956.

Whiting Ch. Gehlen: Germany's Master Spy. N. Y.: Ballantine Books, 1972.